

КОЛИН УИЛСОН

МИР
ПАУКОВ

БАШНЯ
ДЕЛЬТА

Мир пауков

Колин Уилсон

**Мир пауков: Башня.
Дельта (сборник)**

«АСТ»

1987

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

Уилсон К. Г.

Мир пауков: Башня. Дельта (сборник) / К. Г. Уилсон — «АСТ»,
1987 — (Мир пауков)

ISBN 978-5-17-106164-7

Земля далекого завтра, опаленная радиоактивным хвостом кометы, привела остатки человечества на грань выживания. Люди прячутся в пещерах, с трудом добывая себе скудное пропитание. А хозяевами планеты отныне стали главные их враги – гигантские пауки, обладающие способностями телепатически воздействовать на свои жертвы. И так было до тех пор, пока на тропу войны с мыслящими насекомыми не вышел Найлз...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-106164-7

© Уилсон К. Г., 1987

© АСТ, 1987

Содержание

Башня	6
Часть первая. Пустыня	7
Часть вторая. Башня	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Колин Уилсон

Мир пауков. Башня. Дельта

Colin Wilson
Spider World. The Tower. The Delta

© Colin Wilson, 2001
© Перевод А. Шабрин, 2017
© Издание на русском языке Publishers, 2018

* * *

Башня

Посвящаю эту книгу Салли, Дэймону и Ровану, а также тому, перед кем я в особом долгу, – Дональду Симэну. Мы с ним собирались писать «Мир пауков» в соавторстве. От этой идеи пришлось отказаться на раннем этапе, но в процессе работы я часто пользовался его советами и подсказками.

Еще я глубоко благодарен профессору Джону Клодсли-Томсону, ведущему английскому специалисту по пустыням, за бесценный совет, очень пригодившийся при создании первого тома.

Корнуолл, 1986

Часть первая. Пустыня

В тот миг, когда холодный ветер рассвета, очнувшись, шепчуще коснулся плоского камня, закрывающего вход в пещеру, Найл, прикинув ухом к щели, с напряженным вниманием вслушался. Всякий раз в такой момент ему казалось, что в голове вспыхивает крохотный солнечный зайчик, а все вокруг внезапно замолкает и каждый звук обретает обостренную четкость. Вот сейчас, к примеру, он различал частую поступь крупного насекомого, с тихим шелестом спешащего сверху через песок. Проворство невесомых движений подсказывало, что это фаланга, а может, и паук-верблюды. Мгновение спустя насекомое мелькнуло в поле зрения. Точно, паук: бочкообразное мохнатое туловище, в непомерно больших челюстях остатки ящерицы. Мгновение – и его уже нет; опять тишина, только ветер монотонно шумит в ветках кактуса-юфорбии. Впрочем, насекомое дало ответ на то, что Найлу требовалось знать: поблизости нет ни скорпиона, ни жука-скакуна. Паук-верблюды – ненасытнейшее из тварей, жрет до тех пор, пока утроба не раздувается настолько, что и бегать не в состоянии. Этому, проشمывнувшему, судя по всему, еще лопать да лопать. Если б поблизости находился хоть кто-нибудь, подающий признаки жизни, паук бросил бы недоеденную добычу и кинулся бы на очередную жертву.

Осторожным движением, напоминающим гребки пловца, Найл развел руки в стороны и смахнул песок, после чего, лавируя поджарым телом, выбрался наружу. Солнце на горизонте едва забрезжило, от песка еще веяло ночным холодом. То, из-за чего он оставил жилище, находилось метрах в пятидесяти, возле самой кактусовой поросли. Растение уару, зеленая плоть которого, толщиной и податливостью напоминающая мочку уха, накапливает росу и удерживает ее будто в чаше. Вот уже полчаса Найл лежал без сна со свербящей от жажды глоткой и вожаденно представлял, как припадет губами к льдисто-холодной влаге. Вода у них в жилище была та, что таскали из подземной глубины муравьи-трудяги, но была она рыжего цвета и имела железистый привкус. Льдистая же роса уару в сравнении с ней – просто нектар.

Чаша растения – два сведенных воедино листа – была полна росы, поблескивающей по краям кристалликами изморози. Опустившись возле растения на четвереньки, Найл окунулся в чашу лицом и сделал первый глоток – долгий, медленный, сладостный. От удовольствия мышцы дрогнули и расслабились. Ледяная вода для жителя пустыни – едва не величайшее из наслаждений. Возник соблазн выпить все до последней капли, но опыт подсказывал: не стоит. Мелко сидящим корням уару эта влага необходима для жизни; если выпить все, растение погибнет и одним источником воды станет меньше. Поэтому Найл отвел губы, хотя воды оставалось еще порядочно. Однако уходить не спешил, а все смотрел на прозрачную воду, будто впитывая глазами. А душу, народившись, заполнила прохладная волна восторга. В уме ожила странная, неведомо от кого и как унаследованная память о золотом веке, когда воды было вдосталь, а люди не прятались, подобно насекомым, под покровом пустыни.

Глубокий умиротворенный покой спас Найлу жизнь. Когда он поднял голову, взгляд его остановился на шаре, скользящем по призрачно-бледной восточной части небосклона. Шар двигался в его сторону, быстро покрывая разделяющее их расстояние в полмили. Найл мгновенно, не успев даже этого осознать, подавил в себе безотчетный, слепой ужас, глубокий, как инстинкт. Справиться с ним было, безусловно, труднее, если бы Найлом вот только что не владело глубокое умиротворение. Почти сразу до парня дошло, что его скрывает тень гигантского кактуса-цереуса, возносящегося колоннадой своих стеблей на высоту в десяток метров. Смуглое тело Найла, вполне вероятно, было и вовсе неразличимо на фоне темного западного горизонта, еще не высветленного лучами солнца. Единственное, что могло выдать, это инстинктивный ужас. А подавить его ох как непросто: ведь шар несся прямо на него, а угнездившаяся там тварь, кто знает, может, уже и заметила свою добычу. Найл мельком подумал о семье – там, внизу, в пещере. Хорошо, если они все спят.

Между тем шар опустился ниже, завис сверху, и тут Найл впервые в жизни пережил зловещее ощущение угрозы, излучаемое охотящимися пауками-смертоносцами. Будто чья-то чужая воля – непреклонная, враждебная – хлестнула покров пустыни подобно лучу прожектора, с почти осязаемой силой пронизывая каждую выемку, каждое затемненное углубление, намеренно нагнетая ужас, пока тот, переполнив человечью душу через край, не хлынет верхом, словно раздирающий горло истошный вопль. Найл старался не поднимать глаза; он перевел их на чашу уару, пытаясь уподобить ум чистой, недвижимой глади воды. И именно в тот момент он испытал небывалое ощущение. Его ум будто почувствовал душу уару, пассивную зеленую душу, единственное стремление которой – пить, поглощать солнечный свет и оставаться живой. Одновременно с этим он ощутил и более стойкие – даже можно сказать надменные – души высоченных цереусов, поднимающих узкие шипастые персты-стебли к небу, словно бросающих дерзкий вызов. Сама земля, казалось, обрела прозрачность; Найл ощущал, где там именно находится семья: родители, брат, две сестренки. Все спали, лишь отец беспокойно шевельнулся, когда полоснул зловещий луч.

Прошло несколько секунд, и все кончилось: шар, успев уже отдалиться на десятки метров, скользил в сторону гористой возвышенности, поднимающейся к небу на горизонте. Луч враждебной чужой воли стегал пустыню, теперь уже на расстоянии; он различал его так же ясно, как если бы это был сноп прожектора. Найл сидел совершенно неподвижно, следя взглядом за маячащим в воздухе шаром; любопытно, что луч осмотрительно вильнул, огибая выпирающий из земли острый выступ матерой скальной породы.

Когда шар скрылся, Найл поспешил обратно в пещеру, двигаясь проворно и бесшумно, как приучен был с детства. Тем не менее звук его поступи разбудил отца: пружинисто подскочив, тот застыл в напряженной позе, кремневый нож сжат в руке. Поглядев на сына, Ульф понял: что-то произошло.

- Что там?
- Паучий шар, – произнес Найл шепотом.
- Где?
- Уже прошел.
- Он тебя заметил?
- Думаю, нет.

Ульф издал протяжный выдох облегчения. Подобравшись к лазу, он внимательно прислушался, затем рискнул выглянуть. Солнце теперь взошло над горизонтом, придав безоблачному голубому небу белесоватый оттенок.

Из темноты послышался голос Вайга, старшего брата:

- Что там?
- Охотятся. Они... – отозвался Найл.

Вайгу не пришлось переспрашивать: «они», произнесенное таким тоном, могло означать лишь пауков-смертоносцев. Их охотничьи облавы составляли наисущественную часть в жизни горстки людей, большей частью хоронящихся под землей. Сколько люди себя помнили, на них все время охотились. Скорпионы, жуки-скакуны, полосатые скарабеи, кузнечики-гиганты. Но чаще всех пауки-смертоносцы. Жуки и москиты были естественными врагами, с ними порой удавалось совладать. Убить же смертоносца значило навлечь на себя страшную месть. Джомар, дед Найла, когда был у них в рабстве, видел, какой каре они подвергли небольшое поселение людей, убивших смертоносцев. Тысячи и тысячи восьмилапых вылезли на облаву. Живая цепь из пауков растянулась по пустыне более чем на десяток миль, сверху нависали сотни шаров. Когда людей наконец изловили – их оказалось около тридцати, считая детей, – всех доставили в городище Смертоносца-Повелителя. Там их вначале провели перед его жителями, а затем устроили мрачный церемониал. Несчастных парализовали ядом; жертвы находились в полном сознании, но были совершенно лишены возможности двигаться, могли лишь водить глазами

и моргать. Их жрали заживо в течение нескольких дней: нарочно медленно, растягивая удовольствие. Главный зачинщик оставался в живых почти две недели, пока не превратился в бесформенный огрызок.

Никто не знал, отчего пауки так ненавидят людей; даже Джомар, проживший среди них столько лет, прежде чем бежал на паучьем шаре. Насколько было известно Джомару, пауки, специально занимающиеся отловом людей, исчислялись тысячами. Может, потому, что человечина почиталась у них за изысканнейший деликатес? Но зачем оно им, если смертоносцы и так держали себе на корм людское стадо? Судя по всему, им должны были нравиться те, что пожирнее, – такие, чтоб едва двигались от обилия веса. Тогда на что им, спрашивается, чудосочные обитатели пустыни? Видимо, для беспроектной ненависти к людям у смертоносцев была иная причина.

Теперь пробудились и остальные – мать Найла Сайрис и две младшие сестренки, Руна и Мара. Улф старался говорить тише, чтобы младшенькие не слышали, иначе заподозрят неладное и запаникуют. Страх малышей неуправляем; он просачивается наружу подобно мучительным, тревожным содроганиям или душливо-тошнотворному запаху.

Вайг, примостившийся у камня при входе, поманил отца к себе. Найл тоже перебрался ближе к лазу. Прежде чем две головы – отца и брата – сдвинулись вплотную, заслонив обзор, он успел углядеть белый шар, проворно скользящий высоко над верхушкой трубчатого кактуса.

Улф тихо произнес:

– Маленьких надо усыпить.

Вайг, кивнув, исчез в недрах пещеры, там, где держали муравьев. Минут через десять возвратился, неся долбленную посудину сладкого комковатого вещества, которое муравьи выделяют из зоба. Малышки, не избалованные такими щедрыми порциями, жадно набросились на лакомство. Найл, получив свою тарелку, вдохнул исходящий от нее тяжелый, приторный аромат ортиса – растения из лесов Великой Дельты. Однако засыпать ему не хотелось. Он теперь был уверен, что не потеряет самообладания. Проглотив немного пищи, чтобы не досадить отцу, он, улучив момент, незаметно сунул тарелку под травяную подстилку. Минут через пять девочки уже спали, Найл тоже чувствовал приятную осоловелость, вызванную наркотиком: ровное греющее тепло, приглушающее чувство голода. Ум, однако, оставался начеку.

Сайрис дождалась, пока девочки уснут, к комковатой медвяной каше едва притронулась. Как и Найл, засыпать она не думала. Не оттого, что собиралась защищать жилище; для того лишь, чтобы умертвить вначале детей, затем себя, если смертоносцы отыщут, где они прячутся.

Острый шуп страха пронзил жилище как раз в тот момент, когда она глотала первый кусочек пищи. Возникло ощущение, будто сейчас в самом деле паучище действительно ввалится сюда. На какую-то секунду Найл сам едва не лишился самообладания, однако вовремя сообразил, что неизъяснимый этот страх ничего за собой не имеет. Сайрис сладить с ним оказалось сложнее. Найл угадал, почти физически ощутил страх, готовый прыгнуть из нее словно истерический вопль. Улф и Вайг тоже это почувствовали. Пауку каким-то образом удавалось, выстреливая импульсы устрашения, вызывать усиленную ответную реакцию. Один Найл полностью сохранял самообладание и спокойствие. Он сузил свое сознание до точки. В мозгу светился лишь крохотный яркий огонек; юноша чувствовал странную отрешенность от всего окружающего, от себя самого.

Щуп страха на миг потерял устойчивость, словно замер, прислушиваясь. Однако люди уже владели собой. Пещеру наводнила напряженная, тяжело вибрирующая тишина. Малышки безмятежно посапывали. По мере того как щуп страха таял, подобно исчезающему вдаль звуку, Найл ощутил короткую вспышку удовлетворения. Не усыпи они маленьких, те разом бы выдали всю семью волнами беспомощного ужаса, исходящими из несмышленных умишек; так случалось уже с сотнями человеческих семей. Сок ортиса был поистине даром провидения,

хотя и стоил жизни Грогу и Хролфу, дяде и двоюродному брату. Оба не совладали с хищным растением и достались ему на съедение.

Еще раз в тот день колючее жало страха пронзило жилище, но ум у людей оставался спокойным, как и тело. Они не выдали своего присутствия ни единым отзвуком. Опершись спиной о гладкую стену пещеры – песок, цементированный слюной жука-скакуна, – Найл сидел будто окаменелый. По мере того как разгорался день, температура в пещере неуклонно повышалась. Обычно они заваливали вход сучьями и камнями, а ветер довершал работу, забивая щели песком. Но Улфу хотелось наблюдать за приближением паучьих шаров. Зная об атаке заранее, легче противостоять. Поэтому проем под плоским камнем оставили открытым, и в горловину входа задувал теперь жаркий ветер пустыни; слой песка ковром стелился по полу. Девочки разметались во сне, все в поту. Взрослые не обращали внимания на жару: напряженное ожидание заставляло забыть обо всем. Дважды Сайрис приносила еду: плоды опунции и сушеное мясо. Однако ели мало, глаза у всех неотрывно следили за полоской выцветшего от жары неба.

Уже после полудня ведущий наблюдение Найл заметил на горизонте очередной шар. Две-три минуты спустя слева возник второй, затем еще один справа. Вскоре шары заполнили все небо; насчитав двадцать, Найл бросил это занятие. Сердце холодело от одного лишь их вида. Обернувшись, он шикнул остальным. Те тотчас подобрались к нему, остановившись неподалеку от проема, чтобы не мешать друг другу.

– Почему так много? – недоуменно спросил Улф.

Найл удивился недогадливости отца. Пауки прознали, что откуда-то снизу в них пристально вглядываются человечесьи глаза. Они, наверное, пришли в ярость оттого, что где-то в недрах пустыни затаилась и наблюдает за ними из тайного укрытия их же добыча, а выманить ее наружу никак не удастся. Цель была бы достигнута, пояись шары с другого направления: сказала бы внезапность. Но за те пять минут, пока армада выплывала из-за горизонта, люди имели возможность побороть страх. Ветер к этой поре усилился, и шары понесло быстрее обычного. Волна нахлынула ненадолго. Людей словно накрыло лучом прожектора, но вот он сместился и оставил их в покое.

Со своего места Найлу отчетливо было видно, что среди шаров соблюдается любопытная симметрия. Втайне он догадывался, какая тому причина. В одиночку им трудно определить, где именно скрывается добыча. Шар охватывает сравнительно большой участок местности, покрывая его вроде колпака. Но чтобы установить, откуда именно исходит отклик на импульс страха, пауку необходимо сузить диапазон поиска, что непросто; сама точка может находиться где угодно в радиусе до мили. Если же сигнал паники уловят разом два шара, сектор поиска сузится и добыча окажется замкнутой в ножницы импульсов. А если в поиск вовлечена не пара, а целое сонмище шаров, задача тем более упрощается.

Любопытно; мельком подумав об этом, Найл испытал странное злорадство. Похоже, он начинал уяснять содержимое паучьих умов; его больше не донимал страх неизвестности. Но инстинкт подсказывал: обольщаться не стоит.

В предвечерний час очнулись от сна малышки. Лица у них покраснелись от жары, губы запеклись от сухости: обычная картина после сока ортиса. Сайрис дала девочкам попить, а затем последовало и угощение: по сочному куску терпкой на вкус, вяжущей опунции. После этого детей снова накормили дурманящей кашей, и те забылись сном. Мара, младшенькая, часто дышала, длинные волосы повлажнили от пота. Мать сидела возле, бережно обняв ребенка. Мара была общей любимицей. Едва не потеряв девочку три месяца назад, семья теперь относилась к ней еще бережней.

Как-то вечером Мара играла в кустах юфорбии. Неожиданно на нее напал большой желтый скорпион. Найл в это время собирал плоды опунции. Заслышав пронзительные крики, он не мешкая кинулся на помощь. Примчался он как раз вовремя: скорпион уже лез в свое логово под камнем, сжимая тельце ребенка в гигантских клешнях. Найл окаменел. Он не раз

зачарованно наблюдал, как скорпион, парализовав добычу ударом изогнутого хвоста, свирепо кромсает и рвет ее хитиновый покров короткими и мощными клыками-хелицерами, торчащими по краям пасти. Затем впрыскивает в обнажившуюся плоть пищеварительный фермент, размягчающий пищу, и сглатывает. Первым желанием у Найла было рвануться и попытаться отнять сестренку. Но вид влажного жала, которым с готовностью помахивал гигант, вовремя образумил Найла: это равносильно самоубийству. Он побежал назад к пещере, зовя отца. Улф действовал с хладнокровием человека, чья жизнь нередко напрямую зависит от выдержки. Он повернулся к Вайгу:

– Огня, скорее.

Казалось, прошла уйма времени, прежде чем Вайг показался из пещеры с пучком горячей травы. Нахватав в охапку сухой, похожей на солому эспарго, они ринулись через кактусовую поросль к логову скорпиона, временами спотыкаясь. Логово находилось под большим плоским камнем. Насекомое настроженно их поджидало; можно было различить, как в темноте из-за больших клешней поблескивает ряд глазков. Между тем факел из травы почти уже прогорел.

Улф раздул огонь, зажигая первый пучок травы, и без колебаний устремился к входу в логово. Скорпион отступил перед огнем и дымом, издав сухое угрожающее шипение. Улф пинком послал догорающую траву в горловину лаза, а сам резко вильнул в сторону, и вовремя: скорпион, изогнув жало, сделал бросок. Здоровенные клешни затрудняли движения насекомого, направление следующего броска можно было предугадать. Вайг, схватив еще один горящий пучок, метнулся вперед и, всадив его в разомкнутую клешню, тоже отпрянул в сторону, иначе тварь его просто бы смяла.

Зашипев от боли, скорпион инстинктивно повернул назад в логовище, но доступ ему преградил размахивающий факелом Улф. Найл знал, что делать. Он кинулся в логово; какое-то время стоял, озирая раскромсанные панцири жуков, затем, отыскав глазами сестренку, подхватил ее и выбежал с ней наружу. Скорпион, видя, что добыча ускользает, пустился было вдогонку, но Вайг, опередив, метнул копьё, угодив насекомому между клешнями. Найл, передав бездыханное холодное тельце девочки Сайрис, обернулся. Неудачливый похититель уходил через пустыню. Вайг потом рассказывал, что копьё прокололо скорпиону два глаза.

Мара не подавала признаков жизни. Холодным было неподвижное бледненькое тельце, отдающее характерным запахом скорпионьего логова. Сердце не билось вовсе. Но минуло два дня, и ребенок задышал, а спустя неделю девочка могла уже ползать по полу жилища. Прошел еще целый месяц, прежде чем яд выветрился полностью. Только черный рубец у девочки на плече остался напоминанием о схватке со скорпионом.

Очередная облава паучьих шаров, четвертая по счету, состоялась через час. Отец легонько коснулся плеча Найла, и до юноши дошло, что он, оказывается, дремлет. Все еще находясь под спасительным покровом дремоты, он почувствовал импульс страха, словно дуновение холодного ветра, от которого кожа покрывается пупырышками. И когда ощущение прошло, Найлу подумалось, что смертоносцы, в сущности, не такие уж и смекалистые, как он раньше считал: накатывая так часто, они поневоле дают людям освоиться с этими импульсами и тем самым им противоборствовать.

Наихудшее произошло во время последнего их налета. Это было уже в тот час, когда зарождающиеся сумерки углубляют синеву неба. Ветер стихал. Похоже было, что пауки на сегодня уже унялись. Внезапно откуда-то со стороны входа донеслись скребущие звуки, издаваемые крупным насекомым. Это мог быть скорпион или жук-скаун, а может, и паук-верблюд, волочащий какую-то тяжелую ношу. После долгих часов напряженной тишины звук казался странным контрастом. Слышно было, как он постепенно приближается к входу в пещеру. Вайг, державший наблюдение, тревожно встрепенулся. Глянув вверх его головы, остальные заметили плывущие в их направлении шары, совсем низко над землей. В эту секунду сверху в

пещеру потоком заструился песок и стали видны здоровенные клешни скорпиона. Это никого не удивило: мало ли кто рыщет по округе в поисках пищи. Но скорпион остановился, а в пещеру обрушилась еще одна струя песка. Плоский камень сдвинулся, и Найл изумленно понял: тварь пытается протиснуться внутрь. Случилось самое худшее, что только можно было представить: паучьи шары висели над самой головой. Найл чувствовал смятение остальных, усугубляемое боязнью, что их выдаст собственный страх. Мелькнула мысль, что смертоносцы все же одержат верх.

Действовал Найл машинально, не раздумывая. Возле стены стояло копьё Улфа с наконецником из шакальей кости, острым, как игла. Ни Улф, ни Вайг не решились пустить его в ход из опасения, что вспышка слепой ярости выдаст их присутствие смертоносцам. Сам Найл совершенно естественным и непроизвольным образом «задернул» сознание, как задерживают шторой окно. Затем, подойдя уверенно к входу, оттеснил в сторону Вайга и что есть силы саданул копьём меж клешней, расширяющих проход. Послышалось шипение, потянуло едким удушливым запахом. Тварь сейчас же отпрянула, открыв взору шар, летящий в их сторону в какой-нибудь сотне метров. Найл безмолвно застыл, не давая невидимому шупу проникнуть через преграду. А шуп впился и был теперь так близко, что казалось, Найл чувствует дыхание врага, его физическое присутствие. Спустя мгновение ощущение схлынуло, около десяти минут люди не решились стронуться с места, ощущая тот же страх: все, пауки их обнаружили, сейчас приземлятся и обступят жилище. Однако время шло, и тревога постепенно ослабевала. Найл высунул голову наружу. Шары маячили вдалеке, зябко покачиваясь на багряном фоне заката над горами. Исчез и скорпион. Наконецник копья был измазан кровью и еще какой-то белой пакостью, похожей на гной.

Улф, обняв сына за плечи, притиснул его к себе: «Хороший мальчик». Похвала, которой обычно удостоивают несмышленишей за послушание, прозвучала сейчас до смешного нелепо, но Найл, чувствуя за этими словами глубокую благодарность, был польщен.

Через десять минут все вокруг утонуло уже в толще мрака, непроницаемого, словно вода в омуте, внезапного, словно тропическая ночь. Улф и Вайг завалили вход камнями. Затем Вайг зажег светильник, наполненный добытым из насекомых маслом, и семья села за ужин: сушеное мясо и плоды кактуса. Найл сидел, уткнувшись спиной в угол, и смотрел, как движутся по стене людские тени. Чувствовал он усталость и удовлетворенный покой. Найл понимал, что сегодняшней его поступок спас всем жизнь и что семья тоже осознает это. Но было ему известно и то, что во всем происходящем последнее время виновен он сам. Ведь это он убил паука-смертоносца.

С тех пор как их семья перебралась в теперешнее их жилище, минуло без малого десять лет. До этого они обретались в норе у подножия большого скалистого плато, милях в сорока к югу. Даже когда вход там закладывался камнями и скальными обломками, температура днем нередко достигала сорока градусов. Пища была скудная, и у мужчин на поиски добычи уходила уйма времени. Паучий шар, на котором Джомар бежал из неволи, превратился в защищающий от солнца зонт, что позволяло сравнительно благополучно переносить немилосердный зной. В пересохшем русле протекающего неподалеку ручья росли полые кактусы, сок которых годился для питья (у цереуса он ядовит). И тем не менее жизнь горстки людей (в ту пору Торг с женой Ингельд и сыном Хролфом жили вместе с ними) состояла из сплошных хлопот: где добыть пищу, чем утолить жажду, как перенести удушающую жару.

Как-то раз, забредя от норы дальше обычного, охотники заметили здоровенного жука-скакуна, залезающего к себе в пещеру-логово. В сравнении с их каменным мешком возле подножия плато эта местность казалась просто райским уголком. Растение уару могло давать свежую воду, а цвет травы альфа, по-настоящему зеленый, недвусмысленно указывал, что ночной воздух здесь бывает влажен, даруя влагу в виде бисеринок тумана. Стебли травы годились на

то, чтобы вить веревки для силков, плести корзины и подстилки. Более того, случайно обнаруженная оболочка шпанской мушки означала и готовый источник масла для светильников.

Мужчины были измотаны, от жары голова шла кругом. Может, это и натолкнуло их на несуразно дерзкую затею напасть на жука-скакуна. Челюсти насекомого могли перекусить человеку руку или ногу. Кроме того, эти создания вызывали страх своим проворством и фантастической прожорливостью. Найл видел однажды, как один такой меньше чем за полчаса поймал и проглотил двенадцать большущих мух. Правда, если насекомое выманить наружу и напасть в тот момент, когда оно выбирается из тесного для него лаза, то есть шанс справиться, пока оно не успело воспользоваться своей маневренностью.

Первым делом мужчины насобирали кучу кустов креозота, отхватывая их возле корня кремневыми ножами. Подсушенный час-другой на солнцепеке, креозотовый куст с его хрупкой, пахнущей смолой древесиной полыхает как факел. Нарвали также травы альфа и сложили пучками, а чтобы не унесло ветром, придавили сверху камнями. Затем, натаскав камней поувесистей, сложили их возле логова в кучу. Насекомое, сразу же почуяв неладное, затаилось и пристально наблюдало за приготовлениями из пещеры, но вмешиваться не решалось: слишком их много, этих бестолково снующих двуногих. Стоило Хролфу подойти ближе, как из-под камня, что возле лаза, угрожающе высунулись похожие на когти челюсти.

По мере приближения солнца к зениту работать иначе как по несколько минут кряду становилось невозможно. Даже в тени цереусов пот, проступая на коже, мгновенно испарялся, прежде чем охотники успевали обратить на это внимание. Когда безудержно косматое солнце светило уже над самой головой, мужчины съезились под зонтами и пригубили воды, чтоб в организме было хоть сколько-нибудь влаги.

Для того чтобы жук ослабил бдительность, решили удалиться к кактусовой поросли. Вот полдень миновал, и Джомар решил: пора приступать. Ни один из обитателей пустыни не ожидает опасности в это время суток.

Джомар, используя кусочки сухой коры, развел огонь, затем поджег пучок травы. Солнце светило так, что языки пламени были невидимы, но когда занялись огнем кусты креозота, в воздух черными клубами повалил едкий дым. Охотники отдавали себе отчет, что этот момент особенно опасный: на дым может невзначай обратить внимание любой из паучьих дозорных. Подхватив пламенеющие кусты за корневища, мужчины проворно потащили их через песок. Одним мощным движением копыя Ульф приподнял и сдвинул прикрывающий вход камень, ожидая, что насекомое тотчас бросится наружу. Но ничего подобного не произошло. Свой куст Джомар швырнул в горловину лаза. Это же самое проделали следом за ним и остальные и отпрянули, утирая лицо и глаза, разъедаемые едким потом.

Прошло около минуты, прежде чем жук, встревоженный огнем и дымом, наконец дал о себе знать. Пролететь наружу мешал перегораживающий лаз камень, и насекомому пришлось приложить усилие, чтобы из-под него выбраться. Там уже караулил, заведя руки за голову, изготовившийся к удару Торг. Когда жук почти уже высвободился, он что есть силы метнул в него тяжелый обломок скалы. Камень ударил насекомое в грудь, чуть не задев выпуклые глаза. Другой камень, брошенный Хролфом, размозжил жуку сустав передней лапы. Жук раскрыл продолговатые крылья, собираясь взлететь, и Джомар, метнувшись, вогнал копые в жесткое брюхо насекомого. Туловище жука скорчилось от боли, и тут его мощные челюсти неожиданно схватили Джомара за ногу. Пронзительно вскрикнув, тот забился, силясь высвободиться. В этот миг обрушился еще один камень – самый большой, – высадив твари глаз и сокрушив толстый покров, защищающий череп. Челюсти разомкнулись и выпустили Джомара, у которого из бедра ручьем хлестала кровь.

Хролф вогнал копые глубоко в плоть жука там, где крыло срастается с туловищем. Насекомое судорожно дернулось, смахнув наземь Ульфа и Джомара, и, подскочив, повалилось на

спину в нескольких метрах от пещеры. Прошло еще минут пять, прежде чем оно затихло окончательно.

Кажется, это Вайг, взглядевшись в глубину лаза, заметил: в недрах пещеры, за горящими кустами креозота, что-то шевелится. «Там еще один!»

Все мгновенно насторожились, изготовившись к очередной схватке. Однако враг все медлил. Джомар кое-как доковылял до зонта и, пристроясь там в тени, припал губами к посудине с водой. Хролф внимательно осматривал ему рану; остальные, запалив оставшиеся кусты креозота, побросали их в лаз. Однако жара брала свое: люди, все как один, тяжело отдуваясь, прилегли возле входа в пещеру и стали дожидаться, что будет дальше. Спустя полчаса, когда кусты креозота превратились в груды угольев, в горловине послышалась возня и наружу показались длинные усы-антенны. Из норы выбралась самка жука-скакуна, гораздо меньших размеров. Следом выкатилось с полдесятка личинок, каждая с руку длиной. Описывая потом эту сцену младшему брату, Вайг говорил, что ему вдруг стало как-то жаль жуков, хотя он знал: подойди поближе, и на него бы набросились даже личинки. Люди наблюдали, как насекомые пробираются через раскаленный песок, удаляясь в сторону глубокой балки, что примерно в километре. И вид у них при этом был такой бесприютный, будто произошла какая-то неопишуемая трагедия. Двигал же ими единственно инстинкт самосохранения. Оглядев несколькими часами позже их нору, охотники пришли в изумление от ее глубины. Джомар высказал предположение, что здесь когда-то обитало семейство пауков-каракуртов. Это была, по сути, самая настоящая пещера со стенами и сводом, сцементированными слюной жуков. В самом глухом углу валялись полузадохшиеся личинки, угоревшие от дыма: ветер пустыни, задувая в горловину, вместе с искрами и дымом принес в пещеру угарный газ. Охотники прикончили личинок, а трупы повыкидывали наружу: мясо жука-скакуна неприятно на вкус и в пищу не годится. Вслед за тем они забросали вход и в изнеможении заснули в прохладной глубине логова, где еще остро пахло дымом и креозотом.

Следующим утром за пару часов до рассвета Улф, Торг и Хролф отправились в обратный путь. Надо было забрать женщин и семилетнего Найла из норы у подножия того небольшого плато. Джомар и Вайг остались караулить пещеру на случай, если жуки вознамерятся вдруг снова сунуться в свое жилище. Такая предосторожность оказалась излишней. Как выяснилось позже, жуки-скакуны не переносят запаха горящего креозота; они никогда не приблизятся к тому месту, где им хотя бы чуть попахивает.

Найл все еще помнил, с каким волнением встречал он тогда отца. Больше всего почему-то запомнилось, как Ингельд, жена Торга, вначале пустилась в крик, затем разразилась стенами. Увидев только троих, она подумала, что остальные двое погибли. Когда же все разъяснилось и охотники наперебой принялись живописать новое жилище, Ингельд от возбуждения впала в другую крайность (она всегда отличалась несдержанностью) и стала настаивать, чтобы все сейчас же собирались в дорогу. Много сил было потрачено, прежде чем Ингельд удалось наконец убедить, что двигаться через пустыню в полуденную жару просто губительно. И все равно окончательно она не утихомирилась: весь день с насупленным видом кого-нибудь понукала.

И вот наконец за пару часов до рассвета они тронулись в путь. Найл волновался едва не больше всех. Предрассветный час был выбран не случайно: хищники пустыни охотятся в большинстве своем ночью, с приближением рассвета разбредаясь по своим логовищам. Температура была чуть выше нуля, от холода не спасала даже ворсистая шкура гусеницы; Найла пробирала зыбкая дрожь. Он сидел за плечами матери – часть пути та несла его в заплечной корзине, – и в детском умишке укромно светился огонек счастья, а волнение было такое, что казалось, еще миг – и Найл взлетит. Лишь однажды ему доводилось удаляться от тогдашней их норы на несколько сотен метров – в ту пору, когда начались дожди. Ветер тогда вдруг обрел неожиданную прохладу, с запада надвинулись грузные сизые тучи, и с неба отвесными пото-

ками стала хлестать вода. Найл, хохоча, подпрыгивал под теплыми струями. Мать взяла его на прогулку – туда, где в стену плато вбуравливается пересохшее русло небольшой речушки. Мальчик стоял и, распахнув глаза, наблюдал, как иссохшая земля, шевельнувшись, словно живая, приподнялась, расслоилась и наружу вылезла большущая лягушка. Через полчаса такая же картина наблюдалась повсеместно. Пробудившиеся к жизни существа спешили вскачь к разрастающимся на глазах лужам, и вот уже стал слышен густой звонкий хор: женихи самцы громко зазывали невест. Завидев совокупляющихся лягушек, Найл зашелся от хохота; смеялся вволю, во все горло, восторженно топая ногами под набирающими силу струями дождя. А из песка, слипшегося в комья полужидкой грязи, уже спешили кверху, жадно вытягивая стебли, растения и цветы. В грязи то и дело вскипали крохотные, похожие на взрывы бурунчики: спекшиеся стручки, разбухнув, подобно пулям выстреливали в воздух семена. Спустя несколько часов поверхность пустыни уже покрывал удивительный ковер из цветов: белых, желтых, розовато-лиловых, зеленых, красных, голубых. Найлу, сызмальства видевшему лишь унылый изжелта-серый песок и камни да безжалостную синеву обнаженного неба, казалось, что он попал в сказку. Стоило дождю остановиться, как откуда ни возьмись налетели пчелы и с жадным усердием напустились на цветы. Лужи, бурые, как грибной суп, кишели юркими, хлопотливыми, пожирающими друг друга головастиками. В других лужах – побольше и почище – сглатывали крупницы зеленых водорослей флегматичные тритоны. Четыре года прожив в безводной пустыне, Найл оказался вдруг окружен обильной, спешащей цвести и множиться жизнью. Это заполонило все ощущения мальчика, он будто опьянел.

Вот почему за все время странствия, пока Найл попеременно то болтался в корзине у матери за спиной, то мелко трусил рядом с ней, ощущение неизменной радости не покидало его. Рассказывая семье о новом доме, отец ввернул слово «плодородный», и Найл живо вообразил местность, изобилующую цветами, деревьями и мелкими животными. В нем воспрянуло ожидание бесконечной череды чудес, одно восхитительнее другого. Умей отец Найла, всю жизнь проживший в пустыне, читать мысли сына, он бы лишь печально покачал головой.

В полдень, когда безжалостный зной стал нестерпимым, мужчины вырыли в песке ямы и накрыли их зонтами, присыпав сверху песком. В нескольких сантиметрах от поверхности песок был сравнительно прохладным. Отсюда меньше мили оставалось до изъезженных ветром каменных столбов, где можно было найти прибежище, но при эдакой жаре нечего было и думать до них добраться. Истекая потом, Найл вместе с отцом и матерью забился в одну из этих ям; чтобы как-то унять жажду, они сжевали по сочному клубню. Найл ненадолго вздремнул, и снились ему опять цветы и бегущая вода. Затем продолжили путь.

Ветер переменял направление, повеяло будто бы прохладой. Ткнув пальцем в сторону, откуда дул ветер, Найл спросил отца:

– А там что?

– Дельта, – ответил Улф.

Голос был усталым и бесцветным, но было в нем нечто, заставившее Найла вздрогнуть.

К месту, окончательно выбившись из сил, добрались за час до сумерек. Первое, что привлекло взор Найла на новом месте, были верхушки акаций на горизонте и исполинский разляпистый кактус. Прежде Найл деревьев не видел никогда, слышал о них только по рассказам отца. Когда подошли к месту, мальчик разочарованно обнаружил, что никаких цветов там нет, равно как и плещущейся воды, о которой так мечталось. Собственно, была лишь голая каменная земля, присыпанная тонким слоем песка. Местами из нее торчали блеклые пучки травы, кусты креозота и окустья травы альфы, виднелись валуны и обломки скал. Лишь древовидный кактус юфорбия, увенчанный темно-зелеными листьями, несколько оживлял монотонную картину. В отдалении возвышались все те же непривычные глазу колонны красного скального грунта, а сзади, с южной стороны, на горизонте вздымалась отвесная стена плато, восходящая

ввысь словно горная цепь. Несмотря на всю унылость, этот пейзаж был, безусловно, интересней и разнообразнее, чем бесконечные песчаные дюны, окружавшие их прежнее жилище.

Навстречу им вышли Джомар и Вайг. Горловина пещеры выходила в другую сторону, но Джомар угадал их приближение с той безошибочной четкостью, какую жители пустыни воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Это смутное угадывание постороннего присутствия нельзя было назвать телепатией, но для них оно являлось таким же естественным, как чувство слуха.

В еще же большей – и пугающей – степени этим чувством обладали пауки-смертоносцы.

Джомар двигался с большим трудом. Задетое челюстями жука-скакуна бедро распухло, словно диковинная черная тыква. Вайг обработал рану тертым корнем дяволова листа, росшего неподалеку, – растения с мощными целебными свойствами. Но восстановить рассеченную мышцу оно не могло, и Джомар до конца своих дней прихрамывал.

В тот вечер у них был пир; по крайней мере, людям, едва одерживающим верх в извечном поединке с голодом, такая трапеза казалась роскошной. Вайгу удалось прибить крупное млекопитающее вроде белки и поджарить его, выложив тушку в полдень на раскаленные солнцем камни. Найл раньше вообще ничего подобного не пробовал. Ели еще плоды кактуса, желтые и терпкие, пили кактусовый сок. Было ясно, что, несмотря на кажущуюся скупость, в здешних окрестностях водится куда больше живности, чем на прежнем месте обитания возле плато. И конечно же (это тоже было ясно всем), опасностей здесь тоже куда больше. В этих местах водились песчаные скорпионы и жуки-скакуны, полосатые скарабеи с ядовитым жалом, тысяченожки и серые пауки-пустынники, не ядовитые, но очень сильные и проворные: минута – и человек уже с головы до пят опутан клейкими шелковистыми тенетами. Пауки служили добычей осе-пепсис либо осе – убийце тарантулов, созданиям не крупнее человеческой руки, парализующим хищников ядом и потом использующим их как живую кормушку для личинок. И конечно же, практически все обитатели пустыни – насекомые и млекопитающие – служили добычей громадной фаланге либо пауку-верблюду – жутковатой на вид, похожей на жука твари с огромными челюстями. Последний передвигался с такой скоростью, что невольно напрашивалось сравнение с перекасти-полем, гонимым через пустыню сильной бурей. Довольно странно, но не было случая, чтобы пауки-верблюды нападали на человека. Наблюдая за ними, Найл проникался впечатлением, что те относятся к человеку с каким-то скрытым благодушием, воспринимая людей не то как союзников, не то как ровню. И спасибо на том: их челюсти-пилы могли раскромсать человека напополам.

В течение многих недель после того, как они перебрались в новое жилище, Найла невозможно было оттащить от выхода из пещеры, откуда он наблюдал за снующими мимо существами. Не сказать, чтобы их было так уж много (в пору дневной жары обитатели пустыни прячутся по своим щелям), но ребенку, выросшему в норе с видом на безотрадно унылые песчаные дюны, это был словно живой калейдоскоп. Многих насекомых он научился различать просто по звуку. Так, он мог в первую же секунду отличить скорпиона или паука-пустынника от жука-скакуна или тысяченожки. А заслышав шелест паука-верблюда, понимал, что можно без всякого страха выбираться наружу: всевозможные неприятели спешат спрятаться кто куда.

На первых порах Найл подолгу оставался один. Женщины были в восторге от новых окрестностей, в них проснулась страсть первооткрывательства. Человеку цивилизованному вся эта жалкая поросль на границе с пустыней не внушила бы ничего, кроме уныния; людям же, прожившим годы в настоящей пустыне, новая местность казалась просто райскими кущами. На многих кустах попадались покрытые шипами и толстой кожурой плоды, срывать которые было непросто, но зато, если удалить кожуру, они прекрасно годились в пищу. У бурых, безжизненных с виду растений часто имелись корни-клубни, накапливающие воду. Случалось, что жидкость в клубнях оказывалась горькой и неприятной на вкус, зато могла оттягивать жар от кожи. Под охраной мужчин Сайрис и Ингельд забредали довольно далеко, обратно возвращаясь с

грузом всяческих деликатесов, переполняющих свитые из травы корзины. Мужчины наловчились ставить силки, в которые нередко попадались зайцы, сурки и даже птицы. Ингельд, не отличавшаяся умеренностью во всем, круглела на глазах.

Найлу, пока семья охотится, наказывали сидеть в глубине пещеры; но стоило взрослым удалиться, как мальчик тотчас разбирал прикрывающие вход сучья и камни и, выбравшись на выступ заматерелого грунта, образующего возле лаза подобие крыльца, во все глаза смотрел на диковинные создания, спешащие мимо. Иногда случалось, что какой-нибудь жук или тысячножка – здоровенные твари – пытались влезть в пещеру, но Найл быстро отбивал у них охоту, выбрасывая наружу острие копыя; уяснив, что пещера занята, насекомое спешило прочь.

Как и у всех детей, чувство страха у Найла было и чрезмерно преувеличенным, и неправильно ориентированным. Вначале он безумно боялся всего, что быстро движется; позже, когда уяснил для себя, что все обитатели пустыни боятся незнакомого и предпочитают избегать нежелательных встреч, он стал излишне самоуверенным. Как-то утром мальчику наскучило обзирать до мелочей уже изученную окрестность и он решил пойти на поиски чего-нибудь нового. Заботливо прикрыв вход в пещеру, он отправился побродить меж стволов исполинских кактусов-цереусов. Стояло еще раннее утро, чаша растения уару все еще была полна наполовину прозрачного чуда, кристально чистой росы. Отыскал Найл и плоды опунции. Попытался оторвать один; силенок не хватило, а кремневый нож, как назло, забыл в пещере. Внимание Найла привлек чертов корень; согнувшись над ним, он какое-то время зачарованно разглядывал причудливые, похожие на когти листья. Подойдя к юфорбии, растущей в нескольких метрах от пещеры, он вначале убедился, что в ее ветвях никто не прячется, а затем взобрался по стволу и подыскал удобную развилку, оперевшись о которую можно было твердо держаться. Там и стоял, все равно что в клетке. Эта площадка для обзора была куда лучше той, что возле пещеры: вид отсюда открывался на целые мили. И тут, возникнув откуда-то, в тени юфорбии показался большой жук-скаун. Найл затаил дыхание. Понадобилось еще и унимать панику: ему пришлось в голову, что это, должно быть, явился отвоевывать свое жилище один из прежних хозяев пещеры. На одну из свисающих веток юфорбии опустилась большая, с два кулака, муха и принялась чистить передние лапки. С захватывающей дух скоростью жук-скаун рванулся с земли. Муха заметила движение и попыталась было взлететь, да поздно. Миг – и насекомое исчезло у жука в челюстях. Найл, застыв, наблюдал, как жук с противным хрустом прожевывает муху, сглатывает ее. Чтобы разглядеть получше, мальчик чуть подался вперед, и тут нога предательски сорвалась с опоры. Жук, мгновенно встав в позу, вылупился на дерево немигающими глазами-пуговицами. Найл вцепился в ветку, ожидая, что сейчас его неминуемо стащат с развилки и слопают, как ту муху. Жук все таранился вверх – целую вечность, – шевеля усами-антеннами. Затем он, похоже, утратил интерес и заковылял прочь. Никогда еще Найл не испытывал такого невероятно глубокого облегчения. Кстати, глядя насекомому в глаза, он испытывал даже не страх, а некий провал (весьма любопытный) в своих обычных ощущениях, словно тело на время вообще перестало существовать. Такое чувство, будто все вокруг наводнило тишина, а сам он общается с жуком напрямую, точно так же, как с сородичем-человеком. Тем не менее, едва убедившись, что насекомое удалилось на достаточное расстояние, Найл метнулся назад в пещеру и весь остаток дня носа не казал наружу.

Несколько дней спустя жизнь Найлу спас лишь счастливый случай. Оправившись от испуга, он решил разведать, скопилась ли вода в чаше уару. Чаша оказалась пустой, кто-то уже успел здесь побывать, и Найл от нечего делать решил пройтись по кактусовой поросли; там остановился, озирая пустынную окрестность. В нескольких сотнях метров тоже росли кактусы, на вид несколько иные. Было заметно, что на них гроздьями растут те самые терпковатые плоды, которые Найл так любил. День еще только начинался, опасности не замечалось. Найл, устроившись под сенью кактуса, оглядывал скупую на растительность плоскость равнины. Ленивым движением он поднял плоский камешек, повертел его в руке, затем, охватив

вдоль ребра указательным пальцем, размахнулся и метнул. Камешек упал метрах в двадцати, подняв облачко пыли. И в этот миг что-то произошло. Настолько быстро, что Найл сначала подумал, что померещилось. Перед взором будто возникло некое больших размеров существо. Не успел моргнуть, как оно уже исчезло. Найл, настороженно сощурился, пристально вгляделся. Ничего, только скучная песчаная равнина да местами черные скалы-обелиски. Найл бросил еще один камешек, бросил удачно. На этот раз не произошло ничего. Воздух наводнялся переливчато дрожащим маревом жары. Найла брало сомнение: может, в самом деле померещилось. Однако полоска земли, отделявшая его от плодоносных кактусов, излучала теперь немую угрозу. Около часа Найл сидел совершенно неподвижно, уткнувшись подбородком в колени. Тут за стоящими в отдалении кактусами стало заметно движение. Держа путь в его сторону, оттуда брело крабообразное насекомое длиной не больше полруки. Позднее он узнал, что это жук-чернотелка, с изжелта-зеленой бородавчатой, как у жабы, кожей. Медленно ковыляя, насекомое остановилось в конце концов под сенью кактуса, где принялось ворошить морщинистой мордой пустую оболочку навозного жука. Затем двинулось дальше в сторону Найла. Вот уже считай то место, куда упал камень. Найл затаил дыхание. И тут это произошло снова. Какое-то большое темное существо выскочило, казалось, из-под самой земли. Пока оно хватало чернотелку, Найл успел различить, что это здоровенный мохнатый тарантул-затворник с членистым брюхом полутораметровой длины. Секунда – и он исчез, захлопнув следом за собой круглый вход в логовище. С ним исчезла и чернотелка; остался ровный, непотревоженный песок. Отведи Найл взгляд в сторону – ровно настолько, чтоб повернуть головой туда-обратно, – он ничего бы не заметил. От мысли, что могло бы случиться, направься он сам в сторону тех кактусов, сердце ледяной иглой кольнул страх.

Когда вернулась мать, неся корзину, до половины наполненную какими-то гладкими буроватыми зёрнами, Найл втайне от всех рассказал ей о мохнатом том пауке и просил, умолял не передавать ничего отцу. Отец, когда сердится, может шлепнуть так, что синяк не сойдет потом неделю. Но на этот раз Ульф не рассердился. Он выслушал с угрюмым вниманием, затем подозвал сына и велел указать то место, где тот видел паука. Вайг, Торг и Хрольф встали, держа копыя наготове, а Ульф, пытаясь выманить тарантула из логовища, бросил один за другим несколько больших камней. Однако насекомое наружу не вылезло, догадавшись, видимо, по исходящей сверху вибрации, что враг слишком велик числом. Люди после этого стали остерегаться пересекать полоску земли, отделяющую друг от друга кактусовые рощицы.

Прошло больше недели, и Найла снова оставили в пещере одного. Прежде чем отправляться, отец взял с мальчика слово, что тот будет оставаться в пещере и ни в коем случае не станет разбирать камни и ветки, закрывающие вход. Найл, побаивающийся отца, обещал со всей искренностью. Не учел Ульф одного: насколько мальчику боязно оставаться наедине с собой. Лишь разрозненные лучики света робко просеивались сквозь темноту. Найлу, лежащему на своей травяной подстилке, представилось вдруг, как тот самый мохнатый паук проделывает сейчас к их жилищу ход и скребется уже, наверное, где-нибудь поблизости. Мимолетный звук, донесшийся в этот миг откуда-то сверху, убедил мальчика, что пещера под наблюдением. Найл затаил дыхание. В конце концов подобрался к выходу, поднялся на камень и попытался выглянуть наружу. Поле зрения было крайне ограничено – каких-нибудь несколько метров, – рассмотреть что-нибудь толком было почти невозможно; Найл, во всяком случае, был убежден, что тарантул подкарауливает где-то сверху, над пещерой. Примерно через полчаса ноги утомились, и Найл возвратился к себе на подстилку. Лег он, подтянув к себе копые, бессменно стоящее у изголовья на случай внезапного вторжения.

Где-то через час до слуха Найла донесся звук, от которого гулко забилося сердце. За стеной, возле самой головы, кто-то приглушенно скребся. Найл, подскочив, вытаращенными глазами уставился на стену, ожидая, что она вот-вот обвалится, обнажив мохнатые лапищи затворника. Вытянув руку, мальчик осторожно коснулся стены; цементированная слюной

жука-скакуна поверхность была твердой и гладкой. Только выдержит ли, если ее будут таранить с противоположной стороны? Звуки так и не стихали. Найл, подобравшись к камню при выходе из пещеры, приготовился, чтобы в случае чего расшвырять сучья и выскочить наружу. Но когда попытался расширить лаз, стало ясно, что отец не очень-то положился на обещания сына, а вбил за плоский камень еще и клин из куста акации, да так плотно, что невозможно и расшатать. Когда мальчик, стиснув зубы, силился освободить проход, сверху донесся негромкий шорох. Воображение тотчас нарисовало второго тарантула, выжидательно затаившегося, чтобы напасть.

Неожиданно шуршание за стеною смолкло. Найл на цыпочках подобрался к стене и ухом приложился к гладкой поверхности. Через несколько секунд шум возобновился. На этот раз, как показалось, звуки были глуше. Найл попытался вспомнить все, что слышал от деда о подземных пауках: например, что, встречая на пути большой камень, они нередко меняют направление. То же самое, возможно, произошло и у твари по ту сторону стены. Насколько можно было судить, она продвигалась вдоль стены, а не навстречу ей.

Сухие скребущие звуки не прекращались. Иногда они на минуту затихали, и тогда Найл задумывался над планом возможной баталии. Как только стена начнет осыпаться, надо будет сразу изо всех сил садануть копьём, пока тварь не расширила брешь...

От напряжения в голове возникало необычное ощущение, будто сердце стремится закачать в голову как можно больше крови. Чувство, чем-то схожее с действием дурманящего сока ортиса. Сердце билось ровно и гулко, отдавая в ребра. Тут Найл с удивлением обнаружил: если сосредоточить внимание на этой странной силе, распирающей голову изнутри, в такт гулкому биению сердца, можно, оказывается, определить местонахождение существа за стеной. Уже сейчас, если не больше, он, настороженно затаившись, прислушивался к незримому чужому присутствию. Первоначальный ужас исчез: было ясно, что сию минуту опасность не грозит; однако непрерывное напряженное внимание обострило восприятие, придав сознанию такую озаренную яркость, какой Найл прежде никогда не испытывал. Создавалось впечатление, что где-то в голове сияет, чуть подрагивая, крохотный огонек. Ощущать такое в себе было настолько любопытно, что Найл даже забыл про страх перед невидимым врагом. Теперь сердце уже не колотилось о ребра, но билось спокойно и размеренно. Прислушиваясь к своему пульсу, Найл вдруг понял, что может управлять им, веля сердцу биться то быстрее, то медленнее или то громче, то тише – по желанию. С осознанием этого возникло ощущение небывалой гармонии, эдакой внутренней наполненности. А где-то в самой глубине смутным, бесформенным облаком разливалось чувство несказанного счастья: будущее непременно должно быть светлым. Это, пожалуй, самое странное. Найл никогда не задумывался о будущем сознательно. Жизнь в пустыне среди людей, обменивающихся словами лишь по необходимости, не очень-то располагала к полету фантазии. И будущее у Найла просматривалось вполне определенно: вот он подрастет, научится охотиться, и жизнь потечет в поисках пищи и уповании на удачную охоту. Охотник живет исключительно удачей, а следовательно, ставит себя в зависимость от определенного случая. Ощущение, которое пережил сейчас Найл, невозможно было ни передать словами, ни даже уместить в мысли: слишком смутным оно было, но основывалось на уверенности, что его, Найла, жизнь – не просто зависимость от случайностей. Казалось почему-то, что он создан для чего-то более существенного. Это ощущение подспудной силы (а его можно было и усугубить, если напрячь мышцы лба и придать лицу твердое выражение) оживлялось теплым внутренним оптимизмом, ожиданием чего-то волнующего. Найл знал, что для него судьба поберегла что-то особенное.

Скребущие звуки возобновились, и Найл переключился на них – теперь уже не со страхом, а скорее с любопытством. Полчаса назад он вслушивался в них с мучительным беспомощным содроганием, не зная, куда от них деться, как избавиться. Нельзя сказать, что страх исчез вовсе; просто мальчик как-то отрешился от него, словно все это сейчас происходило не с ним.

Не выходя из своего нового состояния, он смог распознать, что там за стеной скребется существо, лапы и челюсти у которого приспособлены под бурение. А потому сделалось ясно, что скребется не паук, а жук. И тут с внезапной отчетливостью, словно ум преодолел разделяющие их сантиметры грунта, Найл явственно различил небольшого жука-скарабея, бурившего почву в поисках сгнившей растительности. «Второе я» – то, глубокое, – испустило вздох облегчения, и огонек в голове погас. Найл перестал быть двумя людьми сразу. Он снова был обыкновенным семилетним мальчиком по имени Найл, которого взрослые бросили одного на целый день и который знал, что ему ничего не угрожает. А также, что в нем, оказывается, живет еще и другой Найл – взрослый, равный, а кое в чем даже и превосходящий отца и деда Джомара. Память же о происшедшем оставалась четкой и незамутненной, ни в коей мере не похожей на сон. Разве что сам мальчик казался слегка ненастоящим.

Темный страх перед тарантулом-затворником продолжал преследовать Найла до тех пор, пока он сам однажды не стал случайным свидетелем его гибели.

Спустя примерно месяц после того случая с чернотелкой мальчик, устроившись в тени цересуса, тихонько сидел и, по обыкновению, наблюдал за гнездом тарантула. Копье лежало рядом. Найл знал, что, если тарантулу вздумается напасть, убежать будет бесполезно; единственное, на что еще можно рассчитывать, это попытаться выставить копьё. От такой мысли пробирал страх, но какой-то потаенный инстинкт убеждал, что надо учиться противостоять собственному страху. За прошедшие недели Найл успел уже насмотреться, как чудовище с быстротой капкана прихлопывает насекомых, птиц и даже юрких гекконов.

Найл отмахнулся от прилетевшей откуда-то крупной осы-пепсис (с полруки длиной) – небрежно отмахнулся, и та полетела в другую сторону. Это было привлекательное создание с блестящим голубым туловищем и большими желтыми крыльями. Найл вначале по ошибке принял ее за навозного жука.

Спустя секунду мальчик затаил дыхание: оса, жужжа, медленно снижалась над заслонкой, закрывающей вход в логово тарантула. Вот, описав круг, она приземлилась в нескольких метрах от него. Найл распахнул глаза, ожидая, что еще секунда, и тарантул, выскочив, смахнет ничего не подозревающее насекомое. Но тот отчего-то медлил. Оса все сидела, явно не подозревая об опасности, и чистила передние лапы. Найл, неотрывно следящий за происходящим, уловил скрытое движение: тарантул незаметно чуть приподнял заслонку глянуть на неожиданного гостя. И... снова опустил. Оса, по-видимому, не представляла для него интереса: наверное, обильно потрапезничал.

От того, что последовало дальше, Найл поперхнулся собственным дыханием. Оса, видимо, заметила движение заслонки. Подойдя вплотную, она какое-то время ее изучала – где-то с минуту, – затем, с помощью челюстей и передних лап, взялась открывать! Вот теперь-то, понял Найл, хозяин норы вмешается непременно: р-раз! – и любопытного создания как не бывало. Однако то, что произошло на самом деле, настолько выходило за рамки обычного, что Найл даже придвинулся метра на два, чтобы как следует разглядеть.

Оса сподобилась на несколько сантиметров приподнять заслонку. Было очевидно, что тарантул пытается удержать ее с внутренней стороны. Состязание длилось довольно долго. На какой-то момент тарантулу удалось совсем закрыть лаз, но упорством оса брала свое.

Тогда тарантул решился на поединок. Неожиданно лаз распахнулся. Оса отпрянула в сторону, а из дыры выпросталось наружу громоздкое мохнатое туловище хищника. Оса не спасовала: чуть покачиваясь, приподнялась на жиденьких ногах, как бы пытаясь возместить недостаток роста. Принял угрожающую позу и тарантул: поднял над головой передние лапы, словно предавая осу торжественному проклятию. Стали видны зловещие лапы-клещи. Так как тарантул стоял к Найлу передом, можно было различить его обнажившиеся клыки. Зрелище было мрачное, но очевидно было и то, что оса не устрашилась. Она наступала на тарантула быстрыми, уверенными шагами, как бы оттесняя его к норе. Вздвываясь на задние лапы, он оказался

едва не на полметра выше осы; нечего было и думать тягаться с ним этакой маломерке. Однако та, нырнув тарантулу под выпуклое брюхо, сомкнула челюсти на одной из его задних лап и из вертикального положения ударила жалом снизу вверх меж третьей и четвертой лапами. Но промахнулась. Однако со второй попытки ей это удалось. Тесно обхватив врага лапами, тарантул принялся кататься по песку, пытаясь укусить осу; та не давалась, ловко орудуя длинными ногами. Жалом, выскользнувшим было, когда тарантул повалился на песок, она лихорадочно нащупывала на мохнатом туловище уязвимое место и наконец вонзила его в незащищенное основание одной из лап. На какую-то секунду оба напряженно застыли: тарантул – все так же силясь укусить осу, оса, опутавшая его лапы своими, – силясь удержать туловище тарантула. Вскоре стало ясно, что тарантул сдает, его движения вдруг утратили быстроту. Спустя примерно минуту оса вынула жало и отпала от тарантула, тот сразу же принял прежнюю позу, поднявшись на задних лапах. Только та из них, что была укушена осой, обрела вдруг странную самостоятельность. Остальные семь, будто не выдерживая веса туловища, подогнулись в суставах. Оса с полным хладнокровием подошла к тарантулу, взобралась ему на спину и опять вставила жало между суставами. Так они продержались довольно долго. Оса не меняла положения; тарантул, судя по всему, смирился. Стоило ей вынуть жало, как восьмилапый неожиданно грянулся оземь и замер.

Тут оса, вцепившись тарантулу в переднюю лапу, поволокла оцепеневшую мохнатую тушу к логовищу. Насекомому приходилось пятиться, с усилием упираясь ногами; с каждым толчком туша подавалась на несколько сантиметров. Наконец она подтащила ее к самому лазу и, ловко поднырнув, толкнула затем изо всех сил вверх. Тарантул, опрокинувшись, упал к себе в логово. Оса потеряла передние лапы, словно стряхивая пыль, и скрылась следом.

Найла разрывало от нетерпения. Как хотелось помчаться и рассказать кому-нибудь об этом поединке! Но поделиться, увы, было не с кем. Он подумал, а не подползти ли сейчас по песку глянуть, что там делается в логове, но вовремя отказался от такой затеи: оса могла ненароком принять его еще за одного тарантула. Поэтому мальчик с полчаса сидел и дожидался, пока оса не появилась из норы и не улетела, глянцевито поблескивая в лучах солнца. Окончательно убедившись, что обратно насекомое уже не собирается возвращаться, Найл подобрался к норе и заглянул в горловину лаза. От увиденного его просто передернуло. Тарантул все в той же позе лежал внизу, на глубине пары метров. К центру мохнатого брюха прилепилось влажно поблескивающее белое яйцо.

Вид у хищника был настолько зловещий (даром что он лежал на спине), что Найл невольно оглянулся: не подбирается ли там сзади еще один. Страх перед недвижимым чудищем постепенно улегся, уступив место деловому любопытству. Теперь можно было во всех подробностях рассмотреть восемь лап, растущих из центра туловища-цефалоторакса; наиболее крупная часть тела, округлое брюхо, находилась фактически на весу. В самом его низу угадывались пальцеобразные отростки – судя по всему, прядильные органы, вырабатывающие паутину. Более же всего впечатляла голова с длинными усами и грозными, увенчанными клыками челюстями. Клыки сейчас были сложены, поэтому делались видны небольшие отверстия для стока яда. Таким челюстям ничего не стоило перекусить человеку руку.

Глаза у тарантула находились на макушке; чуть подавшись вперед, Найл различил два непосредственно над клыками. Черные, влажно поблескивающие... Создавалось неприятное впечатление, будто они следят за Найлом.

Логово представляло собой обыкновенное углубление, чуть шире самого обитателя. Следом за бездвижным туловищем оно уходило резко вниз, поэтому разглядеть, что находится там, на глубине, не представлялось возможным. Стены, как обивкой, были покрыты шелковистой паутиной; из паутины же, хитро перемешанной с землей, была и заслонка, приводимая в действие нитями.

Теперь, когда появилась возможность рассмотреть все без спешки, зрелище уже не казалось таким устрашающим. Тут Найла ужалил страх, что оса, чего доброго, возвратится. Он порывисто вскочил. От неосмотрительного движения вниз струей посыпался песок, прямо тарантулу на голову. Угасшие глаза насекомого внезапно ожили, и Найл с запоздалым ужасом понял, что тварь, оказывается, еще не мертва. Сердце от такой догадки буквально застыло. Найлу стало стыдно за свой страх. Словно в отместку, он поднял лежавший поблизости камень и швырнул его вниз, своротив чудищу один из клыков. Глаза у того опять на мгновение ожили. Держа путь обратно к пещере, Найл испытывал странное, неизъяснимое чувство неприязни и вместе с тем жалости.

Семья возвратилась с охоты примерно за час до сумерек. Судя по радостным, возбужденным голосам, слышным уже издали, охота была удачной. Они вышли на рой крылаток-пустынь, сплетенные из травы корзины были набиты ими до отказа. Крылатки чем-то напоминали не очищенные от листьев кукурузные початки, исключение составляли длинные ноги и черные глазки. Настроение у всех было приподнятое. При входе в пещеру развели небольшой костер. Крылаток кидали в огонь жариться, отодрав предварительно ноги, головы и крылья. Наполовину готовое кушанье вынимали из огня, заворачивали в пучки ароматной травы и клали обратно. Вкус у пищи оказался неожиданно приятный: хрустящие, с жиринкой, а аромат травы и дыма только добавлял прелести.

Когда наконец, насытившись, все расселись вокруг догорающего костра, с безмятежной осоловелостью поглядывая на тлеющие уголья, Джомар, ласково потрепав Найла по свалывшимся волосам, спросил: «Ну, как прошел денек?»

И мальчик, весь день державший в себе нетерпение, поведал о том, что видел. Никогда еще у него не было более внимательных слушателей. Никто в этом не сознавался, но тарантул-затворник нагонял на всю семью не меньший страх, чем на Найла. Даже Джомар, навидавшийся восьмипалых за свою жизнь и в силу того не питающий к ним естественной человеческой неприязни, тяготился мыслью о постоянно существующей под боком опасности, хотя и воспринимал ее не более чем стихийную напасть. Так что рассказ Найла вызвал у всех бурную радость, и ему пришлось повторить его несколько раз; не потому, что непонятно было с первого, – просто так уж хотелось лишний раз посмаковать подробности. Кстати, отец за все это время ни слова не сказал против самовольной отлучки сына. Очнулся Найл, когда его осторожно укрывали шкурой гусеницы. Было темно, но он узнал деда.

- А зачем оса отложила яйцо тарантулу на брюхо? – спросил он сонно.
- Чтоб личинке было чем питаться.
- А тарантул к тому времени разве не протухнет?
- Нет, конечно. Он ведь не мертвый.

Глаза у Найла в темноте широко распахнулись. Он ведь, когда обо всем рассказывал, не поделился своим сомнением в гибели тарантула: боялся, чего доброго, накажут.

- А ты откуда знаешь, что он не мертвый?
- Осы не убивают тарантулов. Они нужны им живыми, чтоб было чем вскармливать потомство. А теперь давай спи.

Но сон пропал. И еще долго, лежа в темноте, Найл испытывал странное, непонятное чувство неприязни и вместе с тем жалости, причем жалость на этот раз преобладала.

Назавтра ранним утром семья отправилась поглядеть на парализованного тарантула-затворника. Удивительно: заслонка входа была задвинута. Ее кончиком копыя поддел Джомар. Действовал он уверенно и твердо, но вместе с тем было видно, что каждое движение у него предельно взвешено. Заглянув деду через плечо (мать держала Найла на руках), мальчик вздрогнул: паука на месте не оказалось. Лишь затем стало ясно, что туловище оттащено в глубину лаза. Очевидно, оса возвратилась и передвинула мохнатого истукана, а затем задвинула заслонку. Для существа длиной в каких-нибудь полруки труд поистине титанический. Жен-

щины не могли скрыть неприязни. Ингельд вообще сказала, что ее сейчас стошнит. Внимание же Найла привлек Вайг: брат с отсутствующим видом что-то озадаченно прикидывал.

Вайг всегда увлекался насекомыми. Как-то в детстве он, уловив момент, когда мать спала, улизнул из норы. Отыскала она его за четверть мили, ребенок пристально разглядывал гнездо скарабеев. В другой раз, когда мужчины, возвратясь с охоты, принесли с собой несколько живых цикад – каждая чуть не с руку длиной, – Вайг со слезами на глазах умолял оставить ему хотя бы одну (пора, между прочим, была голодная) приручить. Мольбам тогда не вняли и добычу зажарили на ужин.

Так что через пару дней, заметив поутру исчезновение брата, Найл ничуть не удивился. Естественно, искать Вайга следовало возле норы тарантула. Подождав, пока брат скроется из виду, Найл отправился следом. Он догадывался: Вайгу не терпится рассмотреть затворника подробнее. Так оно и оказалось. Укрывшись под кактусом, Найл наблюдал, как брат вначале поднимает заслонку, а затем, улегшись на живот, заглядывает в нору. Найл неслышно подобрался сзади, стараясь, чтобы тень не выдала. Вот он, в какой-нибудь паре метров, зачарованно смотрит в темную пасть логова. Найл неосторожно шевельнулся. Миг – и брат уже на ногах, со вздетым копьём. Увидев Найла, тот облегченно перевел дух.

– Дурень! Разве можно так шутить?

– Извини. А что ты тут делаешь?

Вайг лишь коротко кивнул на дыру. Склонясь над ней, Найл обнаружил, что яйцо лопнуло, а на незащищенном брюхе затворника теперь грузно ворочается крупная черная личинка. Передвигаться ей было непросто: крохотные ножки не выдерживали веса туловища. Вайг из интереса тихонько ткнул личинку пальцем. Маленькие, но крепкие челюсти тотчас вцепились затворнику в брюхо: если она скатится, голодная смерть неминуема. Вайг погладил личинку, та сделала спину дугой и выставила крохотный зачаток жала. Но Вайг упорствовал, и через полчаса личинка стала принимать поглаживание как нечто естественное. Ее больше заботило, как вернее пробуровать толстую ворсистую кожу. Два часа они неотрывно следили за поведением личинки, пока предполуденный зной не погнал их обратно в пещеру. Личинка к тому времени уже продырявила кожу; смотреть, что будет дальше, у Найла не было особого желания. Уходя, Вайг аккуратно задвинул заслонку.

– А вдруг бы оса вернулась, а ты все еще там? Что б ты тогда делал? – спросил у брата Найл.

– Она не вернется.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все, – коротко ответил Вайг. Он не пытался что-либо объяснить, но интуиция не подводила его никогда.

Неделя за неделей Вайг ежедневно навещал нору, проводя там всякий раз по меньшей мере час. Найл составил ему компанию лишь однажды. Вид багровой язвы на брюхе тарантула вызывал отвращение, и мысль о победе над врагом больше не радовала. У него не укладывалось в голове, как Вайгу не надоедает отрезать по кусочкам паучью плоть и скармливать ее ненасытной личинке. Со временем, влезая в нору, Вайг стал задвигать за собой заслонку, оставляя лишь щель в несколько сантиметров (под заслонку подкладывался камень): обнажившиеся внутренности становились приманкой для мух-пустынниц. У этих созданий размером с ноготь имелись кровососущие хоботки и проворные челюсти, способные дочиста обгладывать падаль в считанные часы.

Однажды Вайг возвратился в пещеру, неся на руке осу. Насекомое почти уже достигло взрослых размеров, и вид глянцевого туловища с желтыми крыльями и длинными грациозными ногами одновременно и завораживал, и настораживал. С первого взгляда становилось заметно, что оса относится к Вайгу с полным доверием. Изумительно: брат переворачивал насекомое на спину и водил ему по брюшку пальцем, оса в ответ обвивалась Вайгу вокруг руки

длинными ногами, легонько покусывая палец острыми челюстями. Чутко подрагивало похожее на стилет длинное черное жало. Еще ей нравилось взбираться Вайгу по руке и зарываться в его длинные – по плечи – волосы. Освоясь там, она принималась щекотать ему усиками мочку уха, а Вайг заходился от хохота.

Назавтра отец позволил сопровождать их с Вайгом на охоте – проверить, какой от осы может быть прок. Постепенно они дошли до акаций – тех самых, что виднелись на горизонте, когда семья перебиралась в новое жилище. Вскоре на глаза попало и то, что искали: сеть серого паука-пустынника. По размерам эти создания уступают тарантулу, будучи не больше полуметра, зато ноги у них в сравнении с туловищем попросту огромны. В углу сети болтался кузнечик, безнадежно увязший в липких шелковистых тенетах. Вайг двинулся вокруг дерева, высматривая паука. Наконец обнаружил: вон он, в развилке, где ствол разделяется на сучья. Вайг кинул камень, за ним второй. Первый рикошетом отлетел от ствола, зато второй угодил точно в цель. Длинноногий, тотчас кинувшись вниз, повис на шелковой нити.

Почти одновременно навстречу ему с жужжанием мелькнула оса, словно сокол к добыче. Дать отпор невесть откуда возникшему противнику у паука не оставалось времени: оса уже льнула снизу, обвинившись ему вокруг задней лапы. Было отчетливо видно, как в плоть впивается жало и напряженно вздрагивает глянцевитое тело, вводя парализующий яд. Паук, сопротивляясь, попытался стиснуть осу ногами, но, как видно, у него не было должного на то инстинкта. Пара минут, и вот он уже, опрокинувшись, лежит на земле, подергиваясь, как заводная игрушка, у которой кончается завод. Выполнив то, что требовал инстинкт, оса тоже не знала, куда теперь деваться. Взобравшись поверженному пустыннику на кожистое серое брюхо, она неуверенно переползала с места на место, будто принюхиваясь. Вайг, приблизившись, осторожно опустился рядом на колени, медленно вытянул руку и принял осу на раскрытую ладонь. Затем вынул из притороченной к поясу сумы кусочек тарантуловой плоти и скормил ей. После этого охотники отсекали пауку лапы – чтобы легче было нести – и свалили их в корзину. Пищи добытчице хватит теперь на целый месяц.

Ингельд относилась к осе с недоверием и постоянной неприязнью; едва насекомое приближалось, как она пронзительно взвизгивала (оса на поверку оказалась общительным созданием, и особое удовольствие ей почему-то доставляло разгуливать по рукам). Ингельд также неизменно жаловалась, что от хранящейся в пещере паучатины дурно пахнет. Кое в чем она действительно была права: у этих насекомых есть свой особый отличительный запах, со смертью лишь усиливающийся. Однако паучье мясо они хранили в самом дальнем углу пещеры под толстым слоем травы, так что запах вряд ли проникал в жилую часть. Тем более что обитающие в такой скученности люди, для которых мытье – непозволительная роскошь, быстро свыкаются со всякими естественными запахами. Про себя Найл догадывался, что все эти выходы Ингельд – просто из желания как-то выделиться. Забавно было наблюдать, как моментально изменилось ее отношение, когда через несколько дней Вайг возвратился в жилище с птицей, которую оса сбивала на лету. Птица походила на дрофу, хотя размером была меньше, с утку. Вайг в деталях расписал, как добыча, ни о чем не подозревая, сидела, облюбовав верхушку дерева, а он направил на нее осу (насекомое, похоже, чутко реагировало на мысленные команды Вайга). Потревоженная жужжанием птица снялась с верхушки и полетела, а когда оса обхватила ей лапу и всадила жало, та, хлопая крыльями, забилась, пытаясь клонуть. Пришлось отмахать две мили, прежде чем он их отыскал. Оса, сонно покачиваясь, сидела у добычи на спине; птица лежала, раскинув крылья, будто сбитая влет. Вайг скормил молодчине осе кусочек паучатины, а дрофе свернул мускулистыми руками шею. Женщины не решались отведать мяса птицы, парализованной ядом, и поначалу не притрагивались к пище. Кстати, они впервые видели птицу вот так, перед самыми глазами, и не знали, как поступать с оперением. В конце концов голод взял свое. А когда Вайг, обжарив, без всяких последствий съел аппетитно пахнущий кусочек дичи, на еду накинудись все – от птицы остались только лапы. Оказалось, яд осы в подобных случаях

не только безвреден, но и придает мясу мягкость: просто прелесть. С той поры жареная дрофа прочно вписалась в представление Найла о райском блаженстве.

Едва Найл стал ходить, его научили остерегаться паучьих шаров. Прежде чем он впервые вышел на свет из норы у подножия плато, ему велели вначале смочить палец и определить направление ветра, затем пристально оглядеть горизонт – не бликует ли там что в солнечных лучах. Прежде чем он не убедится, что небо совершенно чисто, ему и шагу не давали сделать из пещеры.

Если вдруг появится шар и полетит на тебя, наказывали Найлу, надо, пока есть время, тотчас зарыться в песок или просто застыть без движения. Ни в коем случае нельзя следить за шаром глазами, лучше уставиться вниз или сосредоточиться на том, что сейчас рядом. У пауков-смертоносцев, разъяснял Улф, не ахти какое зрение, так что, может статься, тебя и не заметят. Добычу они высматривают не глазами, а усилием воли и умеют чутить страх. Последнее вызывало у Найла недоумение. Он не мог уяснить: как это – страх и вдруг имеет запах? Улф объяснял, что страх образует словно бы невидимую упругую дрожь, поразительно напоминающую по свойствам пронзительный крик ужаса, – вот именно на нее смертоносец и реагирует. Так что, когда сверху проплывает паучий шар, надо, чтобы ум сделался таким же неподвижным, как и тело. Поддаться страху – это все равно что с криком скакать вверх-вниз и махать руками, пока паук не заметит.

Будучи здоровым и жизнерадостным ребенком, Найл не сомневался, что это все легче легкого. Надо как бы зажмуриться про себя и повторять, что бояться нечего. Однако к ночи такая уверенность улетучилась. Иной раз, когда случалось лежать без сна, вслушиваясь в тишину, Найл вдруг испуганно настораживался: ой, а что это там скребется снаружи по песку? Воображение тут же рисовало громадного паука, который силится разглядеть, что там за камнем, прикрывающим вход в пещеру. Сердце начинало стучать чаще, громче, и мальчик, немея, сознавал, что это он сам источает сигналы паники. И чем сильнее старался их подавить, тем неодолимее они становились. Он с ужасом сознавал, что его затягивает в заколдованный круг: страх усиливает сам себя. Но молодость и уверенность в конечном итоге одержали верх. Найл научился противостоять страху усилием воли, сдерживая удары сердца, прежде чем адреналин устремлялся в кровь.

Из всей семьи о смертоносцах заговаривала единственно мать. Позднее Найл понял, что здесь причиной. Члены семьи опасались, что он настолько забьет себе голову всякими чудовищами, что, когда паучьи шары действительно подлетят на близкое расстояние, своим страхом выдаст их всех. Мать понимала, что главная причина страха – неизвестность, а потому, когда они с сыном оставались вдвоем, охотно отвечала на любые его расспросы. Хотя и здесь Найл догадывался: мать раскрывает лишь половину того, что знает. Когда он спросил, зачем пауки все ловят и ловят людей, она ответила, что это из стремления поработить их. Спросил, едят ли они людей, – ответила, что нет; вот дедушка Джомар – убежал, и ничего, живой. Сам же дед, когда внук донимал его такими же расспросами, то вдруг неожиданно засыпал, то становился тугим на ухо. Кое-что о смертоносцах Найл выведал из тихого – шепотом – ночного разговора взрослых, когда они думали, что ребенок спит. И уж здесь-то развеялись всякие сомнения. Оказывается, пауки не просто плотоядны, но еще и невероятно жестоки.

К счастью, смертоносцы, похоже, предпочитали в пустыню не залетать – то ли из-за невыносимой жары, то ли просто считали, что при таких условиях люди не могут существовать. Прежде чем семья перебралась в новое жилище, Найл видел шары раз десять, не больше, да и то лишь на горизонте...

Иное дело на границе пустыни. Здесь смертоносцы совершали облеты регулярно, как правило, на рассвете или на закате. Это были, судя по всему, обыкновенные дозоры, но и они причиняли немало беспокойства. Смертоносцы словно догадывались, что рано или поздно люди соблазнятся мыслью перебраться из гиблых недр пустыни в более благодатные места, где вдо-

сталь плодов кактуса и съедобных крылаток. Однажды случилось так, что паучий шар действительно пролетел едва не над самой головой, и люди всерьез задумались, не возвратиться ли обратно в пустыню: там безопаснее. Ульф и Сайрис действительно на это настроились, даром что Сайрис опять была беременна. Но Ингельд не пожелала об этом и слышать. Она заявила, что лучше умрет, чем возвратится в пещеру, где во всей округе, помимо опунций, и поесть-то нечего. Найл втайне был признателен ей за упрямство: он тоже предпочитал пищу и опасность голоду и скуке.

Когда на свет появилась сестричка Руна, Найл перестал быть общим любимцем. Ему было почти уже одиннадцать лет, он к той поре начал ходить на охоту вместе с мужчинами. Поначалу это было изнурительным. Приходилось отмахивать порой до двадцати миль под косматым безжалостным солнцем, постоянно высматривая шары смертоносцев, выискивая скрытые признаки логова тарантула или желтого скорпиона. Довольно скоро мужчины уяснили, что у Найла чутье на опасность развито сильнее, чем у них.

Как-то раз они все вместе отправились к зарослям колючего кустарника, где были расставлены силки на птиц. Внезапно Найл ощутил, что его туда почему-то ноги не несут, словно какая упорная немая сила отталкивает назад. Замедлив шаг, он положил ладонь на руку Хролфу. Постепенно этим чувством прониклись все. Остановившись, охотники внимательно, изучающе взгляделись в поросль. Минут через десять Ульф уловил легкое, почти бесшумное движение. Остальные, хотя и секундой позже, успели заметить длинную тонкую ногу сверчка.

– Это всего лишь декта, – сказал Ульф, имея в виду безвредное создание, обитающее в пустыне.

Но смутное чувство опасности не оставляло Найла, и он напрочь отказался приближаться к той поросли. Мужчины, недоуменно пожав плечами, решили в конце концов обойти кустарник стороной и двинулись каменистой пустошью к растущим в отдалении плодоносным кактусам.

Возвращаясь незадолго перед сумерками назад, они вновь прошли в сравнительной близости от кустарника. Двигались охотники почти бесшумно, но нечаянно потревожили сверчка. Все вздрогнули от неожиданности, когда тот, выпрыгнув, помчался десятиметровыми скачками к деревьям. И тут – на тебе: мгновенное взвихрение пыли, и вот уже декта беспомощно барахтается в удушающих объятиях кошмарной на вид твари неизмеримо большего размера. Она напоминала невиданной величины сверчка ростом, наверное, метра три – только серые ноги не гладкие, а покрытые не то шипами, не то жесткой щетиной. Странной формы голова напоминала чопорно вытянутое лицо; по бокам – большие выпуклые глаза. Снизу яйцо прорастало в длинные заостренные челюсти, имеющие отдаленное сходство с когтями скорпиона. На глазах у изумленно застывших охотников исполин притиснул добычу к животу; задние ноги добычи, приподнятые над землей, впустую лягали воздух. Затем мощным, мгновенным ударом челюстей-лезвий он вскрыл сверчку горло. Пораженные этим демоническим зрелищем люди стояли и смотрели. Тварь не обращала на них внимания. Она все глубже вгрызалась в горло сверчку, голова которого заломилась под неестественным углом. Челюсти демона с хрустом сжевывали утратившее подвижность туловище, а круглые навывкате глаза флегматично, без всякого выражения смотрели куда-то вдаль.

Когда демон уже почти завершил трапезу, до охотников вдруг дошло, что ведь он, возможно, еще не насытился; надо бы, пока еще не поздно, исчезнуть из его поля зрения. Потрясенные увиденным, люди заторопились в сторону жилища.

Джомар, оставшийся в тот день в пещере (покалеченная нога стала терять подвижность), догадался по их описанию, что речь идет о самом агрессивном из сверчков под названием «сага». Крепкий панцирь делает его попросту неуязвимым, а длинные конечности позволяют кидаться на добычу с расстояния в десятки метров. Подступи охотники к деревьям чуть ближе,

и одного из них он непременно бы сожрал с такой же быстротой и жадностью, что и сверчка-дектору.

После этого происшествия мужчины оценили безошибочность чутья Найла, и он стал ценным, незаменимым участником охотничьих вылазок.

Ульф и Торг были опытные охотники, однако охота для них была лишь насущной необходимостью. Когда запасов пищи хватало, они предпочитали полеживать в прохладной темноте жилища, оживленной зыбким трепещущим светом масляного светильника, и негромко беседовать. Вайг и Хролф, возрастом значительно моложе, относились к охоте как к лихой забаве, возможности рискнуть. Если в сравнении с унылой пустыней эта каменистая пустошь – райские кущи, то тогда, наверное, в землях к северу растительность еще изобильнее и разнообразнее. Ульф в ответ на такие соображения советовал остерегаться: север – это все-таки уже земля пауков-смертоносцев. Но Джомар рассказывал, что между этой землей и страной смертоносцев пролегает безбрежное море. Он также рассказывал о Великой Дельте, что на северо-востоке: огромная сочно-зеленая низменность, где сплошь леса и буйство растительности. Иные охотники ведали, что в Дельте встречается и кое-что другое: плотоядные растения, например. Но в Вайге и Хролфе жила уверенность молодости, и они твердо считали: куда там какому-то растению – хоть трижды плотоядному – до жука-скакуна или огромного скорпиона. Вот подойдет время, когда пойдет на убыль летняя жара, и они непременно отправятся через пустыню к зеленой Дельте. А пока впереди ждет северная земля, наверняка сулящая множество приключений.

И вот как-то утром, едва развиднелось, Вайг, Хролф и Найл, оставив жилище, двинулись на север, в сторону горизонта. Вооружение их составляли кремневые ножи, копья и пращи. Еду несли в сумках из паучьего шелка, которые попутно можно было использовать и для защиты от солнца. Найлу приятно было касаться ткани: гладкая, прохладная, под пальцами струится словно жидкость. Из трех сумок он нес ту, что поменьше, с плодами кактуса и запечатанной посудинкой с водой.

Через час они миновали изъеденные безлюдным ветром причудливые столбы из рыжего камня-песчаника. Там в тени путники устроили короткий привал, перекусили плодами кактуса. Отсюда было заметно, что с расстоянием зеленая плоскость прогибается, образуя чуть вогнутую чашу, усеянную большими валунами. Теперь надо было не мешкая двигаться дальше: считанные часы – и к этим валунам невозможно будет притронуться из-за жары. На дальнем конце чаши, чуть возвышаясь над оком, различались деревья. Вайгу, у которого глаза самые острые, показалось, что он видит еще и воду.

На деле расстояние оказалось куда больше. Вот уж и полдень миновал, а каменистой пустоши все не было конца. Правда, валунов поубавилось, на смену им пришли кремень и ребристые полоски гранита. Расчистив площадку размером в несколько метров, путники вогнали в каменистую землю копья, как водружают столбы для шатра, и натянули поверх шелковые полотнища. Сидеть здесь под нагнетающим зной солнцем было не так уж и приятно, но хоть какая-то тень. Прилечь было невозможно: сплошь камни и неровности. Поэтому братья просто сидели, сцепив вокруг коленей руки, и, не мигая, смотрели поверх скучного простора пустоши в сторону деревьев на северном горизонте, на полоску зелени, которая уже явственно различалась на таком расстоянии. Найлу снова грезилась пахучие цветы и журчащая вода.

Отдохнув часа три, братья продолжили путь на север. Зной все еще держался, но, уж если решили к ночи добраться до деревьев, надо было идти. Передвигая налитые свинцовой тяжестью ноги, Найл с тоской вспоминал о доме, а у самого глаза неотрывно смотрели на деревья, становящиеся все ближе. Вайг сказал, что это финиковые пальмы, так что во всяком случае будет что поесть. Найл обожал финики, хотя пробовать их доводилось всего несколько раз.

Ландшафт менялся на глазах. Камни под ногами становились все мельче – самые крупные с кулак – и перекатывались под подошвой. Истомленно поведя глазами на деревья, Найл вдруг почувствовал, что земля уплывает из-под ног, и плашмя шлепнулся на спину, содрав кожу с обоих локтей. Так хотелось полежать неподвижно хотя бы минуту-другую, но Хролф с Вайгом поторапливали: надо идти. Найл с трудом поднялся на ноги, не отрывая глаз от земли, – с одной стороны, чтобы не свалиться снова, главная же причина – скрыть слезы усталости. Некоторое время спустя, глянув случайно на Вайга, он вдруг заметил, как они с Хролфом перекинулись встревоженными взорами. До него дошло: братья жалеют, что взяли его с собой. От стыда за себя Найл стиснул зубы. «Не распускать нюни!» – была его единственная мысль. И тут что-то произошло. В голове будто ожил крохотный яркий солнечный зайчик. Непонятно как, но усталость неожиданно отлегла. Вернее, она по-прежнему существовала тяжестью в ногах, но принадлежала будто не ему, а кому-то постороннему, сам Найл не имел к ней никакого отношения. Теперь он владел своей усталостью, а не она им. Ощущение было настолько отрадным, что Найл, не удержавшись, смешливо фыркнул. Вайг удивленно покосился на младшего брата и удивился еще больше, увидев, как тот весело, во весь рот улыбается.

Они все шли и шли, ступая по горячим, словно оплавленным зноем, камням. Все притягательнее смотрелась впереди зеленая роща. Стали заметны и другие изменения в ландшафте. Камни под ногами совсем измельчали – с птичье яйцо, а то и меньше. Зато теперь навстречу то и дело попадались похожие на воронки углубления метров до десяти глубиной. Подойдя к одному, особенно большому, путники остановились приглядеться внимательней. Если б не усталость, они бы гурьбой слезли вниз, чисто из любопытства. Но в такую жару это было бы лишь никчемной тратой сил. Как бы там ни было, Найл подцепил ногой камень и скинул вниз, пронаблюдал, как он летит, поминутно стучаясь о стены. Тут взгляд паренька упал на зеленое растение, чем-то напоминающее уару. Оно росло на склоне несколькими метрами выше; по центру красовался круглый зеленоватый плод, удивительно похожий на плод кактуса. Найл сел на корточки и, помогая себе руками, стал тихонько спускаться вниз по склону. Шар, размером с яблоко, оказался жестким на ощупь и не желал отрываться, но Найл с ним все-таки совладал и перекинул вверх Хролфу. От резкого движения камни, на которых он сидел, сместились, и Найл почувствовал, что съезжает вниз. Он распластался на спине, пытаясь пятками вживиться в какую-нибудь щель. Ненадолго это сработало, но слой камней, видно, сам по себе держался неплотно, и они каскадом посыпались из-под ног. Теперь тормозить руками и ногами было сложно: скорость уже набрана. Но вот наконец, съехав до половины склона, Найл остановился и осторожно сел, понимая, что одно лишь неосторожное движение – и он опять поедет вниз.

Медленным, осмотрительным движением перевернувшись на живот, он уперся руками и коленями и начал карабкаться вверх.

Тут по слуху полоснул резкий, предостерегающий окрик Вайга. Найл осторожно повернул голову, и сердце обмерло от ужаса. Камни на дне воронки тяжело шевелились, поднимаясь и опадая, словно приводимые в движение гигантским кротом. Сперва наружу вылезли длинные, металлически поблескивающие усы-щупики. Следом показалась высокая круглая макушка, тоже голубоватая и покрытая пушистым ворсом. По обе стороны головы крепились большие голубые полушария, глянцевитые и чем-то напоминающие глаза кузнечика-степняка. Возле основания щупиков Найл приметил и еще нечто, смахивающее на вторую пару глаз, узких и хищных, упрятанных в желтую броню. Голова также была преимущественно желтой, с отдельными извилистыми полосами голубого цвета. Челюсть выступала вперед, придавая физиономии сходство с обезьяньей мордой. Вслед за головой проступила подвижная шея, выпростались мощные на вид передние лапы. Наконец появилось упрятанное в черно-желтый панцирь туловище, словно заимствованное у броненосца.

Тварь определенно смотрела на Найла, который с удвоенной силой принялся карабкаться вверх по склону воронки-кратера. Несколько метров удалось одолеть, затем его опять повлекло

вниз. Он оглянулся через плечо, думая, что броненосное чудище лезет следом за ним. Ошибся. Создание просто сидело, повернувшись в его сторону скучной обезьяньей физиономией.

Что-то задело руку – конец веревки, неизменной их спутницы на охоте. Найл не замедлил схватиться за нее обеими руками. Вайг с Хролфом подналегли с другого конца, вытягивая братишку на себя.

И вдруг – удар, от которого голова словно раскололась пополам. Следом – еще один, по спине, да такой, что у Найла перехватило дыхание. На секунду в голове загнанно метнулась мысль, что это он уже у чудовища в лапах. Крутнувшись, Найл увидел, что тварь, оказывается, спокойно сидит в центре воронки и вообще на него не смотрит, даже голова повернута в другую сторону. Но вот чуть погодя существо, сунувшись головой в груды камней, резко распрямило шею. С удивительной точностью пущенные камни, сухо цокнув о стенку кратера у Найла над самой головой, посыпались вниз. Один задел бровь, и паренек почувствовал, как по щеке теплой струйкой побежала кровь. Еще один залп, на этот раз по телу; у Найла дух зашелся от боли. В этот миг парень невольно выпустил веревку из рук (камни хлестко ударили по кисти) и снова стал сползать пятками вперед. Тут и само чудовище, потеряв терпение, поползло навстречу. Оно не спешило. Было очевидно, что оно абсолютно уверено: добыча никуда не уйдет. Вайг снова бросил брату конец веревки, но Найл уже не смог до нее дотянуться.

Видя, что челюсти чудовища уже приближаются к ногам брата, Вайг заспешил вниз на выручку, швыряя попадающиеся под руку камни. Один угодил чудовищу по голове, и оно недоуменно замерло: кто там еще посмел? Было что-то пугающее в бесстрастной заученности движений этого броско раскрашенного черепа. Вайг попробовал остановиться. Распластавшись, он ухватился за камни в попытке погасить скорость. У него получилось упереться пятками в землю, и вот так, скривив спину и поджав колени, он лежал, запоздало сознавая, что совершил глупость, когда ринулся в кратер очертя голову.

Когда существо почти уже настигло добычу, по одной из полукруглых боковин черепа неожиданно хрястнул пущенный из пращи камень. Что-то сухо треснуло, и на физиономии выступила, судя по всему, кровь. Вайг и Найл завопили от радости. Тварь остановилась, впервые выказывая признаки нерешительности. Второй камень, ударив, отрикошетил от панциря, третий вообще пролетел мимо. Хролф чересчур волновался.

– Хролф, эй! – крикнул Вайг. Голос сорвался на сиплое кряканье. Братан выпустил еще один камень – и этот отскочил от панциря.

– Стой! Слушай меня! – Несмотря на сумятицу, голос Вайга звучал теперь спокойно и сдержанно. – Не спеши! Целься как следует: может, попадешь ему в другой глаз.

Он и сам швырнул в существо камень, но тем лишь вывел его из замешательства: оно снова двинулось на братьев. На этот раз Хролф не спешил. Прежде чем метнуть, он несколько раз взмахнул пращой. Бросок получился удачным, камень попал как раз в то место, где из головы растут щупики, и сшиб один из них. Второй выстрел угодил в самую середину физиономии. Тварь остановилась, заворочала головой, словно пытаясь разглядеть невидимого обидчика, а затем повернулась и полезла головой в камни. Найл подумал, что сейчас их опять обдаст град камней, но минуту спустя с несказанным облегчением понял, что существо торопится спрятаться. Вот показались напоследок задние ноги, напоминающие угловатыми движениями конечности черепахи, и полосатое чудище исчезло из виду.

Несколько минут Найл и Вайг были попросту не в состоянии двинуться. Сидя без сил (оба измождены, тела сплошь покрыты синяками), они молча созерцали то место, куда исчезло чудище, и, замерев, ждали, что вот сейчас оно опять вылезет наружу и усядется на них. Когда стало ясно, что тварь ретировалась окончательно, братья вновь начали карабкаться вверх по склону. Теперь, когда не приходилось спешить и была возможность выбрать, куда ступить, они одолевали склон кратера медленно, но верно. Найл вскоре дотянулся до конца веревки, и Хролф благополучно вытащил его наверх. Затем – уже вдвоем – они то же самое проделали

с Вайгом. В конце концов все трое расселись по краю кратера, глядя на пяточок земли, куда скрылась тварь. Найл с Вайгом были сплошь в синяках; ладони, ступни и колени кровоточили. Но разве могло все это сравниться с ощущением безопасности!

Вайг тронул Хролфа за плечо: «Спасибо».

Тот лишь смущенно пожал плечами: «Ну что, пора трогаться?»

Да, в самом деле. Пустошь не то место, где можно располагаться на ночлег. Подобрал поклажу и оружие, путники, прихрамывая, побрели по камням, держа путь к желанной зелени, сулящей отдых и источник воды.

Через час до деревьев было уже рукой подать. Показалась и первая растительность: кусты креозота, трава альфа, растения уару. И ноги-то, оказывается, уже ступали по настоящей траве! Грубая и жесткая, она тем не менее показалась удивительно нежной и мягкой истерзанным стопам. Теперь было видно, что деревья здесь небывало высокие, они таких раньше и не встречали – раза в два выше гигантских цереусов. Под ногами – песок, но не мелкий зыбучий, как в пустыне, а грубоватый, зернистый, по такому приятно и ступать. А на песке – невиданное изобилие растений и кустарников: цветущий кактус с ярко-розовыми соцветиями, и броская рябина, и иерихонская роза, и сочно-зеленый молочай, и еще множество всякого, чего Найл и во сне не видел. Под ногами тут и там мелькали ящерицы, а среди цветов деловито сновали огромные пчелы. Было даже слышно пение птиц. Все это настолько ошеломляло, что Найл забыл и об усталости, и о синяках. Внезапно подумалось, что ради такой красоты и такого изобилия живности стоит, пожалуй, истязать ноги хоть целую неделю.

По мере того как приближались к деревьям, Найл неожиданно обнаружил, что древесные стволы, оказывается, растут вдоль берега неглубокого ручья, петляющего в узилище своего каменистого русла. Побросав оружие и поклажу, все трое бегом устремились в воду и, упав там на колени, принялись жадно пить. Найла охватил неистовый восторг. Глубина ручья даже в середине не доходила и до колена, так что, когда парень сел, вода была ему лишь по пояс. Расширенными глазами он неподвижно смотрел на воду, и беспрестанное ее движение околдовывало, влекло; сознание, отрешившись, сливалось с радужным переливчатым потоком. Какой-то незапамятно древний инстинкт, очнувшись где-то глубоко в душе, твердил, что и вода, и зеленые растения по праву принадлежат ему.

Так Найл и сидел, горстями плеская воду себе в лицо и на грудь, пока краем глаза не заметил на берегу движение. Оторопело обернувшись, на другом берегу он увидел рыжевато-бурое существо, которое, суетливо проковыляв по песку, нырнуло и исчезло под ракитовым кустом.

– Что это? – вырвалось у Найла.

Все трое застыли, разом осознав, в какое уязвимое положение поставили себя, беспечно бросив оружие на берегу.

На открытое место выбежало другое такое же существо, лапы немного напоминали пау- чьи.

– Это всего-навсего муравей, – с облегчением выдохнул Вайг.

– А на людей они нападают?

– Да вроде нет, – ответил Вайг без особой уверенности.

Неохотно выбравшись из ручья, они подобрали оружие. Муравьев на берегу было, оказывается, довольно много, они неожиданно появлялись и неуловимо исчезали среди зелени. Временами некоторые по непонятной причине резко останавливались и устремлялись затем в совершенно другом направлении. Длина у насекомых была примерно одна и та же, около метра. Физиономии у всех одинаково бесстрастные, как у того гигантского сверчка или у чудища из кратера. Когтевидные челюсти составляли, судя по всему, грозное оружие, но было в этих продолговатых головах с глазами-плошками что-то такое, от чего муравьи выглядели совсем безобидными, даже забавными; взять те же антенны-щупики, напоминающие приклеенные снизу вверх усы.

Вайг посмотрел на небо. Солнце уже близилось к закату.

– Ну что, пойдём? – Он поднялся на ноги. Жара уже высушила мокрую набедренную повязку. – Подождите-ка здесь.

Братья наблюдали, как Вайг, прошлепав через ручей, вышел на тот берег. Суетливо бегущее мимо красноватое существо ненадолго остановилось, словно изучая пришельца, затем заспешило прочь. Воодушевленный таким исходом, Вайг прошел еще несколько метров и намеренно встал на пути у другого муравья. Тот, не сбавляя хода, отклонился с курса и обогнул досадное препятствие. Подобное повторилось раз пять или шесть. Удостоверившись, что люди муравьев не интересуют, Хролф и Найл подняли поклажу и перешли через ручей. Почти тотчас же возле возник муравей. Какое-то время он изучающе шевелил антеннами, затем побежал по своим делам. После этого и другие муравьи утратили к ним всякий интерес, словно сородичи отправили им своего рода послание, что опасности от пришельцев не исходит.

Тем не менее братья шли, соблюдая осторожность. В обильной растительности могло скрываться логово скорпиона или жука-скакуна, а то и сверчка-саги. Но хотя жуки, тлиафиды и лесные клопы встречались довольно часто – раз на глаза попала даже трехметровая тысяче-ножка, – присутствия хищных насекомых не угадывалось вообще. Пройдя еще с полмили, братья набрали на подходящее для ночлега место. В песке возле большого обломка скалы находилось подобие ниши. Прощупав для верности дно остриями копий (вдруг там кто-то прячется), братья кремневыми ножами и руками принялись расширять и углублять место для ночлега. Меньше чем за час образовалось что-то вроде небольшой пещерки, вход в которую завалили кустарником, срубленным или просто выданным из песка. Здесь они могли наконец почувствовать себя в относительной безопасности.

Солнце уже скрылось за горизонтом, сумраком подернулся пейзаж на востоке. Прежде чем укладываться, Вайгу оставалось сделать еще одно дело: сообщить мыслями с семьей. Дома в пещере томилась ожиданием мать: как там их сыновья, живы ли? Когда солнце уйдет, она уединится и сядет, отрешась мыслями от всего в ожидании послания. Так и Вайг, отыскав удобное место у подножия камня, сел, привалившись спиной так, чтобы лицо смотрело в сторону дома. Глаза у него сделались словно слепые и погасшие, тело расслабилось. Эту позу ему бы следовало принять с полчаса назад, чтобы дать мыслям и чувствам состояние глубокого умиротворенного покоя. Но в тот момент этого достичь было никак нельзя: они готовили стоянку к ночлегу.

Свет дня остыл в сумерки, растворился в них. И вот уже братьев окружила темень; ни единого проблеска, прямо как у них в подземном жилище: слепая тьма. И, окруженный бархатистым мраком, Вайг внезапно почувствовал, что мать где-то совсем рядом, просто рукой подать – слушает. Тогда откуда-то из безмолвной глубины своей памяти он начал, извлекая, передавать матери образы местности, через которую они сегодня проходили, и места, где расположились на ночлег. Передавать образы приходилось отрывисто, мимолетом; подобный вид общения сильно изнурял, нужна была сосредоточенность, поддерживать которую непросто. Обрисовал Вайг и каменистую пустошь, оставшуюся позади ручья, и суетливых красных муравьев. Их с матерью общение длилось в общей сложности секунд десять; не успел Вайг распрощаться, как ощущение контакта прервалось. Приложив соответствующие усилия, его можно было возобновить, но к чему? Мать знает, что они целы, и теперь спокойно укладывается спать. Обогнув камень на ощупь, Вайг пробрался через завал колючих веток и, заложив лаз кустом, опрокинулся в убежище. Спрашивать, удалось ли брату вступить в контакт, было ни к чему: молчание свидетельствовало красноречивее слов.

Хотелось есть, но усталость в конце концов пересилила. Не прошло и пары минут, как все уже спали. А снаружи взошла луна, и на поиски добычи выползли хищники.

Проснулся Найл под громкий птичий щебет, бойкое стрекотание насекомых. Зевнув, потянулся и тут же охнул. Все тело немилосердно саднило, а когда попробовал сесть, открыв-

шаяся в локте острая боль вынудила отказаться от попытки. Однако даже это не могло пере-силить удовольствия, получаемого от нового и необычного окружения.

В принципе, и у Вайга состояние было немногим лучше. Спину сплошь покрывали синяки, память о встрече с насекомым из кратера, на затылке шишка размером с птичье яйцо. Хролф порезов и ушибов избежал, но и он сетовал на боль в коленях. Порешили на том, что возвращаться домой сегодня нет смысла; в таком состоянии они попросту протянут ноги среди пустыни.

Найл начал было разбирать завал из веток, но внезапно отшатнулся. По утреннему небу метрах в двадцати над землей неспешно плыл паучий шар. Сзади по ветру призрачной ниточкой тянулось волокно паутины. Никогда еще Найлу не доводилось видеть шар так близко. Вайг и Хролф сидели к брату спиной, поэтому не заметили, как резко он попятился. Вытеснив из сознания все мысли, Найл наблюдал, как шар, постепенно растворяясь, исчезает из виду. Окликни он сейчас Вайга и Хролфа, те, поддавшись страху хотя бы на мгновение, могли бы тем самым обнаружить себя. Только думалось почему-то, что летящий на шаре смертоносец в данную минуту квел и невнимателен.

Через пять минут Найл осторожно высунулся из убежища наружу и внимательно оглядел небосвод. С такого расстояния шар смотрелся не более чем пятнышком, в остальном небо было безмятежно чистым. Он подождал, пока тот скроется из вида окончательно, и лишь затем сообщил Вайгу и Хролфу об увиденном. Братья заметно разволновались, и Найл понял, что поступил правильно, не сказав им о шаре сразу же.

– В самом деле так близко? – удивленно переспросил Вайг.

– Как раз вон над тем деревом.

– Ну и повезло же нам, – протяжно выдохнул Хролф с заметным облегчением.

Сам Найл, чувствуя приятную расслабленность после пережитой опасности, размышлял, что дело здесь отнюдь не в удаче. Здесь кое-что иное, поважнее.

Через час, уяснив, что сегодня шары вряд ли уже появятся, братья снова отправились к ручью. С наслаждением растянувшись в воде в полный рост, самозабвенно плескались. Такая расточительность природы казалась Найлу просто невероятной: это ж надо, настолько бездумно транжирить такую драгоценность! В пустыне несколько капель воды ставили точку в вопросе жизни или смерти, то же можно сказать о плоде кактуса или тушке грызуна.

Здесьнее изобилие кружило голову, но оно же слегка и настораживало.

Отправившись вдоль ручья, братья одолели уже около полутора миль. Сам ручей брал начало на дальних холмах. Но, по словам Джомара, на той их стороне расстилалась Великая Дельта, где жизнь еще обильнее, но и опасностей побольше. А где-то на дальнем конце Дельты, по ту сторону моря, раскинулось городище пауков-смертоносцев. Найл не прочь был порасспросить о пауках Вайга с Хролфом, но тут уже заранее было ясно, что ничего из этого не выйдет. Они же охотники, а у тех не принято распространяться о том, что вызывает страх: того гляди, накличешь беду.

Здесь, в этих пестрых кущах, к восторгу неизменно примешивалось чувство тревоги. Все, что движется, моментально настораживало. Ведь толком и неизвестно, что здесь опасно, а что нет. Тут и там сновали огромные, в рост человека, стрекозы, чьи иссиня-прозрачные с прожилками крылья образовывали над туловищем подобие купола, стоило стрекозе сесть. Едва же насекомое с жужжанием взмывало в воздух, как над головой у него мгновенно образовывался сияющий нимб. Эти блестящие существа вместе с тем, что поохотилось на братьев в кратере, относились к одному виду – о чем Найл, конечно, не подозревал. Сновали вокруг и изумрудно-зеленые грибные мухи, которым, похоже, особое удовольствие доставляло проноситься возле уха да еще жужжать при этом так, что звенело в голове. Проходя мимо невиданно огромных деревьев, братья невольно обращали внимание на тенета серых пауков, напоминающие рыбацкие сети. В одном из них билось какое-то живое существо размером с человека.

Тенета опутали его так, что невозможно было разобрать, кто это. Братья старались держаться от деревьев подальше. Вокруг порхали гигантские бабочки, небрежными взмахами огромных крыльев поднимая легкий ветерок. Присмотревшись к одному такому крылу, лежащему на земле, Найл подивился его легкости и прочности. На таком, наверное, можно было бы запросто сплавляться вниз по воде, как на лодке.

Братья жутко проголодались: вся еда осталась в месте ночлега. Худо было то, что трудно было разобрать, какие растения из всего разнообразия годятся в пищу. Найл осторожно надкусил лиловый плод, напоминающий крупный виноград, и тотчас сплюнул из-за непривычного горько-соленого вкуса, еще несколько минут державшегося потом во рту. Не вышло и с другим плодом – желтым, мясистым: ни дать ни взять тухлое мясо. Еще один – овальный, ярко-красный – оказался едким, маслянистым.

Так и шли по песку, пока на глаза не попались несколько больших черных муравьев, каждый из которых тащил по большому зеленоватому плоду. Осмотрительно (еще неизвестно, что за нрав у этих насекомых) братья двинулись за ними в противоположном направлении, пока не вышли на окруженную лесом поляну, сплошь устеленную зелеными побегами растений, среди которых виднелись и те самые зеленоватые плоды разной степени зрелости.

Здесь уже копошилось изрядное количество насекомых, поглощающих те, что поспелее. Воздух был напоен диковинным сладким ароматом. Отыскав покрытый листьями крупный плод, Найл рассек его вдоль кремневым ножом и ухватил горсть сочной мякоти. Она оказалась прохладной и удивительно сладкой, только желтые семена, пожалуй, были жестковаты. Так Найл впервые отведал вкус дыни. С жадным усердием он все резал и поглощал кусок за куском, пока не остались лишь семена да корки.

Приглушив голод, братья сели и стали смотреть на черных муравьев, тоже собирающих урожай. Насекомые перегрызали ботву крупными, грозными на вид челюстями, ухватывали плод в передние лапы и уходили на оставшихся четырех. Похоже было, что они вообще игнорируют всякого, кто попадет на дороге. Вот один подбежал к большой перезревшей дыне, на которой уже примостилась бабочка. Перекусив ботву, он поднял плод вместе с бабочкой (которая, кстати, так и не прервала еду) и поволок. Бабочка, чересчур, видимо, увлеченная едой, тоже не обращала внимания на муравья, пока дыня не исчезла. Тогда обделенное существо встрепенулось и, взмахнув крыльями, сорвалось в полет, обдав братьев ветерком.

Выросшие в пустыне, где внимание остановить практически не на чем, братья находили все это мельтешение бесконечно привлекательным – дома-то поневоле приходилось сиднем сидеть в глубине темной пещеры. Этот новый, восхитительно разнообразный мир казался невиданным пестрым калейдоскопом. Стоило взору соскучиться на одном зрелище, как по соседству возникало другое, не менее увлекательное.

У Вайга и Хролфа завязался спор, едят муравьи только растительную пищу или нет. Хролф утверждал, что только ее; Вайг доказывал обратное: такие зазубренные челюсти явно способны рвать живую плоть. Конец спора наступил сам собой, когда Найл, заметив с расстояния хлопотливую суету, обратил внимание на черного муравья, волочащего труп кузнечика размером вдвое больше себя самого. Муравей передвигался так, как ему было сподручнее, задом наперед, и в то же время, даже не поворачивая головы, чтобы свериться с направлением, безошибочно следовал за своими сородичами. Найлу все стало ясно, когда он заметил на тропе бисеринки мелких капель (вот один из муравьев обронил с кончика хвоста точно такую же; видно, метил тропу, чтобы другие могли ориентироваться по запаху).

Братья из любопытства двинулись за муравьем, что тащил по тропе кузнечика, на одном из отрезков пути к нему присоединились еще двое и, судя по всему, предложили помощь. Братья с интересом наблюдали, ожидая увидеть поучительный пример муравьиной взаимовыручки. На деле же оказалось, что ни у одного из троих нет сколь-либо осмысленного плана. Один из «помощников» попытался подлезть под кузнечика и взвалить его себе на спину; дру-

гой ухватился за крыло челюстями, в то время как главный добытчик все продолжал волочь добычу, птясь задом. В результате ноша, накреньясь, свалилась со спины несущего. Тот из них, кто тянул крыло, оторвал кузнечнику подкрыльник да с ним и остался. Так работа у этой троицы и шла: теребили, роняли, поднимали, сами толком не соображая, что делают. Если бы кузнечика волок лишь тот, первый, проку было бы куда больше. Братьям эта бессмысленная суматоха казалась до ужаса забавной, и они покатывались со смеху.

Вскоре глазам открылось муравьиное жилище: широкий лаз в земле возле корней акации. Попасть туда можно было, лишь миновав двух рослых муравьев-солдат, бдительно касающихся щупиками всякого входящего, – видимо, чтобы проверить, свой или чужой. Остановившись на разумном расстоянии, братья укрылись за шипастой акацией и оттуда наблюдали за неустанным хлопотливым движением. Как-то не сразу дошло, что прятаться и необязательно: муравьи-солдаты напрочь лишены зрения, у муравьев-рабочих оно очень слабое. Ориентировались они в основном по запаху, благо обоняние у них развито превосходно, и, несомненно, догадывались о присутствии теплокровных существ, затаившихся за колючим кустом. Так как пищи вдосталь, а существа не выказывают враждебности, то незачем на них и нападать.

Хролфу этот спектакль начал мало-помалу наскучивать; Найл – тот вообще, разморившись на солнышке, стал клевать носом, даром что сидели они в тени акации. А вот Вайг, прирожденный следопыт, всматривался во все детали с полным самозабвением. Именно Вайг сделал вывод, что и дерево, под которым они сидят, и цветущий кустарник вокруг – все это неотъемлемые части муравейника. В ветвях дерева и среди корней кустарника в изобилии водились толстые, напоминающие круглые зеленые виноградины афиды, которые поглощали листья и сок растений. Время от времени к круглякам-афидам подбегал какой-нибудь из муравьев и притрагивался к каплевидному брюшку антеннами; тогда из анального отверстия «дойной» тли проступала большая круглая капля прозрачного клейковатого вещества, и муравей поспешно ее сглатывал. Затем «просьба», как правило, повторялась: муравей опять щекотал антеннами брюшко тли. Вайг решил попробовать: подойдя, бережно прикоснулся пальцами к брюшку афида, угнездившегося в корневище куста. С первого раза ничего не получилось: не было еще навыка. Но уже довольно скоро он, приноровившись, сымитировал кончиками пальцев щекочущее прикосновение муравьиных усов; проступила клейковатая капля. Вайг, сосредоточенно нахмурясь, осторожно попробовал ее на язык. Секунду-другую помедлив, аппетитно причмокнул и приложился еще раз, уже смелее. В конце концов уговорил присоединиться и братьев, и те не пожалели: вещество оказалось сладким, сахаристым и хорошо усваивалось, несмотря на непривычный плодовый привкус. Живя в бесплодной пустыне, молодые люди не находили ничего омерзительного в том, что пробуют на вкус испражнения зеленого насекомого: всякое приходилось есть, голод не тетка.

– Жаль, нельзя прихватить пару-другую этих жуков домой, – вздохнул Хролф.

– А у нас там у самих такие водятся. Я уже пару раз замечал.

Не оставалось живого существа в радиусе двух миль от пещеры, какое бы не было знакомо Вайгу. Вскоре они стали свидетелями еще одного любопытного эпизода. Мимо них в направлении муравейника, нагнув голову, решительно протопал жук-разбойник, спина широкая, жесткая. Братья ожидали увидеть, что на него сию же секунду набросятся – или попытаются хотя бы оттеснить – муравьи-солдаты. На самом же деле вышло так. Громила, преградив путь спешащему мимо муравью-рабочему, придвинулся вплотную и потянулся к нему физиономией, словно собираясь поцеловать, а сам в то же время коснулся его своими короткими щупиками. Муравей остановился, и из его рта в рот жука перекечевала, блеснув, маленькая капелька. Секунду спустя, словно поняв, что самым бесстыдным образом разыгран презренным чужаком, работяга накинулся на разбойника. К нему присоединились два пробегающих мимо сородича. Сам жук, судя по всему, сохранял полное спокойствие. Он попросту брыкнулся на спину и задрал лапы, притворившись мертвым. Двое муравьев пытались цапнуть хит-

реца за живот (великолепно защищенный), третий силился добраться до головы (предусмотрительно втянутой в панцирь). Провозившись так несколько минут, трудяги оставили обманщика и заспешили каждый по своим делам. Жук тотчас, качнувшись, перевалился на ноги, встал и как ни в чем не бывало пошел навстречу очередному простаку.

Теперь было понятно, что у муравьев означает символическое постукивание антеннами спешащего навстречу собрата. Очевидно, муравьи, собирая с цветов нектар, скапливали его в зобу. Почувствовав голод, муравей подбегал к такому вот сборщику, ударом антенн показывал, что голоден, и получал каплю желанной пищи. Лишь с огромным трудом Хролф с Найлом отговорили Вайга экспериментировать еще и на этом; уж кому другому, а ему бесполезно будет валиться на спину и задирать ноги, если муравей вздумает вдруг напасть. Вайг в конце концов поддался на уговоры, но оттащить его от муравейника не могло решительно ничто. Поведение насекомых зачаровывало Вайга; его тянуло разобраться, как устроено муравьиное царство. В конце концов Хролф и Найл, потеряв терпение, досадливо сплюнули и отправились на поиски чего-нибудь съестного, а заодно охладиться в ручье. Для Найла именно в этом состояло блаженство: сидеть по плечи в воде и отрешенно наблюдать, как, радушно искрясь, играет на переливчатой поверхности свет. От этого так легко делалось сбитым в кровь ступням и исцарапанным рукам. Да и мысли становились созвучнее, умиротвореннее, спокойнее.

За час до темноты над макушками деревьев пролетели два паучьих шара. Братья к этому времени уже сидели в убежище под камнем, загородив вход двойным барьером из ветвей кустарника. Шары они приметили через небольшие прорехи в ветвях. Вайг с Хролфом сошлись на том, что это и в самом деле обычный дозор: при движении шары не излучали бередящего душу ужаса.

Когда, завернувшись в одеяла паучьего шелка, братья лежали в темноте на толстых матрацах из душистой травы лисохвоста – в отличие от жесткого эспарго упругой и податливой, – Вайг завел речь о том, что не мешало бы им остаться здесь еще на недельку. Хролф, похоже, ничего против не имел, а вот Найл уже начинал тосковать по дому, все чаще вспоминая мать и сестренку. Кроме того, шестое чувство подсказывало: брат снова замыслил что-то бедовое.

Догадка оказалась верной. На следующее утро, когда купались в реке, Вайг раскрыл, что именно у него на уме. Даже Хролф, обычно идущий у него на поводу, пришел от такой затеи в тихий ужас.

– Да тебя же живьем сжуют!

– Я что – похож на дурака? Так я им и дамся!

Вайг задумал добыть муравьиных яиц – будущее муравьиное потомство – и доставить те трофеи в пещеру, как в свое время осу-пепсис. Ради этого он решил рискнуть и сунуться в муравейник. Чтобы благополучно туда пробраться, решил он, требуется единственно изменить запах. Наблюдая вчера весь день за муравьями, он вначале решил было, что они осознанием распознают друг друга. Прежде чем пропускать рабочих муравьев внутрь, муравьи-солдаты ощупывали их антеннами – еще один довод за то, что они слепы. Однако затем брат обратил внимание, что, когда к входу приближается какой-нибудь жук или тысячножка, солдаты начинают выказывать беспокойство уже тогда, когда те находятся еще на расстоянии. Они же отгоняли и больших бурых муравьев, забредших, видимо, из другого муравейника. Даже рабочие муравьи определенно изъясляли недоверие непрошеным гостям. Походило, что своих и чужих муравьи различают по запаху. Тогда поддавалось объяснению и то, каким образом кое-кому из чужаков – жуку-разбойнику например – удается подбивать муравьев делиться собранной пищей. Видимо, ему каким-то образом удается уподобиться по запаху муравьям.

– Ну и что ты думаешь делать, чтобы запахнуть по-муравьиному? – поинтересовался Найл.

– А вон, видишь, чем они метят свои следы? Что-то вроде масла.

– А ну как просчитаешься? Они же тебя всего искромсают. Сам видел, как те трое набросились на жука.

Вайг – парень немногословный – произнес с тихим упрямством:

– Все равно попробую.

Хролф с Найлом предупредительно отошли, Вайг же укрылся в кустах возле муравьиной тропы. Не успел пробегающий мимо муравей обронить на землю капельку маслянистого вещества, как Вайг мгновенно выпрыгнул из укрытия, подгреб ее и растер по коже. Через полчаса тело у него было сплошь покрыто мешаниной из песка, пыли и «бальзама»; он втер муравьиную жидкость даже в волосы. После этого он отважно вышел на тропу и двинулся к первому встречному муравью. Отваги брата нельзя было недооценить: муравей, даром что ниже человека ростом, выглядел устрашающе: длинные узловатые ноги, хваткие челюсти. Насекомое даже не притормозило, просто обогнуло стоящее на пути препятствие и, не сбавляя скорости, засемило дальше.

Начало получилось обнадеживающим. Вайг, воодушеваясь, направился следом по тропе в сторону муравейника. Найл, перебежав вперед, укрылся за кустами. Мимо Вайга просеменило уже несколько муравьев, и ни один не обратил на него внимания. Найл с затаенным дыханием следил, тщетно пытаясь унять сердце, прыгающее в груди. От муравейника Вайга все еще отделяло около полтора метра, он приближался очень осторожно. Внезапно в голове у Найла мелькнуло: надо бы прежде всего сладить с неумным биением сердца (по крайней мере, в детстве ведь получалось). Так что на время он даже забыл о Вайге, все внимание сосредоточив на своем волнении и страхе, веля им исчезнуть. Поначалу все приказы звучали впустую, но вот наметился некий сдвиг. Найл сосредоточился еще сильнее; в голове, ожив, затрепетала точка яркого света. Когда Найл снова перевел внимание на тропу, Вайг был уже на полпути от входа. Перепачканная кожа, матово отливающая на солнце, придавала брату нелепый вид; обострившимся чутьем Найл ощущал его страх и вместе с тем отчаянную решимость. Как и Найл, Вайг держал себя в руках, не выказывая боязни. Вот навстречу брату засемилил выбежавший из лаза муравей-рабочий. По мере того как человек и насекомое сближались, Найл отчетливо чувствовал смятение последнего; запах вроде бы знакомый и в то же время какой-то не такой. Но, судя по всему, враждебных намерений существо не имеет и пахнет как родное. Только когда муравей с Вайгом разминулись, до Найла дошло, что ведь он, оказывается, читает мысли муравья. Все равно как если бы он сам обратился сейчас в это подвижное насекомое, овладев его телом. Из этого положения равно чувствовались и остальные членистоногие собратья, находящиеся в муравейнике. Ощущение ввергало в оторопь: ум точно распадался на тысячи крохотных осколков, и каждый осколок в то же время являлся неотъемлемой частью неизменного целого.

Вайг же тем временем уже приближался к муравьям-солдатам. У них не возникало и тени сомнения, что существо, крадущееся навстречу, – чужак, которого необходимо остановить. Соображение сработало у нескольких сразу, причем настолько отчетливо, словно они перебросились словами, даром что в сторону Вайга повернулись только двое – выжидающе, со скрытой угрозой. Вайг, смекнув, что дело неладно, свернул в сторону и сошел с тропы. Пик сосредоточенности у Найла прошел, вместе с ним и прошло прямое включение в умы муравьев.

В голову пришла интересная мысль. Если захотеть, можно, наверное, вмешаться в «разговор» муравьев между собой. Слившись с телом муравья, можно было бы, скажем, «прикрикнуть», чтобы тот не огибал стоящего на пути Вайга, а остановился перед ним. Муравей бы в таком случае и не заподозрил, что действует по чьей-то указке, и воспринял бы все как должное... Уж не таким ли образом повелевают своими рабами-людьми смертоносцы?

Отыскав братьев в кустах, Вайг подошел и сел рядом.

– Не идет. Надо, наверно, мазаться чем-то другим.

– А то ты думал! Они, скорее всего, этой дрянью метят тропы, а друг друга различают как-нибудь иначе.

– Откуда ты знаешь? – с удивлением спросил Вайг.

Найл не мог толком ответить, просто знал, и все. Солнце стояло уже над головой, и муравьи укрылись в прохладу своего подземного гнездилища. Вайг отмылся в ручье. Весь следующий час братья блаженствовали, лежа в проворной проточной воде, а затем улеглись в тени финиковых пальм обсушиться. На одну из них Хролф взобрался, исцарапав о шероховатый ствол ладони и ступни, и накидал вниз гроздь фиников. Финики были недоспевшие, но тем не менее вкусные.

Затем Вайг вернулся к своим муравьям, а Хролф с Найлом пошли осмотреть окружающую ручей местность. Разок на них из скрытого кустом логова бросился жук-олень, но, когда братья пустились наутек, быстро отстал. Большинство насекомых здесь, похоже, были растительноядными, и пищи для них имелось в изобилии. Встречалось очень много плодоносящих растений, кое-какие из них были уже и знакомы. В целом выходило, что можно смело есть любой плод, который используют в пищу насекомые, хотя самый аппетитный на вид – этакий увесистый лиловый шар в зеленых и желтых пятнышках – оказался маслянистым и горьким. Иные, вроде круглого и желтого плода, из-за которого угодил в опасный кратер Найл, имели сладкий, чуть вяжущий вкус. Эти, похоже, были самой любимой пищей у муравьев.

На границе с каменистой пустошью росло небольшое не то деревце, не то куст сродни полому кактусу. Его сухие обвислые листья стелились по земле – видимо, служили для сбора воды – и были жесткими, как трава альфа. Отщипнув от них три узкие полоски, Найл сплел веревку. Этому ремеслу он обучился еще в детстве и владел им так мастерски, что его работа ничуть не уступала материнской. Новый материал оказался настолько добротным, что Найл, отщипывая полоску за полоской, постепенно сплел веревку раз в восемь длиннее собственного роста.

Тем временем Хролф, свесив ноги в кратер лупоглазого создания, один за другим бросал туда камешки, надеясь выманить тамошнего обитателя наружу. Первый камень, прицельно пущенный вниз по склону, заставил жука показаться из своего логова. Прилетевший следом второй цвелькнул страшилище по голове – оно зарылось в землю и обратно уже не показывалось.

Лениво, не зная, чем бы еще заняться, Найл начал кидать в воронку камни, стараясь по чуть заметному бугорку угодить в то место, где – он знал – прячется сейчас насекомое. Неожиданно пришла идея: если выманить его наружу, разыграв из себя приманку? Если обмотаться вокруг пояса веревкой, то дело не такое уж и опасное. Прежде всего опробовали веревку. Хролф взялся за один конец, Найл что было силы потянул за другой. Веревка, пожалуй, была попрочнее той, что из травы. Присев на краешек кратера, Найл стал постепенно сходить вниз, не забывая усердно обваливать камни. Не успел пройти и четверти пути, как камни на дне зашевелились и наружу показалась знакомая пучеглазая голова. Найл опустил еще на пару метров – Хролф вытравливал веревку, – затем снова притормозил. Насекомое выкарабкалось из-под камней и теперь сидело, уставясь на людей. Было что-то доподлинно ужасное в этой бесстрастно-зловещей физиономии. Найла начало уже одолевать сомнение: а вдруг оно взберется по склону прежде, чем он успеет выскочить наверх?

Веревка вокруг пояса стала туже: значит, Хролф готовит пращу (другой ее конец был затянута у него вокруг пояса). Над головой Найла прожужжал камень, да так близко, что ветром взъерошило волосы. Метнул Хролф метко: камень пришелся страшилищу прямо по центру физиономии, от чего оно тяжело вздрогнуло и отпрыгнуло, неуклюже упав на короткие ноги. Защищенное панцирем массивное туловище, не приспособленное к быстрым движениям, откатилось в сторону. Второй камень пришелся сбоку, основательно задев голову. Третий, угодивший насекомому меж щупиков, обратил его в бегство: несколько секунд, и единственное,

что осталось на дне кратера, – это бугорок из камней и грунта; вскоре сгладился и он. Хролф, ухватившись за веревку, вытянул Найла наверх. Там они обнялись и громко расхохотались, хлопая друг друга по плечам.

Метрах в двадцати обнаружился еще один кратер. И здесь насекомое удалось выманить, с силой обрушивая камни. И опять со все той же зловещей безучастностью оно дождалось, когда добыча скатится вниз. Именно такая безучастность привносила в игру азарт. Страшилице, похоже, было уверено, что добыча никуда не денется. Братья, можно сказать, физически ощущали его изумление и ярость, когда вдруг выяснялось, что добычей, собственно, является оно само. От этого тварь пришла вдруг в такую ярость, что, когда метко пущенный камень смял ему один щупик, ринулась вверх по склону, силясь добраться до обидчика. На несколько секунд паренька обуял беспросветный страх, сменившийся великим облегчением, когда громоздкое насекомое, потеряв равновесие, сорвалось вниз. Четыре метких выстрела из пращи довершили дело, обратив его в паническое бегство. Метать в Найла камни оно не стало. Очевидно, сработал инстинкт любой уносящей ноги жертвы: прежде всего надо спастись от погони.

Когда нашли третий кратер – помельче предыдущих, – Найл уже действовал с полной уверенностью. По склону спускался, держась совершенно прямо, пригнулся лишь тогда, когда над головой зажужжали камни Хролфа. Он и сам швырнул несколько камней, но те отскочили от брони, не причинив твари никакого вреда. Обратиться насекомое вспять вынудили выстрелы Хролфа.

Роль живца начала Найлу постепенно приедаться. Ему хотелось поупражняться с пращой Хролфа. Хролф и рад был бы пойти навстречу, но для такого дела был излишне крупноват: Найл при всем желании не мог вытянуть его наверх.

Тогда Найл придумал следующее. Хролф, крепко упершись расставленными ногами, встал в нескольких шагах от ямы, а Найл отошел, насколько позволяла веревка, а затем разбежался и кинулся вниз по склону. На ту сторону его вынесло, словно маятник, – помог Хролф, гибко славировав корпусом. Град камней сделал свое: тварь с шуршанием полезла из-под земли наружу. Пока она недоуменно озиралась, пытаясь определить, где же добыча, Найл несколько раз успел поработать пращой. В сравнении с Хролфом метателем он был неважным, только один камень попал насекомому в голову. Но и этого оказалось достаточно, чтобы оно опять зарылось в камни.

От такого развлечения оба разгорячились и пошли к ручью охладиться. Потеха над лупоглазыми сослужила полезную службу: своей вылазкой братья изжили страх. Чувствовалось, что им снова везет. Когда сидели в ручье, Найл изложил мысль, что вот уже два дня безвылазно свербила в голове: надо бы уговорить семью перебраться из пустыни в эти края, где вдоволь пищи и воды. На секунду глаза у Хролфа зажглись энтузиазмом, но лишь на секунду.

– Сильный (Джомар) никогда на это не согласится. Он боится смертоносцев.

– Но у них дозоры-то всего два раза в день!

– А там, где у нас дом, лишь два раза в месяц. А в пустыню и вообще не залетают, – сказал Хролф, а помолчав, добавил: – Там, откуда родом моя мать, они бывают примерно раз в неделю.

У Найла никогда и мысли не возникало, что Ингельд раньше жила где-то в другом месте; он всегда считал ее членом их семьи.

– А где это?

– Там, где руины, в трех днях пути к югу.

– А руины – это что?

– Руины?.. – В глазах Хролфа мелькнуло замешательство, он не находил слов объяснить, что это такое. – Это место, где люди жили в ту пору, когда не было пауков.

– Не было пауков? – Слова двоюродного брата звучали просто интригующе.

– Говорят, было такое время, когда люди правили всей землей и тысячами жили в руинах.

– Тысячами? – Слово показалось Найлу абсурдным. Он никак не мог себе представить более десятка. – Но как они могли таким огромным числом уместиться в пещерах?

Он попытался представить себе город, состоящий из подземных жилищ. Если они будут громоздиться одно на другом, тогда-то уж город непременно свалится.

– Не в пещерах и не в норах. Ты видел когда-нибудь термитник?

Найл в самом деле обратил внимание во время одной из охотничьих вылазок на странных очертаний коричневый конус.

– Люди жили примерно в таких по виду строениях над землей.

– И не боялись смертоносцев?

– Сильный говорит, было время, когда даже самые большие пауки были величиной с мой кулак, не больше, и боялись людей.

Эта идея была настолько фантастична, что Найлу потребовалось какое-то время, чтобы ее усвоить. Мысль ввергала в непроизвольный трепет, не без примеси страха. Люди, дерзнувшие бросить смертоносцам вызов, погибали страшной смертью. Чрезмерная впечатлительность мешала Найлу преисполниться отваги. И вместе с тем изумительная эта мысль – что люди, может статься, когда-то и впрямь правили миром – вызывала такой же восторг, что и стремглав бегущая вода. Откуда ни возмись в уме пошли возникать вопросы – сотнями! – которые тянуло сейчас же задать.

Громкий плеск воды, донесшийся снизу по течению, заставил обоих настороженно встрепетаться. Оказывается, шумел Вайг, стоя посередине ручья, он отчаянно махал им руками. Торопливо прошлепав по воде к берегу, братья подобрали копы и веревку и двинулись навстречу Вайгу.

Тот с трудом сдерживал волнение.

– Ну где вас носит? Везде уже пробежал!

Найл заикнулся было, как они обстреливали лупоглазых, но Вайг: пропустив все мимо ушей, выпалил:

– Они бьются! – и ткнул пальцем в сторону муравейника.

– Между собой?

– Да нет же, дурень! Красные напали на черных. Бежим смотреть!

Зрелище было жутковатое. Под раскидистым деревом землю устлала сотня муравьиных трупов, и красных, и черных. И повсюду, где только видел глаз, кишмя кишели спины красного воинства, выкатывающегося из низины лесной поросли волна за волной. И хотя ростом они значительно уступали черным, в схватке были куда более грозными противниками: вертикальными, хваткими. Завидев черного муравья, красный бросался навстречу с ожесточенной решимостью, стараясь укунить врага за переднюю ногу. У черных ноги были длинные и узловатые, так что, если красному удавалось увернуться от челюстей соперника, он хватал противника за ногу, а затем обхватывал конечностями и пытался повалить. Черному оставалось цапать в лучшем случае его защищенную спину. Многократно случалось и так, что еще один красный – они, похоже, числом сильно превосходили черных – цеплял еще и за заднюю ногу. Мгновение – и поврежденные конечности бессильно обвисали, а то и вовсе валялись отсеченные на земле. Лишившись двух из своих шести подпорок, муравей становился беспомощен. Красный таранил сбоку, пытаясь опрокинуть врага на спину, чтобы добраться до «горла» – места, где голова соединяется с грудью. Пока поверженный беспомощно барахтался, второй агрессор накидывался на «талию» – место, где грудь смыкается с задней частью. Что впечатляло более всего, так это странная осмысленность и планомерность действий муравьиного воинства: красные кидались и маневрировали словно по команде. Иногда – хотя и нечасто – черному удавалось одержать в поединке верх. Если удавалось избежать объятий нападающего и красный нырнул под живот, у черного появлялась возможность ухватить его за задние ноги или за «талию»

между грудью и брюхом. Но и при таком раскладе красный муравей мог еще накинуться на незащищенные ноги.

Братья наблюдали за баталией с напряженным волнением. Муравьи игнорировали людей напрочь, даже если последние разгуливали между сражающимися. Видно было, что идет беспощадная война не на жизнь, а на смерть; красные полны были решимости пробиться в гнездилище противника.

– Но в чем дело, чего они не поделили? – недоуменно спросил Найл. Не укладывалось в голове, что два муравьиных племени, обитающие на расстоянии каких-нибудь пары миль и до сегодняшнего дня прекрасно друг с другом уживавшиеся (Найл вчера лишь видел и тех и других, собиравших дыни бок о бок), вдруг ни с того ни с сего кидаются друг на друга.

Поначалу казалось, что победа будет за красными. Но не прошло и получаса, как выяснилось: еще как сказать. Да, действительно, красных вокруг гнездилища копошилось куда больше. Но и черные не иссякали, на смену погибшим и искалеченным из лаза в земле появлялись новые. Они, похоже, не намеревались биться с превосходящими силами врага, главное было окоротить и не дать прорваться в гнездилище. Найлу бросилась в глаза невероятная стойкость и самоотверженность защитников муравейника. Каждому из десятка черных бойцов, время от времени выходящих наружу, было, наверное, ясно, что жить им осталось лишь считанные минуты. И тем не менее они совершенно не выказывали страха. Если подземный резерв у защитников был достаточно велик, то походило, что в конечном итоге они отобьют врага своим мужеством и упорством.

И тут произошло нечто странное. Со стороны гнездилища красных муравьев неожиданно появилась колонна черных. Вначале подумалось, что это отлучившиеся на охоту рабочие спешат на выручку своим. То, что случилось на деле, просто сбило с толку: вновь пришедшие, приблизившись к входу, вдруг набросились на охранявших его солдат. Сами защитники, похоже, впали в растерянность: подоспевшие, судя по запаху, вроде бы свои, собратья, и можно их пропустить, однако явно желают зла. Защитники отбивались уже вяло, словно убеждены были, что здесь какое-то ужасное недоразумение.

Наступившая сумятица предоставила красным возможность, которую они до этой поры безуспешно изыскивали. Пока стража боролась с новой, неожиданно нагрянувшей опасностью, красные прорвались и поползли внутрь. Выкатившее навстречу черное подкрепление невольно застыло при виде происходящего: свои нещадно бьются со своими.

Неожиданно Вайг громко хихикнул – настолько не к месту, что остальные уставились на него с немым изумлением. Вайг хлопнул себя по бедру: «Теперь все ясно! Джомар, так тот знает о муравьях все. Красные – поработители. Они захватывают личинки у черных и выращивают из них рабов. Они пытаются пролезть сейчас в муравейник и утащить побольше личинок!»

Теперь становилось ясно, в чем дело. Вновь подоспевшие черные – это рабы. Им велели идти на своих, и они слепо подчинились. В какой-то момент сражения до красных дошло, что рабов можно использовать как своего рода засадный полк. Такой замысел явно выдавал начатки разума. Однако его все равно не хватало, чтобы осмыслить: зачем устраивать всю эту бойню, если можно просто велеть рабам войти внутрь и похитить столько личинок, сколько нужно?..

Теперь оборона черных была прорвана, и красные захватчики потоком влились в гнездилище. В темных подземных тоннелях сейчас, наверное, царили паника и смертоубийство. Найла внезапно охватило тоскливое чувство. Он надеялся, что черные дадут-таки отпор. Разочарованный, он повернулся и побрел вверх по ручью к финиковым пальмам: что-то опять захотелось есть.

Пройдя с полсотни шагов, Найл остановился и удивленно взгляделся. Из кустов змеились колонны черных – наверное, отступающие с поля боя. Однако, всмотревшись пристальнее,

он понял, что происходит на самом деле. Муравьи тянулись по трое в ряд, средние несли в передних лапах личинки. Шла эвакуация потомства.

Оглянулся в противоположную сторону. Буквально в нескольких шагах от него красные деловито расправлялись с побежденными. Удивительно: никто из них не замечал торопливо отступающую колонну.

Осторожно раздвинув кусты, Найл обнаружил, что муравьи открыли запасной вход. Подземная часть гнездилища, очевидно, была огромной – муравьиный городище с населением в сотни тысяч. Учувяв незнакомый запах, один из черных солдат угрожающе ринулся в сторону Найла, тот поспешно отступил в воду. Очевидно, когда речь идет о спасении драгоценного потомства, муравьи готовы наброситься на кого угодно.

Но куда они их тащат? В какое-нибудь другое защищенное укрытие? Или собираются отстроить новый муравейник в более отдаленном месте?

К этому моменту гнездилище покинул последний из арьергарда. Найл, громко кликнув Вайга, указал ему рукой. Вайг с Хролфом так увлеклись сражением, что проворонили отступление муравьев; теперь, поднимая фонтаны брызг, они мчались смотреть, что там готовится дальше. Возле запасного выхода в тесный боевой порядок сплотилась черная рать, прикрывающая отход. На глазах у братьев в проеме показался первый из красных захватчиков и тут же был сражен. Но как Найл втайне и предугадывал, втекающие в противоположный вход полчища красных внезапно изменили направление и ринулись в сторону запасного выхода, словно в какую-то долю секунды распространился сигнал – сменить тактику. Часть красных окружила фалангу черных ратников и вступила с ними в бой, другая заспешила вслед удаляющейся колонне. Найл затрусил вдоль другого берега ручья: интересно, почует ли колонна погоню, убыстрит ли темп? Увиденное просто поразило: колонна муравьев повернула в сторону ручья, впереди идущие без колебания вступили в воду; лишь те, кто нес личинок, остались ждать на берегу. Так как роста муравьи были скромного, вода вскоре покрыла их с головой, передних смело течением. Они с упорством продолжали заполнять ручей, ступая по спинам тонущих собратьев. Минуты не прошло, как оба берега ручья соединил прочный мост из муравьиных тел, достаточно широкий, чтобы противостоять растущей силе прибывающей воды. Затем, словно по сигналу, через мост двинулись муравьи, несущие личинки. Отряд прикрытия копился на берегу, готовясь отбить нападающих преследователей.

Братья, соблюдая разумную дистанцию, шли параллельно отступающим муравьям. Те двигались проворно, могли бы и еще быстрее, да ноша сдерживала. Это был вполне упорядоченный отход. Эскорт, сопровождающий колонну дальше, был небольшим – основная масса осталась на том берегу сдерживать неприятеля. Вот последние из носильщиков пересекли мост. Вероятно, они были теперь вне опасности: защищающее их отход черное воинство скопилось так густо, что хватило бы и на день битвы.

Но у красных имелись иные замыслы. Колонна преследователей также змеилась к воде. Уровень ее был теперь мельче: тела черных перегородили ручей в нескольких метрах выше по течению. Параллельно существующему возник еще один мост; несколько минут, и красные уже настигали отступающую колонну. Едва они настигли самых задних, как защищавшие мост черные все как один бросились следом, словно кто-то невидимый протрубил в рог, отдавая приказ об очередном перестроении. А вот теперь пора побеспокоиться наступила и для братьев. Они поняли, что угодили в клещи и красная лавина катит прямо на них. Хотя что до муравьев, те будто и не замечали людей. Какое-то время братья, не смея шелхнуться, стояли среди красной лавины, чувствуя, как по ногам елозят гладкие жесткие панцири. Едва волна миновала, они поспешили отодвинуться на более безопасное расстояние.

Наступил хаос. Иной раз черным приходилось отбиваться сразу от шестерых. Беднягам ничего не оставалось, как класть свою ношу и защищаться. Подбегающий тут же красный аккуратно подхватывал личинку и тащил ее к ручью. Здесь он наткнулся на разрозненно рыщущих

черных солдат, и схватка разгоралась с новой силой. Иногда черным удавалось личинку вызвать. Взглянув на Вайга, Найл понял, что у того на уме. Пока муравьи сражались, многие личинки валялись без присмотра: этикие белые куколки сантиметров по десять длиной.

Глаза братьев встретились. В этот решающий момент Вайг молча спрашивал у Найла совета: рискнуть? И по глазам брата понял: стоит.

Вайг сунулся в гущу сцепившихся муравьев. За считанные секунды он подобрал с полдесятка личинок. За плечами Найла болталась травяная сума с финиками и еще кое-какими плодами. Он вытряхнул их на землю, освобождая место под добычу.

– Пошли, – коротко бросил Вайг.

В нескольких шагах положил личинку на землю черный муравей, отбивающийся от врагов. Один из красных, подхватив, побежал с ней прямехонько на братьев. Вайг не выстоял перед соблазном: нагнувшись, одним движением ее выхватил.

И тут впервые за все время муравей, похоже, обратил внимание на их присутствие. Он без колебания сделал выпад к ноге Вайга. Брат вовремя ее отдернул, едва успев избежать мощных ухватистых челюстей. Он с размаха пнул насекомое, и оно, кувыркнувшись в воздухе, шлепнулось в гущу сражающихся.

– Бежим! – крикнул Вайг.

Бежать назад к ручью не имело смысла: вся прибрежная полоса превратилась в поле битвы. Безопасность – пусть временную – сулила пустошь. Побежали туда. Оглянувшись на бегу, Найл увидел то, что было хуже всего. Отделившись от основного воинства, в их сторону устремилась колонна. От досады Вайг аж сплюнул.

– Что, выбрасываем? – взволнованно спросил Найл.

Вайг упрямо насупился.

– Ну уж нет! Да они нас не догонят.

Действительно, муравьи бежали не сказать чтобы очень быстро. Но двигались они, несомненно, за ними, и что-то безмолвно грозное было в их методичных, словно заученных движениях.

Осталась позади полоса поросли, отделяющая оазис от пустоши. На какое-то время муравьи скрылись из виду. Вайг указал на большой валун, видневшийся в отдалении слева; побежали к нему. Спустя несколько секунд из поросли вынырнула колонна муравьев и без колебаний повернула в сторону камня. Насекомые определенно шли на запах личинок.

– Не хочется далеко забегать за камнями, – выдохнул на бегу Хролф. – Что, если возьмем обратно к ручью?

Однако не успели повернуть обратно к кустам, как увидели, что красных прибывает в числе. Они десятками выкатывались из поросли, на ходу выстраиваясь в ряд. Найла внезапно прошиб безотчетный страх. Впереди и справа путь был уже отрезан. Стоит допустить оплошность, и они втроем окажутся в кольце. Повернувшись, братья устремились в сторону пустоши. Вскоре под ногами почувствовались крупные ребристые камни. Бежать по ним было крайне неудобно: за спиной болтается сума с личинками, по плечам колотит смотанная в кольцо веревка. Запнувшись, Найл чуть не грохнулся на колени; выручило копьё – успел опереться. Муравьи, судя по всему, одолевали пространство каменистой равнины без особого труда.

Вдруг Хролф, бежавший шагах в двадцати впереди, резко вильнул. Он, оказывается, едва не угодил в воронку одного из тех самых лупоглазых насекомых. Пришлось огибать яму, на что ушли драгоценные секунды; самые ближние муравьи были уже шагах в сорока.

Увидев, что брат сдает, Вайг сдернул с его плеча суму:

– Дай сюда!

Перекинув ношу через плечо, он погнал дальше. Пробежав еще немного, опять наткнулись на кратер. Найл с Хролфом вильнули влево, Вайг обежал справа. Передовые муравьи, сменив курс, пустились за Вайгом. Несколько недостаточно расторопных не успели свернуть и

сорвались вниз. Найл, мельком оглянувшись через плечо, испытал предательское облегчение: все муравьи преследовали теперь Вайга. Он, кстати, заметил и то, что сорвавшимся в кратер с трудом дается путь наверх.

И тут Найла осенило: выход был найден. Озарение будто прибавило сил, за Вайгом он помчался легкой поступью, как бы обновленный. Догнать было несложно: брат бежал и бежал, придерживая рукой сумку возле пояса, чтобы не болталась. Однако на лице уже обозначилось угрюмое беспокойство.

- Вайг, погоди! – крикнул Найл брату.
- Чего еще? – буркнул тот, не сбавляя хода.
- Я знаю, как от них отделаться!
- Как? – Вайг, опешив, приостановился.
- Сейчас увидишь! Дай-ка суму.

Проворно размотав висящую за плечом веревку, один конец он обвязал вокруг пояса, другой всучил Хролфу.

- Сейчас попробую завести их в одну из ямин.

Муравьи находились уже угрожающе близко. Братья снова пустились бежать, Вайг первый.

Шагах в двухстах снова подвернулся кратер. Найл кинулся к нему. Несколько секунд колебался, затем решительно полез вниз. С глухим шелестом покатались камни. Земля на дне пришла в движение, и на свет показалась образина лупоглазого насекомого.

Спустя секунду на гребне кратера появился первый муравей. Не сбавляя скорости, он проворно засеменял вниз, на Найла, но остушился на непривычной наклонной плоскости; когда тормозил, ноги предательски подогнулись в суставах, и он проскочил мимо. Следом возник другой. Этот ринулся безошибочно: Найлу пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать столкновения. Тут через край перевалился уже добрый десяток сразу, и каждый норовил вцепиться в паренька. У всех муравьев была одна и та же беда: спеша вперед, они не успевали затормозить и безудержно проносились мимо, вздымая клубы пыли. А сверху уже кубарем летели другие, сшибая передних еще дальше.

Хролф и Вайг стояли друг напротив друга по краям воронки: оба цепко держали веревку, теперь тугую, как струна. Один из муравьев, проносясь мимо, изловчился цапнуть Найла за лодыжку, показалась кровь. Задерживаться в кратере становилось небезопасно. Найл начал осмотрительно выбираться наверх. Муравьи пытались увязаться следом, но без опоры срывались и скатывались вниз. Вскоре Найл был уже в безопасности, Вайг с Хролфом вытянули его наверх. А на дне озабоченно копошились муравьи. Переваливая через гребень, к кишашей на глубине массе прибавлялись все новые и новые.

А на дне уже разворачивалось во всю ужасающую силу кратерное насекомое, окованное бронированными пластинами тело грузно вздымалось над мелкорослым муравьиным сонмищем. Едва какой-нибудь из их числа подбегал достаточно близко, чудище пригвождало его к земле мощными передними лапами. Мгновенное движение массивных челюстей, и голова отскакивала, как мячик; перекусить туловище ему тоже не составляло труда. Число угодивших в ловушку бестолково копошащихся тел, видимо, не смущало чудище. Оно работало с размеренной монотонностью заведенного механизма, и вскоре дно кратера сделалось скользким от крови. Пытаясь защититься, муравьи пускали в ход жала – куда там! Даже когда одному из них перед гибелью удалось вонзить свое оружие лупоглазому в глотку, чудище вынуло его челюстями, как занозу.

В кратер скатились последние из преследователей, в целом там барахтались, пожалуй, не меньше сотни. Выбраться наверх им было практически невозможно из-за скученности. Всех, кому удавалось выбраться на склон кратера, увлекали обратно тела сородичей. Некоторым

счастливицам удавалось чудом дотащиться до гребня кратера, но тут их с копьями наготове уже поджидали братья, и муравьи снова скатывались на дно.

Теперь в слитности действий муравьев выявлялся очередной минус. Общность зачаточного разума, делающая этих насекомых столь грозными преследователями, обернулась для них непоправимой бедой: каждый муравей в отдельности разделял теперь общее чувство безвыходности и обреченности.

Эту картину братья наблюдали еще с полчаса, пока трупов внизу не нагромоذилось столько, что лупоглазому обитателю кратера трудно было и двигаться. Сами муравьи как-то сникли, сделались вялыми, словно запас сил у них иссяк. В конце концов, когда солнце уже начало клониться к закату, молодые люди повернулись к бойне спиной и отправились обратно к ручью. Шли медленно: от безумной гонки по камням поистерли себе все ноги. В голове Найл ощущал странную тяжесть, будто все эмоции полностью истощились. Даже завидев впереди летящие низко над деревьями паучьи шары, он не почувствовал никакого смятения, словно это были простые облака.

Братья намеренно сделали большой крюк и к ручью вышли мили на две ниже муравейника черных. Каждый втайне опасался, что красные, чего доброго, учуют личинок. Все отдавали себе отчет, что второй раз унести ноги не хватит сил.

К счастью, муравьи не попадались; повстречали лишь несколько жуков, одну тысяче-ножку да большого серого паука, жадным взором проводившего их из-за натянутой меж деревьев паутины; впрочем, напасть он не решился. Наконец перед самой темнотой братья добрались до своего пристанища под камнем. Туда уже успели забраться несколько большущих мух, проведавших, где у людей хранится запас дынь. Незваных гостей братья прогнали, орудуя ветками как мухобойками. Затем, закидав вход кустами и сучьями, завернулись в одеяла и забылись сном изнеможения. На следующий день перед рассветом отравились в обратный путь. Солнце застало путников на пустоши. А где-то за час до темноты показались и знакомые красные скалы-obelisks, изъеденные ветром. Сердце у Найла радостно затрепетало, даже слезы выступили на глазах. Впечатление было такое, будто с домом они расстались прямо-таки месяцы, а не дни назад.

Прошло несколько дней, и личинки превратились в муравьишек – крохотных беззащитных созданий с ненасытно распахнутыми ртами. Вайг дни проводил в поисках корма для них, прочесывая окрестности, чтобы раздобыть спелых плодов со сладкой мякотью. Утро целиком уходило на то, чтобы надоить у афидов сладкого раствора, который брат собирал в специальную посудину. Найл души не чаял в уморительных малышам. Ручной живности у них никогда не водилось. Осу-пепсис с независимым и строптивым нором едва ли можно было считать ручной; эти ж были такие забавные, что и сестренка, только куда бойчее и шаловливей. Набрав самой мягкой во всей округе травы, Вайг свил муравьям гнездо, и те в нем резвились, дурашливо карабкаясь и легонько покусывая друг дружку за лапки, а когда Найл совал им палец, пытались добраться до него. Мягкая их кожа вскоре отвердела; было забавно цвенькать по муравьиному боку пальцем – звук бодрый, звонкий. Найлу доставляло удовольствие, расслабляясь, сливаться с их незамысловатым врожденным умишком. При этом создавалось впечатление, что ты и сам точь-в-точь такой же муравьеныш; невольно напрашивалось сравнение, что именно так, должно быть, человек ощущает себя в пору младенчества. Разум истаивал, растворялся среди ласковой, зыбкой ряби, оживленной млеющим теплом и уютном укромной безмятежности, создающей отдельную вселенную. Всякий раз, пообщавшись с муравьятами, Найл выходил наружу из пещеры, напрочь утрачивая чувство страха. В такие минуты казалось, что его присутствие сознают и кактусы, и кустарник – не остро, с внимательной настороженностью, а тепло и смутно, словно сквозь дымку приятного сна. И когда на руку Найлу уселась большая остроносая муха, намереваясь поживиться кровью, он не ощутил ни неприязни, ни

раздражения, а лишь терпеливое сочувствие и понимание нужды этого насекомого, а потому смахнул муху бережно, словно извиняясь перед ней.

Через несколько недель муравьев стало просто не узнать: совершенно взрослые особи, кропотливо исследующие каждый уголок жилища. Вайг почти все свое время проводил в поисках корма, аппетит у насекомых был поистине ужасающий.

Однажды утром задолго до рассвета Найл проснулся от необычного звука: кто-то с молчаливым упорством скребся. Звук доносился из глубины пещеры, где держали муравьев. Найл ощупью добрался до дальнего конца жилища и там осторожно провел рукой по подстилке из сухой травы; муравьиное гнездо пустовало. Осторожно шаря руками по стене и по полу, Найл неожиданно наткнулся на влажноватую кучку свежего грунта... Источник звука, судя по всему, находился где-то поблизости. Уяснить что-либо, сидя в полной темноте, было решительно невозможно, поэтому Найл, возвратясь в жилую часть, прихватил там охапку лучинок и огниво (осторожно, чтобы не перебудить остальных). Осмотрительно ступая между постелей, Найл пробрался в «муравейник» – пусто. Однако возле угла в стене виднелась дыра, а под ней земляной холмик. Сунувшись туда с лучиной, Найл убедился, что это не просто дыра, а прямо-таки лаз, ведущий куда-то вниз. В глубине угадывалось глянцевиное туловище муравья. Прошло немного времени, и наружу выкарабкался один из них, доставив в передних лапках горстку грунта, которую аккуратно положил на скопившуюся кучу. Пара минут, и появился еще один, тоже неся землю.

Разгадка наступила лишь спустя многие часы, когда куча почти уже достигла потолка и в ней появилось много песка. Передние лапы у муравьев были покрыты жидкой грязью, а песок был подозрительно мокрым. Насекомые прокапывались к скрытому под землей водному источнику. Еще через час грязь с муравьев уже исчезла, а когда Торг опустил в образовавшуюся скважину масляный светильник, язычок пламени отразился в воде, метрах в двадцати от поверхности. Когда Вайг пощекотал муравьиную грудь, насекомое послушно выделило глоток воды. Буроватая вода была прохладной и освежала, хотя и имела железистый привкус. Вскоре Вайг приучил муравьев самостоятельно сливать воду в посудину. Так у людей появился постоянный источник воды, немыслимая прежде роскошь.

Совсем незаметно муравьи стали взрослыми. Теперь они покидали жилище и добывали себе пропитание самостоятельно. Возвращаясь, они нередко приносили с собой плоды или сладкие ягоды. Иной раз вокруг рта у них были липкие следы: муравьи «доили» афидов. Инстинкт поиска работал безупречно. Покидая пещеру поутру, муравьи устремлялись в пустыню с таким хлопотливо-деловитым и уверенным видом, словно наперед уже знали, что и где их там ждет. Несколько раз Найл и Вайг пытались следовать за ними, но, пройдя милую другую, махали на все рукой: муравьям, похоже, вообще было неведомо чувство усталости. Помимо прочего, насекомые отличались еще и редким бескорыстием. Возвращаясь после проведенных в пустыне часов, часто уже затемно, они по первому же требованию безотказно делились нектаром. Выяснилось, что верхняя часть тела у муравьев – своего рода хранилище пищи. Чувствуя голод, муравей сглатывает часть собственного запаса, пропуская его к себе в желудок. Вместе с тем доступ в «хранилище» был открыт любому из членов семьи, достаточно лишь, подставив посудину или даже пригоршню, пощекотать муравью грудь. Сестренка Найла Руна – она тогда едва начала ходить – полюбила лакомиться тягучим медвяным нектаром и розовой мякотью фрукта, напоминающего дыню. Вскоре она сама научилась выклянчивать у муравьев порции сладостей и в считанные недели из крохотного сухонького заморыша превратилась в девчушку-кубышку с румяной, круглой, как луна, мордашкой.

Жизнь потекла вдруг благополучнее, чем когда-либо прежде. У большинства обитателей пустыни жизнь была сопряжена с постоянным поиском пищи, не составляла исключение и горстка людей. Им ничего не стоило отмахивать за день по двадцать миль единственно с целью насобирать опунций или съедобных плодов кактуса. Найл с детства привык к ощуще-

нию безмолвно сосущего голода. Теперь же, обзаведшись осой и муравьями, которые стали основными охотниками и добытчиками, люди фактически забыли, что такое голод. Часть дня они по-прежнему охотились – скорее в силу привычки, при этом не так уж было важно, попадется что-нибудь сегодня или нет. Ульф сделал в стене пещеры глубокую нишу под хранилище, выложив ее камнями. В таком прохладном месте плоды могли храниться целыми неделями. А если и портились, то все равно не шли на выброс. Джомар вспомнил давно забытую вещь. Если испорченный плод замочить в воде, настой, забродив, приобретает особый кисловатый вкус, а выстоявшись несколько недель, превращается в напиток, одновременно и утоляющий жажду, и создающий в голове приятную, игривую легкость. Когда сгушался сумрак, мужчины усаживались теперь посреди жилища в круг и, потягивая напиток, непринужденно беседовали. Уютно трепетал огонек светильника, отбрасывая на стену непривычно большие тени. У мужчин развязывались языки, они начинали живо вспоминать всякие охотничьи истории. Прежде такие беседы были редкостью: охотники возвращались измотанные и такие голодные, что не тратили остатка сил на разговоры. Теперь же тягот поубавилось и голод не донимал, поэтому собеседники, случалось, засиживались до тех пор, пока не прогорало масло в светильнике. Муравьи, чувствуя душевный настрой хозяев, подбирались и укладывались у них в ногах, занимая почти все свободное место на полу, а оса-пепсис знай себе подремывала высоко на стене, в отороченном мехом гнезде.

Вот тогда-то Найл впервые услышал рассказы о былых временах: об Иваре Сильном, укрепившем город Корш и отражавшем любые попытки смертоносцев выжить людей в пустыню; о Скапте Хитром, что пошел на смертоносцев войной и спалил их главный оплот; о прожившем вдвое больше обычных людей Вакене Мудром, что обучал серых пауков-пустынных наушничать и выведывать замыслы смертоносцев. Постепенно Найл начал уяснять, отчего смертоносцы так ненавидят и боятся людей и идут на все, чтобы истребить их.

Оказывается, между людьми и пауками шла долгая и жестокая борьба, и пауки одержали в ней верх лишь потому, что научились понимать людские мысли.

По легенде, рассказанной Джомаром, перелом произошел, когда принц Галлат влюбился в красивую девушку по имени Туроол. У самой Туроол уже был избранник, не особо знатный вассал Басат. Галлат же с ума сходил от ревности, образ Туроол день и ночь стоял у него перед глазами, и он задумал похитить девушку из лагеря Басата. У Туроол был верный пес Ойкел. Совершенно случайно сложилось так, что пес охотился возле лагеря на крыс и вдруг учуял чужака. Лагерь поднялся по тревоге, Галлата с позором выдворили. Принц пришел в неопишемую ярость и, поклявшись отомстить, направил стопы в городище смертоносцев. Там он добровольно сдался страже и потребовал, чтобы его провели к самому Смертоносцу-Повелителю, жуткому, стойкому тарантулу по имени Хеб. Склонившись перед чудовищем, Галлат заявил, что в знак искреннего к Хебу расположения готов выдать своего союзника, короля Рогора. Так из-за подлой измены городок Рогора оказался в лапах у смертоносцев, сожравших на своем шабаше около двух тысяч человек. Вслед за этим Галлат пообещал научить Хеба читать людские мысли, если только тот уничтожит Басата и захватит в плен Туроол. Хеб согласился, но вначале потребовал, чтобы Галлат выполнил свое обещание. Год Галлат раскрывал ему тайнства человеческой души. Как выяснилось впоследствии, до Великой Измены паукам недоступны были тонкости человеческого ума – души людей гораздо сложнее и тонченнее, чем у пауков. Так, понемногу, Хеб научился проникать в секреты человеческой души. Говорят, он велел согнать людей-узников, и те часами стояли перед Хебом, пока тот вчитывался в их умы – до тех пор, пока не вырисовывались и мельчайшие детали их жизней. Затем он велел каждому рассказывать историю своей жизни, пока не восполнялись упущенные детали и наступала полная ясность. Вслед за тем Хеб пожирал несчастных, считая, что по-настоящему сможет познать их лишь тогда, когда впитает каждый атом их тела.

Изведав тайны человеческого ума, Хеб сдержал свое слово. И вот однажды ночью тысячи пауков опустились на лагерь Басата. Нападение было таким внезапным, что уцелели лишь немногие. Басата и Туроол подвели к Галлату, и тот, велев Басату встать на колени, собственноручно снес ему голову. Эта бессмысленная жестокость сгубила то главное, ради чего все, собственно, затевалось: обезумевшая от горя Туроол, не помня себя, кинулась с ножом на ближайшего стражника. Через секунду она была уже мертва: смертоносец всадил в нее свои ядовитые клыки.

И была еще одна великая тайна, постичь которую Хебу было не под силу: тайна Белой башни. Эта башня была воздвигнута людьми давно прошедшей эпохи и стояла в центре городища смертоносцев (сам город принадлежал когда-то людям). Башня не имела ни дверей, ни окон и сделана была из гладкого материала – судя по всему, непроницаемого. Невольникам жуков-бомбардиров было однажды приказано проделать в башне брешь. Подложили взрывчатки, грохнули – куда там! Ни трещины. Тогда Хеб пообещал, что дарует Галлату власть над всеми людьми, если тот поможет ему овладеть тайной Белой башни. Галлат, отличавшийся непомерным, болезненным властолюбием, соблазнился предложением. Многих старых и мудрых замучил он, пытаясь выведать секрет башни. Наконец одна пожилая женщина, жена старейшины, вызвалась помочь мучителям, если те освободят ее мужа. Она раскрыла, что башня устроена по принципу, который был заведен у людей древности: «ментальный замок». В определенный момент ум у человека стыкуется с атомной охранной системой стен, и те подаются так легко, будто сделаны из дыма. Роль «отмычки» при подобной стыковке отводится специальному жезлу, которым человеку надлежит коснуться стены. Жезл этот старейшина держал при себе как символ власти. Галлат, отняв у старика тот жезл, назавтра же устремился к башне (по преданию, местонахождение потайной двери в ней указывает первый луч рассвета). Но едва, подняв жезл, злодей попытался приблизиться к башне, как какая-то неведомая сила вдруг швырнула его наземь. Поднявшись, он повторил попытку, но опять был сбит с ног. Тогда он простер руки к башне и что есть силы крикнул: «Я приказываю тебе – откройся!» – и потянулся жезлом к стене. Но едва он ее коснулся, как полыхнула яркая мгновенная вспышка, и там, где стоял Галлат, осталась лишь куча пепла. Хеб, узнав о случившемся, предал смерти всех своих узников, не помиловав и старейшину с женой. А тайна Белой башни так и осталась нераскрытой.

Найла эта история повергла буквально в ужас. В ту ночь он проснулся в холодном поту. Ему привиделось, будто бы он, Найл, заслышав возле жилища шум, вышел наружу и увидел невероятных размеров тарантула с кактус-цереус, с двумя рядами блестящих желтых глаз и челюстями, способными раскромсать дерево. Едва Найл проснулся, как страх улетучился. Будучи совсем еще ребенком, Найл приходил в ужас при мысли о смертоносцах (точно такой же страх, возможно, мог бы охватить его при мысли о привидениях, имея он представление о чем-либо подобном). Теперь же, узнав, что пауки на самом деле не такие уж «неодолимые» (вон какие победы одерживали над ними Ивар Сильный и Скапта Хитрый), он стал относиться к паукам по-иному; достоверность облика умаляла страх. Он, например, не без злорадства думал о том, что Смертоносцу-Повелителю пришлось брать уроки у Галлата, иначе бы он нипочем не научился проникать в людские умы. А вот Найла, например, никто не учил понимать умы Улфа, Джомара или тех же муравьев. Бывали моменты, когда он сознавал и чувствовал, что происходит у них в головах, – все равно что сам там присутствовал. Так что, если пауки затруднялись понимать людей, это могло означать лишь то, что у них совершенно иной образ мышления, абсолютно не похожий на людской. И от такой мысли смятение и радостный трепет рождались в душе. Смертоносцы, скажем, покорили человечество оттого, что познали людские умы. Получается, что и человек, познав сущность паучьего ума, сможет одержать когда-нибудь верх над смертоносцами!

На следующее утро он отправился искать подтверждение своим мыслям. В полумиле от пещеры росло несколько раскидистых фисташковых деревьев – место обитания серых пауков-пустынников. Прибыв на место вскоре после рассвета, Найл увидел, что нижние ветви деревьев сплошь увешаны тонюсенькими паутинками. Чуть выше висела белая яйцесумка, откуда недавно вылупилось потомство. Более крупная сеть матери-паучихи чуть виднелась среди верхних ветвей.

Едва успев разместиться в тени невысокой жесткой поросли, Найл увидел, что паучиха уже успела его заметить и теперь внимательно за ним наблюдает, выжидая, когда двуногий подойдет под дерево, чтобы можно было свалиться ему на спину. Освоившись с местом, Найл попытался расслабиться, «остудить» рассудок, но из этого мало что вышло: неотступная мысль, что за ним наблюдают, гудела в подсознании тревожно и звонко, словно натянутая тетива.

Мимо с громким жужжанием промчалась большая зеленая муха, удирая от ктыря – крупного желтотелого насекомого, чем-то похожего на осу. Ктырь атаковал добычу с лету, пикируя словно сокол, но с первого раза, видимо, просчитался. Муха со страху взвилась вверх, пытаясь увернуться от липких паутинок, сотканных новорожденными паучатами, и угодила прямо в сеть взрослого насекомого. Ктырь, уже не в силах изменить курса, тоже стремглав влетел в липкие шелковистые тенета. Спустя секунду паучиха-мать, глазам своим не веря от такой удачи (надо же, двойной улов!), уже спешила вниз поскорее опутать добычу шелком, чтобы не вырвалась. И тут до нее дошло, что помимо безвредной мухи в паутину угодил еще и опасный ктырь, острым и сноровистым жалом вводящий сильный паралитический яд. Паучиха замерла, покачиваясь на радиальных волокнах в такт барахтанью двух насекомых, силящихся вырваться на свободу. Зеленой мухе это почти удалось, но когда пять из шести ее лап высвободились из липких волокон, она опрометчиво дернулась в сторону и у нее увязло крыло.

Зачарованно наблюдая за происходящим, Найл ощущал глубокий непоколебимый покой, с которым расстался было несколько минут назад. Сосредоточился; в мозгу ожила трепетная светящаяся точка, и он с внезапной ясностью уловил вибрации слепого ужаса, исходящие от зеленой мухи, и сердитое недоумение ктыря.

Ктырь оказался созданием куда более стойким, чем муха, и в сложившемся положении вел себя с отчаянной решимостью заставить обидчика дорого заплатить за такое гнусное посягательство. Чувя, что паучиха выжидательно смотрит, он как бы твердил: «Ну давай иди сюда: живо схлопочешь дырку в брюхе!» И паучиха, привычная к тому, что перед ней немеют со страха, замялась: такой резкий отпор вызывал растерянность...

Найл чувствовал эту неуверенность, но, когда попытался вживиться в паучий мозг, у него мало что вышло. Создавалось впечатление, будто там вообще ничего нет. Попробовал снова, на этот раз так настойчиво, что, не будь сейчас у паучихи занятия поважнее, она непременно бы обратила внимание на присутствие Найла.

Тут оказалось, что невдалеке за противоборством с любопытством наблюдает еще одна паучиха. Найл попытался вживиться ей в мозг, взглянуть на мир ее глазами. И опять возникло вызывающее растерянность ощущение пустоты. Через долю секунды оно развеялось: внимание отвлекли яростные толчки ктыря. Прошло несколько минут, прежде чем Найл смог снова сосредоточиться. И опять неуклюжая эта попытка проникнуть в сознание насекомого дала паучихе понять: происходит что-то неладное. Найл почувствовал, как она рыщет вокруг взглядом, пытаясь определить, кто это лезет. Разглядеть Найла она не могла – мешал куст, – и ее настороженность переросла в беспокойство. И тут до Найла впервые дошло, почему ему так сложно выявить мыслительные вибрации паучихи. Оказывается, ум этого существа пассивен, словно растение. Судя по всему, он существует в призрачном мире чистой созерцательности. Зеленая муха и ктырь в сравнении с пауком кажутся сгустком суматошной, напористой энергии. Кстати, именно благодаря своей пассивности паук хорошо чувствует добычу, излучающую активную энергию.

Найлу все сразу же стало ясно. Паук всю свою жизнь проводит в углу паутины, подкарауливая пролетающих мимо насекомых. Вибрации паутины для него – своего рода язык, каждый оттенок подобен слову. Единственно, что нужно, – это ждать, изучая оттенки вибраций: живые пульсации дерева, смутное шевеление торчащих где-то в корневище насекомых, волнение ветра в листве, странную пульсирующую вибрацию солнечного света, подобную скрытому гулу, наводняющему толщу воздуха. О его, Найла, присутствии паучиха догадалась еще задолго до того, как у него перед глазами завиднелись деревья; вибрации людей можно сравнить с громким жужжанием пчелы.

Одновременно Найлу стало ясно и то, как паукам-смертоносцам удастся помыкать прочими существами: одним лишь умственным усилием-импульсом. Обыкновенный взгляд – это уже направленный импульс воли. У Найла на памяти было несколько случаев, когда он, считая, что находится один, вместе с тем испытывал смутное чувство, будто за ним кто-то исподтишка наблюдает, и, обернувшись, обнаруживал: так оно и есть. Серая паучиха оттого и пришла в беспокойство, что волевой импульс Найла, когда он пытался проникнуть в ее сущность, коснулся ее, словно рука.

Пассивность восприятия – одна из основных характеристик паучьего сознания. Он единственное существо, чья жизнь проходит в выжидании – когда добыча сама угодит в расставленные сети. Все прочие занимаются поиском пищи активно. Смертоносцы постепенно выработали способность посылать направленный импульс волевого усилия. Когда мимо пролетает муха, караулящий в тенетах паук пытается завлечь ее в сеть волевым усилием...

Тогда почему, спрашивается, серые пауки-пустынники безопасны для человека? Ответ подвернулся интуитивно, сам собой. Потому что они абсолютно не сознают, что поймать добычу им помогает усилие воли. Вынуждая муху изменить направление и угодить в ловушку, они думают, что это случайность. Смертоносцы завладели Землей тогда, когда до них дошло, что силу воли можно использовать как оружие.

И тут последовал наглядный пример того, что значит сила воли, пускай бессознательной. Возвратясь к себе в угол тенет, паучиха стала подбираться по другой ее стороне, так что ктырь уже не мешал ей приблизиться к зеленой мухе. Чужая скорую гибель, бедняга забила с такой отчаянной силой, что чуть было не высвободилась, но в припадке паники приклеилась другим крылом. А паучиха подбиралась все ближе, пожирая добычу глазами. И тут муха обреченно сникла. Хищница проворно набросила ей на туловище шелковистую нить, за ней другую. Через несколько минут муха уже мало чем отличалась от кокона. Тут и ктырь, даром что все еще хорохорился, начал уже понимать, что скоро придет конец и ему, – чувство обреченности, вкрадчиво нагнетаемое зловещей волей, от которой рождается тихий тлен непротивления. В целом ктырь все еще мог постоять за себя: извернувшись, нанести удар практически под любым углом. Один укол – и парализованная паучиха бессильно зависла бы посреди своей собственной паутины. Тем не менее, когда она, справившись с мухой, со зловещей решимостью двинулась к ктырю, тот безропотно наблюдал и, лишь раз отчаянно рванувшись напоследок, бессильно пожух и дал набросить на себя шелковистую нить. Ум Найла на мгновение соприкоснулся с мыслительной вибрацией жертвы и изумился ее изнеможению и равнодушию: будь что будет. Выйдя из соприкосновения, он словно пробудился от кошмарного сна.

Возвращался Найл в глубокой задумчивости, потрясенный и зачарованный пережитым. Ему впервые открылись потаенные возможности волевого воздействия. Явственно чувствовалось, что мир вокруг полон страхов и скрытых опасностей; мозг постоянно находился начеку, чутко реагируя на любые импульсы враждебности. Проходя шагах в двадцати от логова желтого скорпиона, он ощутил на себе взгляд насекомого, направленный из темного лаза. Тварь притомилась после ночной охоты и не очень хотела вылезать еще и на дневную. Почувствовав нерешительность насекомого, Найл намеренно усугубил ее, послав встречный сигнал о том,

что он вооружен и опасен. Скорпион рассудил, что, в конце концов, ни к чему тратить силы, да еще и рисковать, и наружу не полез.

Возвратясь в уютную прохладу жилища, паренек бросился на травяную постель в полном изнеможении. Хотя утомилось, собственно, не тело, а ум, истощенный попыткой применить непривычную пока силу – волевое воздействие.

Найлу исполнилось пятнадцать лет, когда Сайрис родила еще одну девочку. Ребенок появился на свет до срока, и первые две недели не было ясно, выживет он или нет. Назвали девочку Марой, что значит «темненькая»: на крохотном сморщенном личике проглядывали забавные коричневые пятнышки. Жизнь ей, несомненно, спасла сладкая муравьиная каша. Едва ребенок оказался вне опасности, у него запоздало прорезался плач – пронзительный, прерывистый младенческий плач, раздражающий всех, кроме матери. Если девочка не была голодна, ее донимали попеременно то резь в животике, то потница, то что-нибудь еще. Первые шесть месяцев своей жизни малышка плакала по нескольку часов каждую ночь. Ингельд, никогда не отличавшаяся любовью к детям, озлобилась окончательно и начала приставать к Торгу и Хролфу, чтобы те подыскали ей другое жилище. Они действительно нашли вместительное логово где-то в миле от пещеры, неподалеку от изъезженных красных скал. Вскоре мужчины прогнали оттуда прежних его обитателей, навозных жуков. Однако в том новом жилище Ингельд провела лишь одну ночь, решила, что там ей неудобно, и – к великой неприязни Найла – возвратилась на следующий же день.

Улучшение у Мары наступило, когда ей минуло полгода; тогда же выяснилось, что она очень беспокойный, нервный ребенок. От любого резкого движения она испуганно вздрагивала и принималась плакать, от внезапного шума просто закатывалась. Когда к Маре приближался муравей, она громко и испуганно вскрикивала. Как-то поутру Найл случайно услышал, что Ингельд и Торг, думая, что они в пещере одни, ведут речь о Маре. Как все будет складываться, когда девочка подрастет и узнает о смертоносцах? «Из-за нее нам всем будет конец!» – воскликнула Ингельд, голос слезливо дрогнул. Гнев у Найла соседствовал с презрением, и тем не менее он понимал, что женщина права. Страх Мары мог выдать их всех. Но что делать? Не лишать же ребенка жизни!

Выход подсказал Джомар: сок ортиса. Когда Джомар был еще мальчишкой, десяток храбрых рискнули отправиться в Дельту и возвратились с флягами, полными сока этого растения. Растение это плотоядное и добычу заманивает изумительно медвяным запахом – таким небесно изысканным, что люди от него забываются сном. Когда на цветок ортиса садится насекомое, растение выделяет лишь одну каплю чистой, прозрачной жидкости. Насекомое жадно припадает к ней и вскоре становится сонливым. Словно нежные пальцы, усики растения аккуратно переправляют добычу в большой, на колокол похожий цветок – так красавица отправляет в уста лакомый кусочек пищи. Затем лепестки смыкаются, и от насекомого не остается и следа.

Как удалось избежать той же участи охотникам? Они специально выискивали растения помельче, которым не под силу умертвить человека. Охотник касался цветка пальцем, а проступающий сок сцеживал в маленькую чашечку. Если запах растения его одолевал, остальные кидались на помощь и оттащивали одурманенного в сторону. Главная беда была в том, что некоторым начинал болезненно нравиться запах этого растения; люди поддавались дурману и пробуждались потом со странной блаженной улыбкой. Один из охотников тогда забылся, уткнувшись лицом в небольшое растеньице. Тотчас же к рукам, ногам и голове потянулась дюжина колокольчиков-кровопийц. Когда остальные сообща оттащивали товарища, усики упорно цеплялись, не отпуская добычу. Пришлось отсекал их кремневыми ножами: за это время облака медвяного аромата свалили еще двоих. Когда жадные зевы растений удалось наконец отдрать от лиц и от рук, в сердцевинах цветков, словно роса, искрились капельки крови: мощные сосущие органы растений выдавили кровь прямо из-под кожи. Тот охотник

пролежал без чувств два дня, а когда очнулся, то все равно ходил как в полусне. Он возвратился вместе со всеми, но стал с той поры вялым, ленивым и охочим до соблазнов. После того как его несколько раз застали за отцеживанием сока ортиса, старейшины распорядились его казнить.

Ульф, слушая рассказ, то и дело задумчиво поглядывал на Мару, сосущую у матери грудь. Затем повернулся к Торгу.

– Ты бы пошел со мной?

– Разумеется.

– Прекрасно. Отправимся в пору полнолуния.

– Можно и я с вами? – попросился Найл.

Ульф положил ладонь на голову сыну.

– Нет, мальчик. Кому-то надо остаться оберегать женщин.

И вот через десять дней Ульф, Торг, Вайг и Хролф отправились в Дельту. К той поре всплыла и еще одна причина отправиться за соком. У Ингельд по утрам стали случаться приступы тошноты; стало ясно, что она беременна.

К походу подготовились обстоятельно. От палящего зноя хорошо защищала одежда из шкуры тысяченожки, для того же служил и притороченный к ней капюшон. На ноги мужчины надели крепкие, с многослойной подошвой сандалии. У каждого на спине была легкая удобная сума, свитая из травяных стеблей. Брать с собой запас пищи и воды не имело смысла, всем можно было разжиться по дороге; с собой прихватили лишь немного сушеного мяса и по фляге с водой. Оружие мужчинам составляли копья, пращи и ножи, прихватили еще веревки.

В путь вышли накануне полуночи, когда сгустились сумерки. Двинулись на север, в сторону каменистой пустоши. Четверым вооруженным мужчинам не были страшны ни скорпион, ни жук-скакун, ни другие ночные хищники. Найл хотел проводить охотников до границы пустоши, но отец не велел: возвращаясь домой в одиночку, пятнадцатилетний мог стать легкой добычей.

Сайрис и Ингельд нервничали. Нередко случалось, что мужчины отсутствовали по несколько суток кряду, но на этот раз – женщины понимали – все было несопоставимо серьезнее. Охотники прекрасно знали повадки гигантских насекомых пустыни и умели избегать стычек с ними. Дельта же таила множество новых, неизведанных опасностей. Даже Джомар не бывал там никогда, разве что пролетал сверху на паучьем шаре.

На следующий вечер перед сумерками Сайрис уединилась в глубине пещеры, все остальные понимающе смолкли. Мару два часа назад как следует накормили, и девочка спала спокойно. Где-то через полчаса стало слышно глубокое и ровное дыхание: Сайрис вышла на контакт. Когда она вернулась обратно, Найл зажег светильник.

– С ними все в порядке, – сообщила Сайрис. – На Хролфа напал ядовитый москит, но его тут же убили, присосаться не успел.

На случай борьбы с малярией или другой хворью у мужчин имелись целебные корни.

– Как там Торг? – осведомилась Ингельд.

– Подвернул ногу, но так, ничего серьезного.

Ингельд и сама могла установить связь с Торгом, если бы приложила к этому достаточное усилие. Но ей недоставало терпения, а потому трудно было расслабиться и сосредоточить ум. К тому же она по натуре была ленива и предпочитала все свалить на Сайрис, из совести никогда не отказывающей в том, что ей по силам.

На следующий день женщины отправились собирать плоды кактуса. Найл пошел с ними, взяв на себя роль охранника. На согнутой в предплечье руке он нес осу-пепсис. Насекомое, давно отжившее половину отведенного ему природой срока, уже было не таким непоседливым.

Оса словно догадывалась, что главный ее хозяин сейчас далеко и поэтому ей с особым рвением надлежит охранять семейство от тарантулов и других хищников. Расслабься и слившись со смутным разумом насекомого, Найл ощутил бесхитростную преданность и готовность

подчиняться. Когда, изнемогая от зноя, люди возвращались к себе в пещеру, Найл заметил в небе движущуюся точку. Нет, не паучий шар; птица, да большая. Внимательно всмотревшись, он определил, что птица летит прямо на них. Найл попытался вживиться в рассудок птицы, «уговорить», чтобы та не меняла направления. Уловив волнение хозяина, встрепенулась и оса. Прошли считанные минуты, а птица уже вот она, в какой-нибудь паре сотен шагов, и высота сравнительно небольшая, чуть выше дерева. Тут Найл отдал осе приказ. Насекомое взмыло вверх со скоростью и готовностью, какие за ней давно уже не водились. Метеором пронесшись мимо крылатой цели и набрав запас высоты в полсотни метров, она круто изменила направление и прыгнула вниз. Для птицы подобный маневр был полной неожиданностью, с осами она явно никогда не сталкивалась. Почуввав навязчивое чужое присутствие, она негодуяще встрепенулась и тут же – Найл это четко уловил – забилась в агонию: оса вогнала жало. Через несколько секунд птица уже валялась на земле в сотне шагов. Когда Найл подрос, насекомое уже смиренно сидело на ее изломанном крыле, глаз у жертвы уже подернулся смертной пеленой. Особь попала на удивление крупная, так что в тот вечер во всей пещере стоял аромат жареной дичи. Даже Ингельд была в приподнятом настроении и не ворчала. Как оказалось, это был последний безмятежный вечер в жизни семьи.

Наутро поднялся ветер. Злобный, колючий, он дул со стороны Дельты и задувал прямо во вход пещеры. Найл лишь раз рискнул высунуть голову наружу и моментально юркнул обратно, натирая кулаками слезящиеся от песка глаза. На зубах скрипел песок. Не унимаясь, плакала весь день Мара, даже Найла выведя из себя настолько, что он готов был ее придушить. В тот вечер не было связи с Улфом и Вайгом, даром что Сайрис просидела больше часа. Джомар, как мог, успокаивал женщин: охотникам перед сумерками не до связи. Но связи не получилось и на следующий день. Тут волнение по-настоящему разобрало и Ингельд. Когда ступились сумерки, она, скрестив ноги, тоже села на пол и попыталась настроить ум на контакт. По дыханию можно было судить, что ничего у нее не получается. На следующий день тревога и нелегкое предчувствие охватили всех. С наступлением ночи Сайрис и Ингельд опять сели друг возле друга, угрюмо склонив головы, в то время как Джомар с Найлом затаились у себя на постелях, боясь лишним шорохом отвлечь женщин. Наконец у Сайрис изменилось дыхание: вступила в контакт. Найл вздохнул с облегчением. И тут, повергнув всех в ужас, мать пронзительно, по-животному, вскрикнула. Слышно было, как тело ее глухо стукнулось об пол. Подскочив к матери, Найл увидел, что она без чувств лежит на спине. Лицо было холодным на ощупь. Ингельд начала уже было бормотать что-то насчет смерти, но Джомар сердито прикрикнул, и она замолчала. Найл бережно усадил мать, оперев спиной о стену. Джомар, пальцами стиснув женщине скулы, влил ей в приоткрывшийся рот немного воды. Звучно поперхнувшись, Сайрис закашлялась.

– Они погибли, Торга и Хролфа нет в живых... – обрета дар речи, выдавила она.

Ингельд забилась в страшном припадке безысходного отчаяния. Проснувшиеся дети громко разревелись. Плакала Сайрис, беззвучно сотрясаясь от рыданий. Единственно, что она смогла еще сообщить, это что причиной гибели обоих стали цветы ортиса, а Ульф с Вайгом как-то сумели избежать этой участи.

Горе Ингельд сменилось на ярость.

– Почему умерли мои?! – зашлась она. – Почему не ваши?!

Несчастной женщине не стали мешать. Она сама в конце концов уморилась и плакала уже без крика. Плакала едва не всю ночь. Найлу стыдно было за свое счастье: его отец и родной брат живы.

Ульф и Вайг возвратились через десять дней, оба в полнейшем изнеможении. Правую половину груди и плечо Улфа покрывали крупные пятна-стигматы, похожие на ожоги. Вайг страшно исхудал, а в глазах его читалось выражение, вызвавшее у Найла тревогу и растерян-

ность: будто бы брата преследует нечто, чего ему никогда не вытравить из памяти. Измотавшиеся охотники рухнули на постели и проспали весь следующий день и всю ночь.

Сок, стоивший Торгу и Хролфу жизни, находился в небольшой фляжке емкостью чуть больше полулитра. Горлышко было плотно заткнуто листьями и обмотано лоскутками кожи. Когда спустя несколько часов проснулась и, по обыкновению своему, опять заревела Мара, Сайрис бережно размотала лоскутки, накренила горлышко фляги и поднесла к губам ребенка деревянную ложку с капелькой прозрачной медвяной жидкости. Не прошло и минуты, как девочка уже спала. Не пробудилась она и через шестнадцать часов, когда проснулся Улф.

При первой же возможности Найл попробовал сок ортиса на запах. Жидкость имела изумительный медвяный аромат, было в нем что-то и от запаха розовато-лилового цветка, который он видел в стране муравьев. Хотя, если честно, запах обескураживал: после захватывающих дух рассказов деда Найл ожидал чего-то вообще сверхъестественного.

Много дней прошло, прежде чем Улф и Вайг как-то оттаяли от уныния и апатии. Вайг потом рассказал Найлу, что последние полторы-две суток оба шатались как пьяные и не чаяли уже добраться. На той каменистой пустоши Вайг трижды терял сознание; на третий раз его нес уже отец, взвалив себе на плечи. Счастье, что на пути не встретился ни один хищник. Случись любому из них напасть, и им бы точно пришел конец. У них даже не было сил высматривать в небе шары смертоносцев.

Ингельд к этой поре оправилась от первоначального потрясения, став еще более язвительной и сварливой. Все жалели Ингельд и потому мирились с ее колкостями. Но как-то раз, хлебнув перебродившего сока, она зашла в упреках слишком далеко и обвинила Улфа и Вайга в трусости, обернувшейся якобы гибелью для Торга и Хролфа. Улф стиснул ей руку с такой силой, что женщина вскрикнула.

– Никогда не говори таких слов, не то полетишь на пол, даром что ты жена моего брата.

Ингельд, свернувшись на полу калачиком, тихонько заскулила.

– Но ведь мне рано, рано быть вдовой! Неужели мне век теперь вековать без мужских объятий?

Улф понял справедливость этих слов. Женщине нет еще и сорока, и многим мужчинам она решительно бы приглянулась.

– Здесь мужчин для тебя не найти, – рассудил он задумчиво. – Но ты могла бы вернуться к своим соплеменникам.

Ингельд, вскинув голову, резко посмотрела на Улфа (в глазах мелькнул радостный про-сверк).

– Как я туда доберусь?

– Мы можем тебя проводить.

Ингельд бережно провела ладонями себе по животу.

– Скоро для путешествия я буду слишком тяжела.

– Что ж, – сказал, подумав, Улф. – Отправимся в следующую за полнолунием ночь.

Сайрис попробовала было вмешаться: надо же, еще не оправилась от вылазки к Дельте, а уже помышляют о новом переходе! Но, перехватив жесткий, упрямый взгляд Ингельд, Найл понял: эта от своего не отступится. Ингельд и думать не желала о каком-то промедлении, хотя и понимала, что Сайрис права: безопаснее переждать хотя бы с месяц. Впрочем, ей было все равно, что там станет с Улфом и Вайгом на обратном пути, – сама-то она будет уже в безопасности, среди своих.

Ближе к полудню стало очевидным, что Вайг никуда пойти не сможет. Он был еще слишком слаб для перехода, и к тому же его то и дело донимала лихорадка. Из-за хромоты (да и из-за возраста) не мог отлучаться на большие расстояния и Джомар. Сайрис пыталась уговорить Ингельд повременить хотя бы с месяц; та же, отводя глаза, с притворной кротостью вздыхала, что если оттягивать, то она ведь не сможет потом отправиться в такую даль. В конце концов

Сайрис, передернув плечами, со всей откровенностью сказала, что скорей бы уж она оставила их всех в покое – раздоров значительно поубавится.

Найл мельком перехватил взгляд Улфа, отец задумчиво посматривал на него. Найл знал, о чем он сейчас думает.

- Может быть, вместо Вайга пойду я?
- Думаешь, тебе по силам будет вынести такую дорогу?
- В выносливости я Вайгу не уступаю.
- Но ведь это пятидневный – в лучшем случае – переход.

Улф начертил ему на песке план местности. Соплеменники Ингельд жили возле берегов соленого озера Теллам, примерно в двух днях пути к югу от большого плато. Самая трудная часть пути приходилась на пустыню, окаймляющую подножие плато: там было очень мало ориентиров. Оконечность пустыни представляла собой сплошные голые камни и высохшие русла рек, постепенно нисходящие к соленому озеру. В окрестностях озера была и зелень, и вода, однако и ядовитые сороконожки водились там в изобилии.

Найл указал на плато.

- А что, обязательно идти через пустыню? Разве нельзя попробовать через плато?
- Там только голые камни и трудно дышать: не хватает воздуха.
- Уж лучше голые камни, чем дюны из песка. Хотя бы местность не меняется до неузнаваемости.

– Возможно, – не стал спорить Улф.

К поре полнолуния Улф в целом восстановил силы. У Вайга же щеки были все еще впалые, а в глазах сквозила усталость. Сайрис, понятно, беспокоилась, что в такую даль придется отправляться младшему, но знала: иного выбора нет. Идти обратно одному Улфу будет опасно, любой хищник может накинуться на одинокого путника, но задумается, прежде чем нападать сразу на двоих.

В дорогу, по крайней мере, запаслись неплохо. За день до того, как им отправляться, Вайг сходил с осой на охоту и добыл крупного грызуна. Сайрис, начинив тушку съедобными кореньями и травами, зажарила ее целиком. Напекла и тонких лепешек из муки, намолотой из дикого маиса. Еще загодя женщины нацедили чистой воды из чашки уару. Приноровившись, они подставляли фляги и под длинные изогнутые листья вельвиции, собирая влагу, которую растение припасало для своих корней. Солоноватая вода, которую извлекали из подземной скважины муравьи, для долгих странствий не годилась: в ней много было минеральных солей, отчего во рту оставался горький привкус и горло быстро пересыхало.

Вышли за час до сумерек. Каждый нес за плечами по две плетеные сумки. Было все еще жарко, хотя ветер уже прекратился. Когда установилась темнота, путники устроили на песке часовой привал, а Найл так даже и вздремнул (прошлую ночь заснуть мешало волнение). Едва взошла луна, они снова отправились в путь. Ночь выдалась холодная, но ходьба согревала. Теперь, взяв свое, Ингельд – хотя и запоздало – все же усовестилась, а потому безропотно попевала за своими спутниками, не жалуясь, что они идут, не сбавляя шага. В разливе призрачно-бледного лунного света пустыня выглядела красиво и загадочно. Впереди на фоне горизонта четко вырисовывалось плато, идти до которого оказалось куда дальше, чем думалось. Когда луна опустила за горизонт, они продолжали путь под сенью звезд, света которых хватало привыкшим к темноте глазам. Подножия плато достигли за час до рассвета и с восходом солнца вошли в каменный мешок, где Найл прожил первые семь лет своей жизни. Поели лепешек и жареных крылаток, а затем улеглись ждать, пока схлынет дневная жара.

В прежний свой дом Найл ступил со смешанным чувством отрады и трепетного волнения; нора, казалось, стала с той поры как-то меньше, невзрачнее. К тому же за годы жизни на новом месте Найл успел позабыть, что значит здешняя жара и духота в светлое время суток,

когда ветер неожиданно меняет обычное направление. Так что, несмотря на ностальгию, нору он покинул без особого сожаления.

Несмотря на то что солнце все еще палило, они тем не менее вышли в путь. Ульф решил внять совету Найла и двинуться через плато. Отвесные склоны над пещерой всходили высоко в небо; чтобы подыскать место для подъема, надо было проделать путь с десятков миль.

До высохшего русла добрались за час до сумерек. Вспотевшие, усталые, они решили передохнуть, прежде чем штурмовать высоту. Когда взошла луна, путники двинулись вверх по руслу, с каждым метром становящемуся все круче. Вскоре извилистая дорожка сузилась, а там склон и вовсе сделался таким отвесным, что у Найла при взгляде вниз голова пошла кругом. В отдельных местах приходилось всем телом приникать к выпирающим, словно зубья, камням; тогда с особой явственностью представлялось, какая бездна отделяет их от земли. Вот уже и крупный бюст оказался Ингельд помехой. В одном месте она вообще отказалась двигаться вперед, пока Ульф не обмотал ей талию веревкой. Пока (где-то уже за полночь, бездыханные от усталости) добрались до вершины плато, Ингельд, судя по виду, не один раз успела пожалеть, что не осталась дома.

Открывшаяся с плато панорама впечатляла своим величием. Впереди, уходя на юго-восток, медленно кренилась книзу поверхность плато – каменистое, с разрозненными кривыми окустьями терновника. Позади простиралась пустыня – безмолвная, залитая серебристым светом. Пейзаж выглядел не сказать чтобы гостеприимно, однако белизна камней, насыщенная задумчивым дышащим светом, зачаровывала. Возник соблазн прилечь и отдохнуть, но земля была настолько жесткой, что уж лучше просто идти не останавливаясь.

Проковыляв с полчаса по шерботому голому грунту, они опять вышли к речному руслу, устланному приятной стопам белой галькой. Вдруг Ульф, с радостью и изумлением воскликнув, указал рукой. Впереди, в каких-нибудь сорока метрах, свет луны отражался от гладкой поверхности, напоминающей круглое зеркало. Это была небольшая, чуть больше метра, округлая лужица – вода, скопившаяся во впадине дна. Путники с облегчением опустили поклажу и устроили привал. Вода была белесой, как разбавленное молоко, и имела сладковатый привкус. Отправившись в путь, они считали каждую каплю, а теперь – вот радость-то! – ее можно было пить вволю, сколько душе угодно. Усевшись, поели плодов кактуса, пополнили запас воды, после чего неохотно – ноги гудели от усталости – снова поднялись в дорогу. Идти по устланному галькой руслу оказалось неожиданно легко, так что шли даже тогда, когда луна уже села.

На рассвете Ингельд затребовала отдыха, но Ульф не стал ее слушать. Через несколько часов солнце будет, считай, уже над самой головой, а надо отыскать еще и пристанище.

В конечном итоге перед тем, как зной набрал силу, путники заметили на горизонте древесную чащобу и напрямик устремились к ней. Это оказались не деревья, а скорее кусты – метра под три вышиной, – причем нижние ветви образовывали подобие сводчатой арки. Удалось разбросать по верху шелковистое полотно (получилось подобие навеса). Другое, прищипленное тяжелыми камнями к земле, защищало от ветра. Получалось почти как в пещере. Путники погрузились в тяжелую дремоту и пролежали до той поры, пока солнце не опустилось к самому горизонту. Проснувшись, перекусили и отправились в дорогу.

Теперь путь лежал через участок застывшей лавы, из которой, будто орехи из глазури, торчали большие округлые валуны. Через несколько миль дорога сделалась удивительно гладкой, словно плотно спрессованный песок. Ингельд начала сетовать, что натерла себе ноги. Ульф и Найл перекинулись понимающими взорами: все, период покладистости кончился, теперь к тяготам пути добавляется еще и ворчание. К счастью, вскоре набрали на другое озерцо, больше и глубже предыдущего. Когда вволю напились и наполнили сосуды, Ингельд велела своим спутникам отвернуться, а сама сняла одежду и зашла в воду. Женщина стояла по пояс в воде, и на лице ее было такое блаженство, что Найл тоже решил залезть в воду. После дневного зноя она

все еще хранила тепло и вместе с тем давала телу желанную свежесть. Когда опять поднялись в дорогу, у Найла было чувство, будто он пробудился после приятного сна.

К рассвету ровная поверхность вновь пошла на подъем – плато в разрезе имело форму ванны. Путники поняли, что приближаются к южной его оконечности. Через час они уже стояли на самой вершине. Даль светилась – это солнце отражалось на гладкой поверхности соленого озера Теллам. Ингельд охватило волнение. Еще бы, день перехода – и она среди своих соплеменников. Однако Ульф заметил вслух, что высота скрадывает расстояние и на самом деле им еще, возможно, придется одолеть не один десяток миль.

На вершине плато укрыться от зноя было совершенно негде, так что выход оставался один: отыскать где-нибудь место, пригодное для спуска, а стоянку устроить уже внизу на равнине. Подойдя к самому краю, Найл глянул вниз. Перед глазами поплыло – высота, наверное, с полтысячи метров, не меньше.

Более того, утес уходил книзу под тупым углом – злой пустынный ветер выдул скальную породу в прах. Обломись сейчас кромка, и лететь Найлу да лететь, пока не грянется об ощерившиеся внизу острые камни.

Надо было решать, куда теперь повернуть, на запад или на восток. Если на запад, то в конечном итоге они просто выйдут к месту, куда взбирались с равнины; потому двигаться решили на восток. Кроме того, взяли на полмили вглубь: кромка плато была сплошь усеяна ребристыми камнями и изобиловала расселинами, так что разумнее было держаться подальше от края – безопаснее. Но здесь сильнее давала о себе знать жара – невыносимо было смотреть на ослепительно-белую лаву, раскаленную солнцем. Глянув краем глаза на отца, Найл с тревогой заметил, что того буквально шатает от усталости – он ведь еще толком не оправился после похода к Дельте. Ингельд семенила рядом с плаксивым видом (тьфу, тоже выискалась мученица!).

Через час пути в западной стороне над горизонтом медленно очертился массивный силуэт. На холм не похож: слишком прихотливые очертания.

– Неужто цитадель воинов? – проговорил Ульф.

Было заметно, что отец уже на последнем издыхании, Найл даже не решился беспокоить его лишними расспросами. Цитадель постепенно приближалась. Одни лишь размеры вызывали изумление: метров двести в высоту, никак не меньше. Найлу никогда еще не доводилось видеть чего-либо более внушительного и величавого. Теперь можно было различить, что возведена она на вершине цельнокаменного холма, являясь как бы его продолжением. Сложена она была из огромных каменных блоков, каждый примерно три на полтора метра. Вздмались к небу прямоугольные башни, некоторые наполовину уже разрушенные. Снизу их подпирали огромные колонны. Чем ближе подходили путники, тем отчетливее была видна разрушительная работа неумолимого времени. Взять те же исполинские колонны едва не пяти метров в обхвате. Когда-то они подпирали свод. Теперь же только две из них хранили свою прежнюю высоту, остальные превратились в жалкие обрубки. У подножия холма задержались попить воды. Даром что с юга дул ветер, зной стоял такой, что ничего не стоило получить солнечный удар. Неохотно поднявшись на ноги, путники начали отыскивать место, наиболее сподручное для спуска.

Обогнув примерно наполовину северный склон холма, они нашли то, что искали: петляющую цепочку выдолбленных в скале ступеней, уходящую вверх. Ступени были небольшие, чуть шире ступни. Ненадежная эта лестница казалась бесконечной. Но иного выхода не предвиделось, поэтому путники начали потихоньку взбираться. Подвешенные за плечами сумки, покачиваясь, бились о каменную стену. Ступени были неровными – одни слишком узкие, другие чрезмерно глубокие: были и такие, что едва виднелись или совсем осыпались. Первым лез Ульф, за ним Найл, Ингельд держалась сзади (из соображений приличия: юбка из паучьего шелка едва прикрывала бедра). Найлу путь давался тяжело, он намеренно смотрел только на

очередную ступеньку. Рискнув в конце концов окинуть взором всю местность, Найл с удивлением обнаружил, что они трое оказались над долиной и стены цитадели уже вот они, рукой подать. Спустя несколько секунд путники устало втянулись под свод арки, ведущей во внутренний двор. Все здесь показалось Найлу таким удивительным, что он забыл об усталости. Опиши ему кто-нибудь из домашних такое место на словах, он бы заподозрил рассказчика во вранье.

Во дворе полно было битого камня, здоровенных перевернутых блоков, но и при всем этом двор поражал воображение своими размерами и загадочным, осязаемым молчанием. В нескольких местах виднелись немые зевы арок, ведущие внутрь, в громадные залы. Главное здание выросло непосредственно из самой скалы, а рыжеватые бурые блоки, довершающие строение, придавали ему сказочный облик. Вершина цитадели, как и в былые времена, по-прежнему вздымалась на высоту более пятидесяти метров.

Прежде всего тянуло укрыться в тень, дать телу отдых. Они пересекли двор и прошли под одной из сводчатых арок. Открылась зала – настолько громадная, что дальние стены и потолок в темноте не различались. Стояла удивительная, благодатная прохлада (солнце взошло с той стороны здания). Расстелив одеяла, путники молча улеглись, утомленно переводя дух и слушая заунывный шум ветра. Через пару минут Найл уже спал.

Он видел странный сон, будто бы Смертоносец-Повелитель Хеб с явной насмешкой смотрит на него с какой-то запредельной высоты. Просыпаясь от нехорошего видения, Найл почувствовал холод. Снаружи двор слепящим светом заливало безжалостное солнце; возле спали отец и Ингельд. Сев, Найл вытянул часть одеяла из-под себя и завернулся в него, как в спальный мешок. В одной из сумок лежало скатанное в рулон тонкое одеяло из шкуры гусеницы. Но ведь за ним надо лезть, а неохота. Беспокоил памятный отрывок нехорошего сна: на самой высокой башне цитадели сидит и тарашится Смертоносец-Повелитель... Но рядом был отец, и это успокаивало. Через несколько минут Найл уже спал.

Проснулся он с ощущением, что кто-то коснулся его плеча. Где-то сверху, беспокойно жужжа, билась муха. Было холодно, одеяло соскользнуло с плеча. Найл потянулся рукой поправить одеяло, но это оказалось не так-то просто: что-то мешало. Впечатление такое, будто одеяло подвернуто под спину, поэтому сложно пошевелиться. Одновременно с тем жужжание наверху, разом преобразившись, зазвучало вопиющим сигналом тревоги: муха, угодившая в паутину! Приподняв голову, Найл посмотрел через пространство залы. Показалось, будто что-то суетливо прошмыгнуло в темноте. Да и темнота теперь была как будто живая, населенная россыпью ярких точек. Сна как не бывало, Найл силился сесть. И тут он разглядел, что именно ему мешает. Над ним стелились густые тенета, каким-то образом крепящиеся к полу. Паутина покрывала тело Найла почти полностью, словно мягкое, рыхлое одеяло. Он бросил взгляд на отца и Ингельд – и те тоже покрыты паутиной, еще мягкой, не успевшей просохнуть. Теперь он разглядел: светящиеся точки – это глаза десятков пауков, наблюдающих за людьми из затемнения.

Его крик разбудил отца и Ингельд. Едва привстав, они сразу же попались в липкие тенета. Стоило им шевельнуться, как паутина облекла их, словно влажная простыня. Сев, они лишь плотнее соприкоснулись с мгновенно пристающим липким шелком, а при попытке высвободиться руки у них напрочь увязли в паутине.

Сами пауки повысыпали из тени, будто присматриваясь. Найл с облегчением обнаружил, что по размеру это так, мелюзга, – туловище не крупнее ладони, а лапы не длиннее руки. Он также определил, что у них есть что-то общее с серыми пустынниками – значит, насекомые не ядовиты.

Тут до Найла дошло, как все-таки удачно он поступил, не поленившись натянуть на себя одеяло. Паутина пришлась в основном на одеяло, поэтому пристала лишь к плечу, правой руке и левой ступне. Потянувшись левой рукой, он сумел подвинуть к себе поклажу, вытащить кремневый нож и отпилить паутину, стягивающую запястье, затем примерно так же освободил

плечо и левую ступню. Выскользнув из-под одеяла, Найл поднялся на ноги; пауки попятнулись в тень. Подобрал с пола увесистый камень, он швырнул его им вслед; стало слышно, как насекомые с глухим шелестом разбегаются.

– Не шевелись! – прикрикнул он на Ингельд.

Та была уже в когтях у страха: сама с судорожным поскуливанием силилась разодрать тенета, а по глазам видно, что уже прощается с жизнью. Он стал ножом отсекал паутину в местах, где та крепилась к полу. Через несколько минут Ингельд удалось, пошатываясь, встать на ноги. Шелковистые тенета по-прежнему обвивали ее со всех сторон.

– Давай наружу! – скомандовал Найл.

Подгонять не пришлось, женщина кинулась вон, волоча концы паутины. Затем Найл принялся за отца. Пока он это делал, насекомые снова выкарабкались наружу, и он бросил в них еще несколько камней. Пауки вновь рассеялись. Стало ясно, что непосредственная опасность миновала. Теперь, когда добыча бодрствует, они не отважатся напасть.

День был в разгаре, свет снаружи ослеплял. Найл помог отцу и Ингельд освободиться от тенет. Он мотал паутину в одну сторону, а те раскручивались в другую. На коже оставались прилипнувшие волокна и влажно поблескивающие следы. Прошло около часа, прежде чем Ульф и Ингельд освободились от тенет окончательно.

Поклажа оставалась внутри. Возвратясь за ней, снова разглядели россыпь блестящих точек: насекомые следили из темноты. Приставшие к полу обрубленные концы паутины отвердели, став заметно прочней; клейковина, выделяемая пауками, превратилась в подобие грубой резины. Насекомые выпускали из себя легкие волокна, набрасывая их затем на спящих, и те наслаивались невесомо, словно снежные хлопья. Именно от прикосновения одной из них и пробудился Найл. Не укройся он одеялом, увяз бы точно так же, как Ульф с Ингельд. И были бы они сейчас сплошь опутаны липким шелком с головы до пят.

Неожиданная опасность, по крайней мере, прогнала усталость; путники готовы были отмахать теперь сотню миль, лишь бы подальше от этого зловещего угла. Но опять-таки, не определившись с направлением, не имело смысла и уходить. Оставив поклажу в тени, они отправились искать новое место, откуда было бы сподручнее осмотреть южную часть равнины. То, что искали, обнаружилось в смежном дворе: пролет каменной лестницы, идущей вверх по внешней стороне стены, – небольшое из уцелевшего. Одолев с сотню неплохо сохранившихся ступеней, путники вышли на стену цитадели, метра три толщиной, с каменным квадратом примыкающего к смежному двору караульного помещения. Найл зашел в караульную и оттуда выглянул из окна – как-то безопаснее, чем стоять на открытой сильному ветру стене.

Вдали виднелись сияющие воды соленого озера. Прямо перед глазами пропасть с полкилометра глубиной. В этом месте склон был не таким отвесным, но и по нему спускаться было невыносимо. Все ясно.

– Бесполезно. Бездна вон какая, – мрачно сказал Ульф.

Найл озирает даль.

– Но как они-то поступали, если надо было спуститься вон туда? – спросил он, не отводя взгляда от равнины.

– Пешком шли, вот и все, – раздраженно встала Ингельд.

– Пешком-то оно пешком, но как? Не может быть, чтобы на ту сторону они проходили вот так, вокруг всего плато.

– Да, ты, пожалуй, прав, – даже с некоторым удивлением откликнулся Ульф. – Должен существовать какой-то спуск.

– Это все, что строили великаны? – озадаченно спросил Найл.

– Нет. – Отец покачал головой. – Та лестница рассчитана на таких же, как мы с тобой.

Такая мысль ошеломляла. Подумать, эту цитадель сооружали такие же люди, как он сам! Но тогда, наверное, на это ушли сотни и сотни лет? Хотя понятно, все зависит от того, сколько

их было... Впервые до Найла со всей полнотой дошло, что все же действительно было время, когда человек правил Землей. Прежде Найл иной раз тешился такой мыслью, но никогда не воспринимал ее всерьез. Теперь же мысленным взором он представил тысячи людей, сообща вырезающих каменные блоки, возводящих эти грандиозные стены... И его пронизал небывалый восторг, сравнимый разве что с потоком живительной проточной воды.

Столь нужные ступени – небольшие, выбитые в стене утеса, – Найл обнаружил в другой сторожевой башне. Разглядеть их можно было только сверху. Тогда становилось заметно, что утес – это не просто голый мертвый камень. Ветер в союзе с песком источил его поверхность, выдув более податливую породу, так что склон в конечном итоге стал представлять собой причудливую бугристую колоннаду. Из случайных щелей, где придется, выглядывали корявые деревца и кусты. Здесь склон имел больше сходства с тем местом, откуда они начинали взбираться на плато. А непосредственно впереди виднелись идущие вниз ступени, ускользающие из виду за округлым горбом большой скалы, напоминающей морщинистую кожу живого существа, – так постарался ветер.

По ступеням они спустились во внутренний двор, но не обнаружили там прохода, выводящего за наружную стену. Прошли еще один двор и еще один – выхода наружу не было нигде. И правильно, вслух заметил Ульф, иначе зачем строить громадную крепость, где, куда ни сунься, сплошь входы и выходы; как же тогда, спрашивается, защищаться от непрошенных гостей?

Вопрос оставался без ответа: как удавалось проникать сюда снизу обитателям крепости? Найл, как самый молодой и подвижный, опять взобрался на стену и оттуда оглядел ступени. Тут он заприметил нечто такое, чего нельзя различить, если присматриваться сбоку. Лестница начиналась метрах в пяти-шести над подножием утеса. Но если так, то как тогда удавалось добираться до цитадели людям, идущим со стороны равнины?

Подойдя к другой стороне стены, Найл глянул вниз. Прямо внизу на общем, почти белом фоне чуть заметно выделялось округлое пятно метров трех в поперечнике.

- Что это там? – крикнул Найл отцу.
- Ты о чем?
- Там на земле круг, вот ты сейчас прямо на нем стоишь!
- Не замечаю.
- Ну вот прямо подо мной!

Найл поспешно спустился с лестницы. Оказывается, со двора различить круг было невозможно, но поскольку отец стоял непосредственно на нем, Найл, подойдя к этому месту вплотную, встал на четвереньки и принялся кропотливо изучать каждый сантиметр пыльного грунта. Там, где пыль казалась мягче, он пытался скоблить кремневым ножом. Вот между соседствующими камнями обнаружилась трещина. Тут к Найлу присоединились отец и Ингельд. В результате через пять минут обозначился круг. Дальнейшие поиски обнаружили еще и металлическое кольцо. Найл прежде никогда не видел металла, поэтому счел его за какую-то редкую породу камня. Кольцо массивное, впору ухватиться всем троим. Уперевшись ногами, они потянули кольцо на себя – бесполезно. Попытались еще раз – большая каменная крышка, похоже, чуть подалась. Минут пять они, выбиваясь из сил, тянули не переставая. Из этого мало что вышло: крышку удалось приподнять лишь на пару сантиметров, не больше.

В конце концов (деваться некуда) решили заглянуть в залу, вход в которую виднелся на противоположном конце двора. Это помещение уступало в размерах тому, где им довелось спать, и заполнено было непонятными деревянными предметами. Никто из них не знал, что такое стол или стул, поэтому не разобрались, что находятся в трапезной военачальников. Почти вся мебель была источена червями, и когда Найл попробовал поднять стул, тот развалился прямо у него в руках. Остатки ковра были выбелены солнечным светом, но в затаенных углах, куда солнце проникало меньше, все еще различались цветастые узоры – поблекшие, но удивительно замысловатые. А в углу, выдаваясь над грудой безмолвного праха, стоял длинный дере-

вянный шест, достаточно толстый. Приподняв один его конец, Ульф наступил на шест ногой – древесина ничего, прочная. Найл подхватил с другого конца, и шест вынесли во двор.

Продели его в металлическое кольцо. Найл и Ингельд взялись за один конец, Ульф за другой. Уперевшись коленями, потянули изо всех сил. Каменная крышка отделилась сантиметров на десять. Вес оказался непомерно велик, удержать не удалось. Найл сходил в комнату еще раз, возвратившись обратно с еще одним продолговатым куском дерева. Когда крышку приподняли снова, Найл ногой ловко вправил деревяшку в образовавшуюся щель. Затем, используя шест как рычаг, снова подняли каменную крышку и в конце концов отвалили. Лица обдало струей воздуха. Внизу виднелись ступени уходящей вниз, в темноту, лестницы.

Спустя десять минут путники стали спускаться – потихоньку, осмотрительно. На протяжении метров двадцати стояла такая непроницаемая темнота, что приходилось пробираться буквально на ощупь, бдительно обшаривая ногой каждую ступеньку. Но внизу засветлело, а прорезавшийся за поворотом солнечный луч буквально ослепил. Путники, скучившись, стояли на площадке под узенькой аркой. От разом открывшейся кошмарной высоты и отдаленного горизонта голова шла кругом.

Сверху казалось, что ступени идут вниз едва не вертикально, словно лестница. Ингельд, согнувшись, медленно села, прижавшись спиной к стене туннеля.

– Ой, простите. Я здесь спускаться не могу, с такой высоты.

Ульф посмотрел на нее ошеломленно.

– Но ведь ты же как-то взобралась наверх!

– Так то вверх! К тому же было почти темно.

Ульф язвительно усмехнулся.

– Ну что ж, давай теперь дожидаться темноты.

Дело явно близилось к слезам:

– Извини, но никак не могу.

– Ты что, ночь собираешься провести здесь? – спросил Ульф, пожав плечами.

– Но ведь есть же где-то спуск поудобнее?

– Меня и этот вполне устраивает.

Лицо Ингельд постепенно обретало знакомые черты плаксивого упрямства.

– Я здесь спускаться не буду.

Более худых слов Улфу невозможно было и подобрать. Сколько раз Торг выводил его из себя тем, что постоянно потакал упрямству своей бабы, которая вертела им как хотела. Ульф посмотрел на Ингельд с угрюмой решимостью.

– Поступай как знаешь. Мы спускаемся и ночевать будем на равнине.

Ингельд не привыкла, чтобы к ее словам относились так наплевательски.

– А что прикажешь делать мне?

– Можешь возвращаться и ночевать в крепости.

– Куда, к паукам?!

– Так чего ты больше боишься, пауков или темноты?

Ульф изготовился спускаться, держась лицом к ступеням.

– Пойдем, Найл.

Паренек неохотно повиновался (отец был, безусловно, прав, но все-таки и Ингельд было жаль) и стал спускаться за Улфом след в след. На деле спуск оказался не таким опасным, как представлялось вначале; помимо ступеней там в скале были проделаны и углубления для рук. Еще тридцать метров вниз по склону, где ступени, делая поворот, исчезали за выпирающим горбом камнем, и спуск внезапно сделался пологим. В этом месте Ингельд видеть их уже не могла. Ульф указал Найлу сесть. Они посидели минут пятнадцать, сжевали по опунции и по маисовому хлебцу. Затем Ульф освободился от поклажи и снова полез вверх. Через несколько

минут он возвратился, ведя за собой Ингельд. Глаза у женщины припухли от слез, губы были недовольно надуты, но непрошибаемое упрямство с лица сошло.

Ступеней тех было тысячи три, не меньше. Путь вниз шел как бы по спирали, временами теряясь в расщелинах, временами вновь выходя на склон утеса. Пошли долиной, где кверху вздымались массивные прямоугольные скалы-obelisks, обтесанные человеческой рукой. На них были изображены барельефы диковинных животных. Некоторые из них слегка походили на обитающих в пустыне грызунов, хотя и у них габариты были такие же большие, что и у насекомых. Путники, остановившись, с трепетом разглядывали изваяния. Найл указал на одно существо особо грозного вида, окруженное, судя по всему, охотниками.

– Что это?

– Даже не подскажу...

– Наверное, тигр? – неуверенно произнесла Ингельд.

– Неужели такие существа и вправду водились на Земле?

– А то как же!

– Пауки истребили всех крупных животных, – сказал Улф.

– Тогда почему они оставили человека?

– Потому что человек беззащитен. Нет у него ни когтей, ни бивней, ни острых клыков.

– Зато у него есть оружие!

– Оружие можно отнять, – мрачно заметил Улф. – У тигра не отнимешь когтей, пока не убьешь его самого.

Двинулись дальше. Последние десятки метров оказались для спуска более сложны: порода здесь вся была выщерблена ветром. У основания была и вовсе выдута, так что пришлось вначале побросать вниз поклажу, а затем, не дойдя последних пяти метров, и самим прыгать вниз на рыхлый песок. Вскинув головы, путники обнаружили, что лестница – та самая – исчезла из виду. Видно, строители предусмотрели, чтобы ее не было заметно врагам.

Перебравшись через плато, путники избежали худшего: кружного пути через самую гиблую часть пустыни. Открывшийся впереди пейзаж во многом напоминал родные места. Правда, растительности здесь было побольше. Воздух, в сравнении с тем, что на плато, был удушающе жарким. Внутренне Найл глубоко сожалел, что они оставили цитадель так быстро (сожаления не убавляла даже стычка с пауками). Для него это было нечто, с чем прежде никогда не доводилось сталкиваться: чудесная, чарующая тайна.

Солнце завершало свой круг по небу. Долгий спуск утомил путников. Улф решил устроить привал, пока не взойдет луна. В подножье каменного склона местами встречались впадины – некоторые, судя по всему, достаточно глубокие. В поисках места под ночлег путники прошли на запад уже больше мили, но все впадины были ничтожно мелкие. В конце концов набрали на рожицу – не то кустарник, не то деревья – наподобие той, что на плато. Выбрав те, которые пониже, раскинули сверху куски шелка, образовав навес, и устроились на отдых. Ингельд демонстративно улеглась в стороне; все не могла простить, что Улф поступил по-своему, не посчитавшись с ней.

Когда солнце кромкой почти уже коснулось горизонта, Улф пробрался в самую гущу поросли и, скрестив ноги, сел, опершись спиной об изогнутое древесное корневище. Отец думал установить связь с Сайрис. Под единым для всех небом он и она могли видеть закат одновременно. Связь между собой они условились устанавливать в тот момент, когда солнце касается горизонта. Этот миг должен приводить их умы в слияние.

Найл чуть придвинулся, чтобы лучше видеть отца. Улф был измотан и, вместо того чтобы расслабиться, мог просто заснуть. Поэтому Найл рассудил, что за отцом лучше приглядывать: если того одолеет дремота, можно будет издать какой-нибудь шорох, и отец, заслышав, проснется. Тут Найл остолбенел от ужаса.

В полом корневище, как раз за спиной у отца, что-то грузно шевельнулось. Наружу прямо на глазах стало вылезать длинное, извилистое туловище серой сороконожки. Длины в ней было около полутора метров, суставчатые антенны настороженно вибрировали: тварь учуяла на своей территории чужаков. Улфа она не видела, он сидел неподвижно, как каменный. Найлу случалось наблюдать тысяченожек, хотя и редко; движение их крохотных члеников-конечностей отгалкивало и вместе с тем зачаровывало. В отличие от тысяченожек сороконожки еще и ядовиты; эта, например, принадлежала к землероющим. Когда насекомое, взискательно обшаривая свою территорию, почуяло человека, голова у него настороженно вскинулась, обнажились ядовитые клыки, похожие на паучы.

Пока Улф сидел без движения, он был в безопасности. Но стоило ему шевельнуться, как сороконожка неминуемо бы в него впилась.

Было заметно и то, что Ингельд лежит именно в том положении, откуда хорошо просматривается Улф. Глаза у женщины были закрыты, но если она – о небо! – сейчас их откроет, то исход ясен заранее: вскочит и заорет по-дурному.

Пересилив тяжело взбухающий в жилах страх, Найл принудил себя успокоиться. В этот миг Улф задышал глубже и реже: вступил в контакт. Сороконожка все так же стояла, угрожающе вздыбившись, лишь считанные дюймы отделяли ее ядовитые клыки от незащищенной спины Улфа. Отец сидел не шевелясь, и боевая стойка насекомого приослабла. Соблюдая предельную осторожность, Найл оглянулся в поисках копыя. До опертого на ствол дерева оружия можно было дотянуться рукой. Найл потянулся к копыю – медленно, очень медленно, чтобы не потревожить Ингельд. Дотянуться все же не удалось, пришлось чуть податься вперед. Пальцы намертво стиснули древко. Найл начал плавно возводить руку для мгновенного удара. Судя по дыханию, Улф из контакта еще не вышел. Стояла полная тишина. И тут некстати пошевелилась во сне Ингельд, костяные браслеты на ее запястье глухо звякнули. Этого оказалось достаточно, чтобы сороконожка опять мгновенно приняла боевую стойку. Через какое-то время насекомое снова расслабилось. Улф вышел из контакта, глубоко вздохнув, пошевелился. Найл что есть силы метнул копые. Оно скользнуло ядовитой твари под брюхо, вспахав землю в нескольких дюймах от нее. Улф оторопело вскинулся. Получилось так, что копые отшвырнуло насекомое на шаг-другой в сторону. Секунду спустя Найл уже стоял над конвульсивно извивающимся туловищем и яростно гвоздил его отцовским копыем. Ингельд, проснувшись и увидев, что творится, зашлась заполошным визгом. Полминуты назад этот визг стоил бы Улфу жизни. Теперь он лишь придал ему решительности; схватив другое копые, отец принялся лихорадочно колоть извивающееся туловище хищника, влажно блестящие клыки которого были теперь уже не опасны: голова была наполовину отделена от туловища.

Когда тварь уgomонилась, отец скупым движением взерошил Найлу волосы: «Молодец, сын». Слышать подобное от отца доводилось крайне редко, и Найл просто зарделся от такой похвалы.

Ингельд все никак не могла прийти в себя от ужаса.

– Скорей, скорей отсюда! Ужас какой...

– Теперь-то как раз все спокойно, – сказал, пожав плечами, Улф и глубоко всадил копые в корень дерева.

– Я не могу всего этого выносить! – В голосе женщины слышались истерические нотки.

Улф вздохнул.

– Все равно нет смысла куда-то трогаться, пока луна не взошла. Мы даже не разглядим, в какую сторону идти.

– Тогда я пойду одна!

Выбравшись из кустарника, Ингельд с дерзким видом отошла шагов на тридцать и вызывающе бухнулась на землю. Найл хотел было сказать вдогонку, что на открытых местах водятся скорпионы, а сороконожки могут напасть там еще скорее, чем среди кустарника, но вовремя

понял, что это заведомо пустая трата слов. Мысль, что терпеть осталось недолго, вызывала в душе облегчение.

Через час вошла луна, и путники двинулись на юг. Одолев еще несколько миль, они вышли на истоптанную дорогу, ведущую, судя по всему, к соленому озеру. По ней и шли остаток ночи. Время от времени то с одной, то с другой стороны дороги из недр пустыни доносились смутные, настораживающие звуки – шорохи, глухой шелест, а один раз и зловещее шипение. Однако прямой опасности не было заметно нигде, мало кто из обитателей пустыни отважится напасть сразу на троих.

Когда луна села, устроили часовой привал. Ингельд устало, с протяжным вздохом растянулась на земле. Ульф улегся на спину, примостив голову на плоский камень. Найл предпочел сесть, оперевшись спиной о валун (недобрые звуки пустыни действовали на нервы). Крепко заснуть не удалось, вскоре он очнулся от шелестящего звука. Встрепенувшись, парень затаился: тишина. Найл расслабился, не утратив, а, наоборот, усилив сосредоточенность. Усталость при этом, как ни странно, сработала на пользу: достичь нужного состояния оказалось легче обычного, и Найл внезапно ощутил глубокий внутренний покой, словно ступил в какой-то огромный пустой зал. Завозилась во сне Ингельд, и внимание Найла переключилось на нее. Он сознавал ее чувства: усталость, недовольство тяготами пути, от которых не могут ее уберечь двое спутников. Ясно было и то, что в Ингельд нет благодарности ни к нему, ни к его отцу за то, что они оберегают ее в опасном пути, только насупленное презрение. Он понимал теперь, что в Ингельд живет злая, беспощадная обида на Улфа и Вайга за гибель Торга, ее мужа, и Хролфа, сына. Ингельд и заснула-то с этим чувством. Ульф спал глубоко, беспробудно. Переведя внимание на отца, Найл словно погрузился в серую пульсирующую взвесь, полную зыбких образов и видений.

Когда Найлу пришло в голову обратить это новое, непривычное чувство самоуглубления непосредственно на пустыню, он с неожиданной явственностью ощутил незримое присутствие уймы живых существ – жуков, пауков, муравьев. Странное это было ощущение, все равно что самому сделаться пустыней. Некоторые существа – серые пауки, например, – чувствовали попытку вторжения кого-то постороннего, остальные ни о чем не подозревали.

Отчего-то ощущалось смутное беспокойство; какое-то отдаленное чувство смятения, проникающее словно из-за плотного занавеса. Сознание Найла будто впорхнуло обратно из окна в потустороннюю реальность. Оказывается, уже рассвело. Найл невольно вздрогнул: что-то, чиркнув, метнулось по ноге. Вокруг суетливо, с проворством ползали темные, мохнатые, похожие на гусениц существа, взявшиеся откуда-то из низкой поросли, ветвящейся возле дороги. Промелькнула паническая мысль, что это ядовитые сороконожки, но уже со второго взгляда Найл определил, что эти движутся по-иному, как гусеницы. Длина насекомых была различной, от десяти сантиметров почти до метра. Ингельд лежала на спине – рот приоткрыт в истоме сна, рука закинута за голову. Одна из гусениц проворно всползла ей на короткий подол. Найл зашевелился, надо было поскорее растолкать спящую. В этот момент уже взобравшаяся на грудь гусеница приподнялась на хвосте, словно изготовившаяся к прыжку кобра, и кинулась вперед. Ингельд, проснувшись, стала давиться. Найл с ужасом понял, что нечисть вползает ей в рот. По подбородку у женщины висел шестидюймовый хвост, прямо на глазах пятнадцать сантиметров сократились до пяти. Ингельд забилась в корчах. Найл, ринувшись, вцепился в мохнатый хвост и с силой потянул на себя. Тварь, извиваясь, выскользнула; Найл почувствовал, что запястье ему мусолят цепкие челюсти. Ингельд стошнило. Брезгливо швырнув нечисть оземь, Найл почувствовал, что такие же точно твари взбираются ему вверх по ногам. Он быстро обернулся на отца. Тот тоже был весь обвешан. Проснувшись от пронзительного окрика сына, Ульф тотчас вскочил на ноги. Одна из мохнатых тварей попыталась влезть ему в рот. Ульф, клацнув зубами, откусил ей голову, туловище отшвырнул прочь.

Позабыв о поклаже, путники припустили прочь, смахивая на бегу льнуших к ногам паразитов. Остановились метрах в двадцати, преследовать их гусеницы не пытались. Ингельд дышала тяжело, вздохнув. Ульф то и дело с отвращением сплевывал в пыль, пытаясь очистить рот. В воздухе стоял гнилостный запах.

– Это что еще за мерзость? – спросил Найл.

– Черви-точильщики. Тьфу! – Ульф в который уже раз сердито сплюнул. – Нет в пустыне твари гнуснее.

– Он хотел залезть мне в рот! – кривя губы, словно перепуганный ребенок, сказала Ингельд.

Ульф кивнул.

– Успей он это сделать, тебя бы уже не было в живых. Они жрут внутренности.

Для Ингельд это было уже выше сил, она, воя, повалилась на землю. Ульф не пытался ее успокаивать – пускай из бабы вылезет лишний вздор.

Спустя несколько минут мохнатых червей уже как не бывало – исчезли в кустарнике по другую сторону дороги. Решили возвратиться за оружием и поклажей. Оказывается, весь запас еды безнадежно испорчен. Не съеден, но маисовые хлебцы, мясо и плоды кактуса покрыты дурно пахнущей слизью. Волей-неволей сумки с провизией пришлось выпростать на дорогу. Идти, по крайней мере, стало легче. В сумках оставались лишь фляги с водой. Так и пошли. Когда солнце взошло, слизь, успевшая испоганить заодно и сумки, начала ощутимо пованивать. В конце концов с поклажей решили расстаться окончательно. Бросили ее без сожаления: смрад поднялся невыносимый.

Через полчаса до слуха донесся шум, от которого сердце у Найла радостно встрепенулось. Где-то неподалеку журчала вода. Раздвинув кусты, окаймляющие обочину дороги, путники обнаружили небольшой ручеек. По гладким белым камешкам бежала чистая, звонкая вода. Ульф, Ингельд и Найл бросились в воду, упали на четвереньки и принялись жадно пить. Затем, сев в воде, стали отмываться. Спустя полчаса, когда отошли от ручья, гнилостный запах больше не доносился.

Пройдя несколько миль, они приблизились к усеянным валунами склонам белой каменистой осыпи. Дорога была вымощена плитами известняка. Отсюда открывался ясный вид на бликующую гладь соленого озера. Столько воды в одном месте! От одного лишь вида захватывало дух. Дорога постепенно спускалась в долину, уместенную меж отвесных каменных склонов. На одном из них, высоко, как на стене, виднелись исполинских размеров барельефы: люди в диковинных головных уборах и долгополых одеяниях, с угловатыми прямыми бородами.

– Кто это? – удивленно спросил Найл.

– Что-то не признаю, – ответил Ульф неопределенно.

– А я знаю, – сказала вдруг Ингельд, окинув своих спутников презрительным взором. – Это все – мои предки.

Тут послышался звук, от которого, подпрыгнув, гулко заколотилось сердце: приглушенный расстоянием крик человека. Вынырнув из-за поворота примерно в полумиле, навстречу шли люди, размахивая руками.

– Видите, мои соплеменники вышли меня встречать! – напыщенно воскликнула Ингельд.

– Как они, интересно, догадались, что мы на подходе? – недоуменно спросил Найл.

Ингельд в ответ улыбнулась снисходительно, как недоумку:

– Они много чего знают. Такого, что выше вашего разума.

Губы Ульфа скривила усмешка, но он промолчал.

Через несколько минут людей можно было разглядеть уже отчетливо. Всего их было около десяти. Тот, что шел впереди, был высокого роста и облачен в какое-то замысловатое одеяние. Он поднял руку в приветственном жесте и, когда обе группы сблизились достаточно, громко воскликнул:

– Добро пожаловать на землю Диры!

Между склонами очнулось звонкое эхо. Уже от одного этого Найл опешил. Его с самого детства учили никогда не шуметь, разве что в исключительных случаях; от того, насколько ты незаметен и бесшумен, напрямую зависит твое выживание. Впечатление было такое, будто этому верзиле все равно, пусть хоть все хищники пустыни сбегутся на крик. И вот они с Улфом уже коснулись запястьями в знак приветствия.

– Мое имя Хамна, – представился рослый (он был значительно моложе отца), – сын Казака. А это мои соплеменники. Мы посланы встретить вас и просить быть нашими гостями.

– А как вы узнали, что мы подходим? – с любопытством спросил Найл.

– Стефна, моя мать, получила от своей сестры известие, что вы вот-вот должны подойти. Улф с холодной иронией поглядел на Ингельд.

– Получается, не настолько уж и выше нашего разумения. Сайрис тогда еще говорила, что попробует связаться со своей сестрой.

Ингельд уже не слушала. Сделав шаг вперед, она теперь обнимала Хамну:

– Я Ингельд, твоя двоюродная сестра, – и злорадно мелькнула глазами на Улфа. – Я так рада, что вернулась наконец к своим!

– Добро пожаловать, – сказал Хамна сдержанно.

– Мы тоже рады, что наконец доставили ее к своим, – сухо произнес Улф.

К счастью, никто не обратил внимания на язвительность в его тоне.

Встречающие начали поочередно представляться. Все они вызывали у Найла искреннее восхищение. Начать с того, что каждый из них был крупнее и дороднее, чем родственники Найла; видно было, что здесь лучше питаются. Одежда не из какой-то гусеничьей кожи или паучьего шелка, а из тонкой ткани. Что поражало более всего, так это что одежда разных цветов – Найл прежде никогда не слышал о красителях. Одинаковыми с виду были сандалии на толстой подошве.

Хамна и его спутники вышли в путь на рассвете, так что дорога все еще предстояла неблизкая. Но усталость отошла теперь на задний план; окруженный новыми попутчиками, Найл жил предвкушением чего-то приятного, забыв даже о жаре.

Самым младшим из спутников Хамны был парень по имени Массиг. Он, видимо, приходился сверстником Найлу, только ростом был по меньшей мере сантиметров на десять выше, с широкой и сильной грудью. Волосы – просто загляденье: такие опрятные, локон к локону; на лбу, чтобы не разлетались, марлевая повязка. Массиг, судя по всему, был общительным, добродушным юношей и все расспрашивал Найла о подробностях их путешествия. Найл не сразу понял (а поняв, несказанно удивился), что Массиг завидует ему, своему сверстнику, путешествующему в такой дали от дома. Не укрылось от Найла и то, что Массиг украдкой бросает мечтательные взгляды на Ингельд. Ему и в голову не приходило, что кто-то может считать ее привлекательной. Саму Ингельд окружение сильных мужчин, судя по всему, приводило в упоение – на щеках румянец, в глазах блеск. Найл никогда не видел ее такой счастливой. Единственное, что беспокоило по-настоящему, что отец при ходьбе сильно прихрамывает, и вообще у него совершенно измотанный вид: переход выжал из него все соки.

Найл спросил Массига, что за исполины высечены на скальных отвесах. Оказывается, Массиг сам толком не знал.

– Это сделали люди, которые сами уже давно сгинули. Так давно, что никто и не припомнит, когда они жили. Там в торцовой части есть еще гробницы, где хоронили древних.

– А ты туда поднимался?

– Нет. Там бродят духи.

– Духи? Еще и бродят?..

Массиг обмолвился о душах умерших, и у Найла заколотилось сердце: в его семье никогда не заговаривали о привидениях.

У встречающих имелись при себе еда и питье; ели прямо на ходу, под палящим полуденным солнцем. Пили воду, сдобренную соком плода, который Найлу еще ни разу не доводилось пробовать (позднее выяснилось, лимон). Резкий терпковатый привкус чудесно освежал. Сушеное мясо было примерно такое же, что они брали с собой в дорогу и затем вынуждены были выбросить, но было его гораздо больше, да и вкус получше. Угощались также плодами кактуса, хурмой и апельсинами (последнее Найл также пробовал впервые).

Пейзаж уже не был таким скудным, пальмы и невысокие цветущие деревца напоминали Найлу страну муравьев. Впереди серебром переливалась сияющая гладь озера, вдоль дороги бежал ручей. Найл ни с того ни с сего запечалился, что нет с ним матери и сестренки: сейчас бы увидели все это да порадовались вместе с ним, тогда бы это чудо воспринималось еще достовернее.

К удивлению Найла, впереди идущие вдруг повернули в сторону от озера и двинулись по тропе, ведущей в глубь пустыни. Постепенно дорога пошла вверх, пейзаж стал скудеть на глазах.

– Почему вы не живете возле воды? – удивленно спросил Найл у Массига.

– Из-за пауков. Они дожидаются, что люди будут селиться возле озера, а мы, наоборот, живем в глубине пустыни. Было время, когда наш народ действительно жил возле воды. Но пауки отыскали их и многих забрали с собой.

Было горько сознавать, что и здесь, на земле изобилия, людям приходилось постоянно остерегаться смертоносцев и быть начеку.

Найл пристально, с прищуром оглядел даль. Ни следа тех высоких жилищ, о которых рассказывал Вайг. Ничего, лишь скалы да скучный песчаный простор, простирающийся до самого горизонта, где за завесой унылого зноя горбилось плато. Интересно, сколько еще предстоит идти?

Ответ последовал неожиданно быстро. Хамна вдруг остановился на совершенно неприметном пятчке земли, песок да камень. Подняв тяжелый каменный обломок, он, опустившись на одно колено, несколько раз увесисто стукнул по земле. Звук получился неожиданно гулким. Через несколько секунд, отделившись от земли, приподнялась угловатая створка и показалась... голова человека! Хамна, обернувшись, как ни в чем не бывало поманил гостей рукой, чтобы шли следом. Оказывается, вниз уводили ступени – узкие, всего в полшага шириной. Найл также с интересом отметил, что песок и камни с наружной стороны «крышки» очень хорошо прикреплены и не оползают даже в таком накренном виде.

Хамна двинулся первым. Ступени спускались в темноту, так что пробираться приходилось буквально на ощупь. Узкий проход – едва ли шире, чем у них в нижней части жилища, – уходил вниз под таким крутым углом, что приходилось невольно упираться в стены обеими руками. Стены, судя по всему, были из камня. Хотя не было видно ни зги, в воздухе стоял характерный запах горелого масла для светильников.

Впереди идущие остановились, раздался отчетливый троекратный стук. Некоторое время стояла тишина. Но вот послышалось тяжелое скрежетание, будто там двигали что-то невероятно громоздкое. И развиднелось: откуда-то сверху пробился луч света. Стало видно, что они находятся в помещении с низким сводчатым потолком, площадью примерно с десятков метров. Свет проникал через щель между гигантских каменных плит, которые на глазах раздвигались. Лица идущих обдал живительный поток прохладного воздуха. Плиты раздвигали люди – четверо возле каждой; глазам открылась обширная зала, освещенная десятком светильников. Найл приоткрыл рот от изумления, увидев огромное помещение, по меньшей мере полсотни шагов в длину. Светильники в нишах освещали его светом, по яркости едва ли уступающим дневному. Но и это, видимо, был всего лишь переход. Хамна повел гостей вперед, и перед ним разъехались в стороны еще две плиты. Еще одна зала, залитая светом, у которой потолок еще выше, чем у предыдущей, а стены подпирают широкие каменные столбы. Но как выяснилось,

и это был всего лишь коридор. Впереди виднелся вход в покои, каменные двери которых были предусмотрительно раздвинуты. Под его сводами толпой стояли люди, среди них женщины и дети. Толпа раздвинулась, уступая дорогу Хамне, и впереди, возле противоположной стены, Найл увидел массивное каменное кресло, стоящее на возвышении. К нему вело несколько ступеней. На кресле восседал дородный, крупного сложения человек, седые волосы которого опоясывала золотистая лента. Полы длинного белого одеяния достигали до пола. Седовласый с улыбкой поднялся и приветственно протянул руку Улфу. Они сомкнулись предплечьями.

– Добро пожаловать в Диру. Мое имя Каззак.

У седовласого было широкое энергичное лицо, слегка одутловатое. Вид человека, чье слово – непреложный закон.

Внимание же Найла привлек не столько седовласый, сколько высокая грациозная девушка, стоящая возле кресла. Лицом она отдаленно напоминала Ингельд, только черты более тонкие, изящные. Обруч из блестящего металла охватывал рыжеватые волосы. Обнаружив, что и она с любопытством поглядывает в его сторону, Найл поспешно отвел взор.

Представились и гости – вначале Улф, за ним Найл и Ингельд. Седовласый, обратил внимание Найл, посмотрел на Ингельд с оценивающим любопытством, взгляд прошелся по скрывающему формы короткому платью из паучьего шелка. Платье Ингельд было гораздо короче, чем на других присутствующих здесь женщинах, включая молодую пригожую особу возле сиденья-трона.

– Это Мерлью, моя дочь, – представил Каззак. – Заведует у меня хозяйством.

Сомкнувшись с Мерлью предплечьем, Найл ощутил в себе сладостный трепет – настолько нежна была кожа девушки, и аромат от нее исходил нежный, не то что его застоявшийся запах пота. Когда она улыбнулась, показав ровные белые зубы, сердце у Найла застыло от ощущения, похожего на страх, только почему-то приятного. Самообладание, однако, сработало безупречно, внешне он остался абсолютно спокоен.

Тут на него накинута и принялась тискать в объятиях какая-то женщина, большегрудая, с удивительно белыми плечами и строгим подбородком. Найл понял, что это, должно быть, Стефна, сестра матери. Она взъерошила пареньку волосы.

– Бедный мальчик! Устал, наверное. Сейчас пойдешь поешь и сразу отдыхать.

Она церемонно поклонилась Каззаку, чуть коснувшись пола правым коленом, и, взяв Найла за руку, повела его из зала. Мерлью махнула вслед рукой, весело крикнув:

– Увидимся!

Еще один коридор, идущий чуть под наклоном, – вероятно, в жилые помещения. Найл ожидал увидеть одну на всех большую комнату; вопреки ожиданию, он очутился в широкой зале с ответвляющимися от нее коридорами. Больше всего впечатляли прямота стен и четкие прямоугольники дверных проемов. Продуманность планировки, тщательность отделки – все здесь было внове глазам неискушенного.

Стефна остановилась возле двери в боковом проходе. Две ступени, спускаясь, вели в просторную квадратную комнату, где на полу лежала тростниковая циновка. Сиденья – широкие балясины из дерева, приземистый деревянный столик метра полтора в поперечнике. Через невысокую дверь в комнату заглянула темноволосая девочка-подросток.

– Иди-ка сюда, Дона, – позвала Стефна. – Познакомься, это твой двоюродный братец Найл.

Девочка, подойдя, застенчиво потупилась, робко прикоснулась предплечьем. Большие карие глаза, смугловатая кожа. По возрасту, рассудил Найл, лет двенадцать.

Несмотря на заверения, что он не голоден, Стефна взялась за стряпню. Как-то неожиданно на Найла навалилась запоздавшая усталость – такая, что глаза смыкались сами собой, а голова стала каменно тяжелой. Кстати, была именно та пора суток, когда путники располагаются на дневку. Сам-то Найл выспался последний раз как следует лишь в той огромной кре-

пости на плато. Приятно расслабься, он лежал на постели из листьев и тростника и, как мог, отвечал на расспросы Доны. Из коридора в комнату то и дело заглядывали любопытные лица ребят. До Найла дошло: это он является предметом всеобщего любопытства. А Доне, наверное, завидуют: гость-то остановился именно у нее. Явно с удовольствием относясь к роли хозяйки, девочка вскоре утратила робость, да и Найл поймал себя на том, что ведет себя с ней как с сестренкой Руной – чуть подтрунивает, рассказывает всякую всячину. Дону так поразила его история о походе в страну муравьев, что пришлось повторить еще раз.

Когда наконец сели за стол, Найл вдруг почувствовал, что есть-то, оказывается, ох как хочется (может, потому, что здесь не так жарко), к тому же различные кушанья были очень вкусными. За едой он, насколько мог, отвечал на расспросы Стефны, но самого его неудержимо клонило в сон. К облегчению, вскоре подошел отец и главное внимание переключилось на него. Беседу Найл в основном пропустил мимо ушей, сидел и откровенно клевал носом. В конце концов их с отцом отвели в небольшую комнату с постелями из травы, накрытыми сверху матерчатыми покрывалами. Постели оказались восхитительно мягкими, и вскоре Найл уже спал без всяких сновидений.

Проснувшись, обнаружил, что возле постели сидит Дона, терпеливо дожидаясь, когда он откроет глаза. Через час, сказала она, начнется пир в честь гостей, такова воля Каззака. А пока она покажет, где можно умыться, и проведет по «дворцу» (сами обитатели называли его не иначе как «убежище»).

Найл поразился, узнав, что под этим уровнем помещений находится еще один. Добравшись в свое время сюда, люди потом углубились еще на тридцать метров и сделали ряд котлованов. На этом этаже находились помещения общего пользования, а также места, где обитатели «Дворца» справляли естественные надобности. Здесь существовала удивительно хитрая система канализации, отходы удаляла целая армия навозных жуков.

Помимо этого жители Диры приучили к работе муравьев и серых пауков. Муравьи были из тех, что «выгуливают» дающих нектар зеленых афидов. Глубоко в толще стен трудяги прорыли целые катакомбы, где устроили гнезда; там до поры до времени вскармливались личинки тли. Когда наступала пора, муравьи вытаскивали их на белый свет и относили в зеленые кущи, окаймляющие берег озера. Там муравьи их пасли как заправские пастухи, по нескольку раз на дню доили нектар, один из самых употребимых продуктов питания во «дворце». Пауков держали, чтобы добывать шелк, который после обработки терял клейкость: сырье затем перерабатывали в материю. Существовали мастерские, где женщины ткали из хлопка и паучьего шелка материю. Были целые цеха, где трудились каменотесы, обрабатывая громадные глыбы, что привозили издалека на колесах-барабанах. Так выкладывались новые галереи и коридоры. Подземный город кипел неустанной работой, словно муравейник. Не для того только, чтобы обеспечить каждого жителя едой и одеждой, – хотя это, разумеется, прежде всего. Дело было еще и в том – Найл уяснил это почти сразу, – что одной из главных бед подземного существования была обыкновенная скука. Лишь считаная часть жителей Диры выходила наружу чаще одного раза в месяц, да и то на час, не больше. Смертоносцам было ведомо, что где-то в окрестностях соленого озера обитают люди: много лет назад во время повальной облавы они схватили сотни их (Джомар, дед Найла, угодил в рабство именно тогда). Но в те годы люди обитали и в других местах, в пещерах возле заброшенного города, миль на десять ближе к побережью. После той облавы люди рассеялись по пустыне. Многие умерли. А потом Каззак сплотил их, и с помощью огня они выжили из подземного лабиринта на границе с пустыней колонию муравьев-листорезов. Так возникло убежище. За два десятка лет люди, сплоченные Каззаком, превратили убежище в неприступную крепость. Вмурованные в стены массивные глыбы служили не только для защиты от оползней. Они же не давали проникать сюда случайным насекомым.

Еще больше об истории Диры и ее жителей Найл узнал в тот вечер на пиру. Ели за низкими столиками из древесных спилов. Под ногами лежало нечто сшитое из шкур животных.

Искусные и опытные руки творили чудеса: в некоторых ковриках шкурки мелких грызунов исчислялись десятками. Ульф сидел по правую руку, Найл слева от Каззак. Голос Каззак отличался глубиной и проникновенной силой, Найл различал каждое слово. Каззак рассказывал, как они случайно обнаружили в крепости на плато орудия труда: металлические топоры, пилы, молоток и клещи – и как по фрескам на стенах гробниц учились с ними обращаться. Каменные глыбы доставлять приходилось по ночам – не приведи небо, могли заметить паучьи дозоры. Даже пастухи, присматривающие за муравьями, выгоняли свое «стадо» за час до рассвета, а возвращались лишь с наступлением темноты.

Главную трудность на первых порах составляло освещение. Хотя в здешних местах в изобилии водился жук-меднотел, из которого можно добывать масло для светильников, на нужды всего населения этого не хватало.

Но вот один из жителей, исходивший в свое время другой берег озера, рассказал, что есть там небольшой заливчик, вся поверхность которого пузырится каким-то черным, жирным, маслянистым веществом, с запахом, напоминающим горелое жучиное масло. Каззак отправил двоих на разведку. И обнаружилось, как он и ожидал, что эта черная вязкая жидкость неплохо горит, правда с обильной копотью. Небольшой же язычок огня копоти не давал. Тогда в черную жидкость стали подмешивать масло меднотела, и с той поры в городе появилась своя система освещения. Отряды мужчин, сменяя друг друга, стали носить нефть с того берега озера (шестидневный переход), а женщины и девочки-подростки наполняли светильники и подрезали фитили, чтобы не коптели.

Найл слушал, не спеша насыщаясь яствами, которые подносили одно за другим. Ему никогда не доводилось видеть такого изобилия, большую часть блюд он пробовал впервые. Джомар рассказывал о рыбе, но Найл и представить не мог, что это такое. Теперь он отведал три разных сорта – улов из реки, впадающей в соленое озеро. Мяса тоже было много, в основном круто посоленного (как с гордостью заявил Каззак, запасов провизии хватило бы на полугодовую осаду). В особый восторг Найл пришел от малюсенькой – чуть больше ногтя – мышкы, запеченной с каким-то злаком. Он один съел целую тарелищу. Из напитков подавали разбавленный водой нектар и перебродивший фруктовый сок. Здешний сок хмелил куда сильнее, чем тот, что дома. Найл не без озорства заметил, что Ингельд хлебнула явно лишку и стала не в меру общительна. Она не скрывала интереса к Хамне, да и к Корвигу, его младшему брату. Брата она поглаживала по светлым до плеч волосам, а Хамну хватала за бицепс. Где-то посреди трапезы привлекательной наружности девушка, прислуживающая гостям, невзначай запнулась на ровном месте и обронила чашку с жирным салатом прямо Ингельд на голову. Ох как хитрунья расшаркивалась! Ведь от Найла не укрылось, что все это не случайно. Перехватив украдкой взор девушки, он ободряюще ей улыбнулся; та тоже заговорщически улыбнулась в ответ. Ингельд, изо всех сил сдерживая ярость, вынуждена была удалиться в отведенную ей комнату, чтобы как-то привести себя в порядок. Однако не прошло и получаса, как она снова была на месте (успев разжиться еще и лентой, которой повязала себе лоб). От скованности и стеснительности вскоре не осталось и следа.

Каззак, несмотря на двойной подбородок и увесистый нос, наружность имел внушительную. Кстати, было заметно, что ему явно нравится демонстрировать свою власть. Он без конца теребил приказаниями слуг и вообще вел себя с подданными так, будто имел дело с непослушными детьми. К нему все относились с подлинным уважением, каждое слово венценосца встречалось поспешным одобрительным кивком. После третьей чаши вина в Каззак проснулась чванливость, и он принялся рассказывать истории, лишней раз показывающие его мудрость и прозорливость. Правдивость рассказов, можно сказать, не вызывала сомнения, но было не совсем понятно, зачем такому авторитетному вождю еще и выставлять напоказ свои добродетели.

В завершение трапезы Каззак встал и произнес тост в честь гостей. Все сидящие с дружным шумом поднялись и осушили чаши стоя. Венценосец, простецки хлопнув Улфа по плечу, предложил ему привести всю свою семью в Диру и жить здесь среди своих. Найла такая мысль пронизала безудержным восторгом: жить – кто бы мог подумать, постоянно! – в этом прекрасном чертоге. А вот Улфа идея, похоже, прельщала куда меньше. Уж кому, как не Найлу, было знать: если отец вот так раздумчиво кивает, потупив взгляд, ответа можно и не спрашивать. И все равно парень решил уговаривать отца до последнего. Вдруг да и уступит в конце концов!

Вслед за тостом Каззак попросил спеть свою дочь Мерлью. Заслышав такую просьбу, Найл слегка смутился, если не сказать большего. Когда он был совсем еще ребенком, мать песней убаюкивала его. Она, кстати, до сих пор напевала сестренкам Руне и Маре. Но чтобы вот так, прилюдно... Казалось как-то неловко.

Подобные мысли рассеялись сразу же, едва Мерлью раскрыла уста. Голос у нее был изысканно нежный, чистый. В песне речь шла о девушке, возлюбленный которой, рыбак, утонул в озере. Было в этой незамысловатой песенке что-то такое, отчего глаза застилали едкой дымкой слезы. Когда она закончила, все дружно застучали кулаками по столешницам, выражая одобрение; громче всех грохотал, понятно, Найл. Теперь ему было досконально ясно: конечно же, он не просто влюблен в Мерлью – он поклоняется, боготворит ее. Все в ней просто пьянило: и стройная фигурка, и золотистые волосы, и лучезарная улыбка. Скажи она сейчас: «Умри!» – умер бы, хохоча от счастья.

Мерлью спела еще пару песен. Одну грустную, про даму, оплакивающую сраженного в боях витязя, и забавную – о девушке, которая влюбилась в красавца кипариса. И снова Найл хохотал и грохотал громче всех, а затем с изумленной радостью вспыхнул: Мерлью, обернувшись, с улыбкой посмотрела на него. Сердце Найла гулко забилося о ребра. Он чувствовал, что предательски краснеет (хоть бы Мерлью не заметила!). Сладкая, саднящая радость охватила при мысли о том, что девица не просто удостоила его взглядом, но еще и улыбнулась.

Вслед за Мерлью на середину зала вышел Хамна и прочел великолепную балладу о короле, идущем в поход против неисчислимых вражеских полчищ. Поэзию Найл также слышал впервые, и на глаза снова навернулись восторженные слезы. Он вздохнул с облегчением, узнав, что Хамна – брат Мерлью. Юноша был так красив и декламировал с таким мастерством, что устоять перед его обаянием не смогла бы, наверное, ни одна из женщин.

Когда Хамна сел, Ингельд взяла его за руку и приложила к ней губами, от чего на лице красавчика мелькнуло недоумение.

Много песен и стихов звучало еще в тот вечер. Найл был поистине околдован. Всякая песня, всякая баллада будто уносила в иные края, и, когда умолкал последний звук, впечатление создавалось такое, будто он, Найл, только что возвратился из дальнего странствия. Героические предания наполняли сердце гордостью за то, что он человек. Вместе с тем одолевала и печаль: ведь собственная его жизнь лишена всякого героизма. Найл мысленно дал себе зарок, что при первом же удобном случае совершит что-нибудь такое, что можно будет считать подвигом. Он украдкой поглядывал в сторону Мерлью, надеясь, что девушка вновь заметит его и улыбнется, но та, очевидно, и думать о нем забыла. Вместе с тем приходилось посматривать и через столик справа: там с него не сводила глаз Дона. Это немое обожание льстило, но не вызывало ответного чувства, с таким же успехом Найл мог бы принимать преклонение своей сестренки Руны. Скажи ему кто, что Дона преклоняется перед ним так же, как он сам перед Мерлью, Найл смутился бы, но в целом остался б равнодушен.

Время шло незаметно. Наступил момент, когда появившийся откуда-то из глубины зала мальчик, приблизившись к Каззаку, что-то прошептал ему на ухо. Венценосец встал и воздел руку, требуя тишины (совершенно излишне: все смолкли еще тогда, когда он поднимался), и громко напомнил, что пастухам пора выводить к озеру муравьев. Из-за стола поднялись шестеро молодых мужчин и дружно двинулись к выходу. У двери ненадолго задержались отве-

свить поклон венценосцу. Похоже, это был сигнал к окончанию пиршества. Ушла Мерлью; с ее уходом у Найла пропал интерес ко всему, что происходит в зале. Каззак, жестом подзвав к себе Ингельд, приглашающе похлопал по сиденью рядом с собой. Женщина с покорным видом подсела. Люди один за другим начали исчезать из зала, не забывая при выходе кланяться Каззаку. Венценосец их словно не замечал, его внимание занимала Ингельд.

Найл спросил у Хамны:

– Слушай, а как вы различаете, какое сейчас время суток? Ведь вы безвылазно сидите под землей.

– У нас есть часы.

– Часы? Это что такое?

– Ведро с водой, а в днище малюсенькая дырочка. Пока вся вода вытечет, проходит ровно полдня.

Тут Найл понял, для чего, оказывается, в доме у Стефны к потолку подвешено ведро, из которого безостановочно, капля за каплей, сочится вода, попадая в другое ведро, снизу. Он в очередной раз восхитился смекалистостью жителей Диры и пожалел, что сам не из их числа.

– Ты как, устал? – осведомился Хамна.

– Не особо, спать вообще не хочу.

– Как насчет того, чтоб прогуляться наружу вместе с пастухами?

– А можно?

– Надо пойти спроситься у венценосца. Без его пропуса далеко не уйдешь.

Юноша, подойдя к Каззаку, почтительно склонился. Венценосец лишь раздраженно покосился, кивнул и нетерпеливо махнул рукой: мол, ступай куда хочешь. Хамна возвратился с довольным видом.

– Двинулись, пока он не передумал.

Наружу выбрались через проход где-то на самых задворках. Хамна сказал стоящим возле лаза караульным, что у них есть разрешение венценосца на выход, и получил два небольших деревянных кружка.

Хамна сунул их в небольшую кожаную сумку, притороченную к поясу.

– Если потеряем, считай, что обратно не попадем.

– К чему такие строгости? – недоуменно спросил Найл.

– Для безопасности. Входить и выходить без разрешения может только венценосец. Видал, сколько нас здесь в убежище? Вдруг кто-нибудь пойдет прогуляться наружу без спроса, а тут – паучий дозор? Это же всем крышка! Вот почему у нас все так строго.

– А тебе зачем подчиняться?

– Как же иначе!

– Ну ты же сын венценосца?

– Все мы тут сыновья венценосца, – открыл странное обстоятельство юноша.

Ясная звездная ночь была на исходе, восточная часть небосклона уже засветлела. Со стороны озера тянуло зыбкой прохладой. Удивительно приятно было вновь чувствовать на коже упругое дуновение ветерка.

Впереди шагал пастух, следом преданными дворняжками семенило с полдюжины муравьев. Хамна, нагнав пастуха, разговорился с ним об афидах, у которых в нынешнем году особенно высокие надои. Найл рад был остаться наедине со своими мыслями. А думал он о красоте Мерлью, о сказаниях и песнях, которые довелось услышать. От всего этого душа наводнялась трепетным, щемящим чувством. По мере того как небо постепенно светлело и стеклянистая гладь озера отражала его нарождающуюся прозрачность, юноша пытался вообразить, какой вид имел бы мир, не виси над ним зловещая угроза пауков; мир, где люди, не таясь, живут на земной поверхности, идут куда хотят. Когда пастух свернул с извиистой тропы в окаймляющий ручей кустарник, Найл спросил у нового знакомого:

– Слушай, а если бы смертоносцы пронюхали о вашем убежище, что тогда?

– Да уж жить стало бы поопаснее. Но мы бы им дали!

– И что, прям одолели бы?

– Отчего нет. Видишь ли, мы сделали все, чтоб убежище стало неприступным. Тут только два входа, причем настолько узкие, что их запросто может защищать один человек. Так что если им нас брать, то только осадой, измором. У нас же запасов еды на полгода, если не больше. Кроме того, я слышал, что пауки терпеть не могут жары, а здешние места превращаются летом в печку. В общем, уцелеть, я думаю, нам не так уж и сложно.

– Выходит, смертоносцев вы не боитесь?

– Спрашиваешь! Чего нам их бояться!

Голос парня звучал так твердо, что не возникало сомнения в правдивости слов.

Между тем вышли к самому берегу озера. На той стороне, как раз напротив, всходили к небу горы, словно окаменевшие волны земли: величавые, пологие валы, переходящие в крутые гребни высотой с плато. Ширина озера в этом месте была с десяток миль, не меньше; отливающая серебром светло-серая гладь ошеломляла своей красотой. Глаза Найла привычно высматривали на утреннем небе паучьи шары: красота в его понимании была извечно связана с опасностью. Небо было ясным и наливалось уже лазоревой голубизной.

– О-па! – зычно крикнул Хамна, неожиданным движением скидывая тунику. Три пружинистых прыжка, и он уже по плечи в воде. Минуты не прошло, как он уже возвратился на берег, неся в руках крупную квелую рыбину.

– Вот, заплывают из ручья, а в соленой воде жить не могут. Их обычно склевывают птицы, если мы не успеваем перехватить.

Добычу Хамна положил на берег, насыпав сверху горку камней, и опять бегом устремился к воде.

– Давай за мной!

– Да я, в общем-то, плавать не умею.

– Научишься! В такой воде любой поплывет.

В этом Хамна оказался прав. Зайдя в озеро по грудь, Найл неожиданно почувствовал, что его поднимает ото дна. Секунда, и он уже всем телом толкался вперед, тесня плечами жестковатую воду. Хамна показал, как надо плыть – в такт, разом, двигая руками и ногами, и вскоре Найл уже разрезал гладь как заправский пловец. Вкус у воды был неприятный, все равно что из колодца в их пещере, даже резче. Что-то неожиданно задело ногу, Найл тревожно вскрикнул. Плывущий рядом Хамна проворно нырнул и появился обратно, держа еще одну рыбину. В течение полчаса наловили их с полдесятка.

Прошлепав затем на берег, они завернули рыбин в кусок материи, которую Хамна извлек из своей сумки, и пошли песчаным пляжем туда, где втекает в озеро река. К этому времени вода на теле высохла, и Найл почувствовал, как неприятно стягивает кожу. Но не беда, липкий осадок скоро смыли в ручье. После этого – блаженство! – улеглись в тени пальмы под еще не озлобившимся солнцем.

Найлу еще о многом хотелось расспросить.

– А почему ты говоришь, что вы все сыновья венценосца?

– Потому что все у нас в городе имеют равные права. Кроме того, у венценосца много детей.

– А сколько?

– Ну... примерно с полсотни.

– Ого! Так сколько у него тогда жен?

Хамна прикинул, прежде чем ответить.

– Где-то с полтора, не меньше.

Найл подумал, что ослышался.

– И где же они все живут?

– Как положено, с мужьями.

– Но ты же вроде сказал, что их муж – сам венценосец?

Хамна терпеливо, как какому-нибудь малолетнему оболтусу, разъяснил:

– Само собой, есть у них мужья. А заодно они принадлежат еще и венценосцу, все. Какая ему понравится, ту он и выбирает.

Это ввергало в оторопь.

– И мужья-то что, не против?

– Выходит, что нет. Если они не хотят здесь жить, могут идти обустроиваться, где им вздумается. Но они никуда не уходят.

В голове у Найла оформилась мысль.

– А если б мы перебравшись жить сюда, моя мать тоже стала бы женщиной венценосца?

– А как же. Если бы приглянулась.

У Найла опустилось сердце. Все дальнейшие расспросы отпадали. Нечего и думать, что отец согласится здесь жить.

Тут он задал вопрос, не дающий покоя с самого их прибытия в город:

– А у принцессы Мерлью есть муж?

– Пока нет. Ей еще семнадцать лет. К тому же у нее дел невпроворот. С той поры как умерла ее мать, она заправляет всем хозяйством венценосца.

Хотя бы это приносило облегчение. Хамна, широко зевнув, сел.

– Пора подаваться обратно. Скоро наведаются смертоносцы.

– Они прилетают сюда каждый день?

– Нет, что ты! Тем более в это время года. Сейчас время песчаных бурь.

В сравнении со вчерашним в убежище показалось совсем сумрачно. В коридорах горело лишь по несколько светильников. Вчера-то венценосец распорядился запалить в честь гостей все светильники, а нынче зажжено обычное количество.

В жилище Стефны сидела за вышиванием лишь одна Дона. Мать ее, вероятно, находилась на работе в швейном цеху. Все, кому исполнилось двенадцать, обязаны были по несколько часов в день отдавать труду. Завидев Найла, девочка засияла от радости и тут же спросила, не желает ли он с ней сыграть.

– Во что?

Вместо ответа Дона достала горшочек, в котором лежало несколько цветных камешков, и продемонстрировала с ними несколько фигур. Вот камешки лежат на ладони, а надо их подбросить и изловчиться, чтобы все до единого упали на тыльную сторону ладони; и чем дальше, тем сложнее. Потом играли в отгадки – кто точнее угадает, сколько камешков спрятано в руке. А там, глянув на водяные часы, Дона спросила:

– Хочешь пойти на общую игру в большой зале?

Найла клонило в сон.

– Я б лучше вздремнул. А что за игра?

– После десяти часов ребята играют вместе. В прятки, жмурки, чехарду...

– Там, наверное, все младше меня?

– Нет, что ты! Мерлью часто играет, а ведь ей уже семнадцать.

– Ладно, схожу. – Найл удивился сам себе: голос-то даже не дрогнул.

В большой зале теснилось тридцать – сорок ребят, лет примерно от десяти до пятнадцати. Водил Айрек, паренек бойкого вида. На вид лет ему было около одиннадцати. Найлу стало неловко. Заводила, объяснила Дона, выбирается всякий раз новый, сроком на неделю. Это делается, чтобы развивать у ребят самостоятельность. Когда мальчиков познакомили, Айрек спросил:

– Тебе сколько лет?

– Шестнадцать.

– Что-то не больно похоже. Вон Клесу только четырнадцать, а он повыше тебя будет.

– Пожил бы ты, где я живу, тоже не больно бы вымахал. Кормежка у нас не сытная, понял?

– А здесь, кроме еды, и заняться толком нечем, – со вздохом сказал Айрек.

Найл призадумался над таким замечанием. Айрек хлопнул в ладоши.

– Ну ладно, давайте начнем с «флейты». Дона, ты у нас будешь флейтисткой, остальные рассаживайтесь.

Ребята начали располагаться на полу рядами; Дона особняком, спиной к остальным. Найлу, сидящему в переднем ряду крайним, протянули гладко обструганную палочку сантиметров десяти.

– Палочка передается из рук в руки, пока играет флейта, – разъяснял Айрек. – Как она замолкает, у кого в руках палочка, должен поцеловать в своем ряду соседа. И тот выбывает из игры.

Возле Найла сидела голубоглазая девчушка лет десяти, застенчиво потупившаяся под его взглядом.

Едва Дона начала играть, как заводила неожиданно крикнул:

– Стоп! Мерлью, будешь играть?

Сердце у Найла гулко стукнуло. Принцесса вошла в залу незаметно, через боковой проход. Наряд из пятнистого меха оставлял руки и стройные длинные ноги непокрытыми.

– Прошу прощения, припозднилась, – извинилась девчушка.

Айрек милостиво кивнул.

– Ничего. Усаживайся вон посередине.

Найл сумел сдержаться и не повернул головы в ее сторону; Мерлью расположилась возле него. Плечо ощущало тепло, лучащееся от ее кожи.

Дона приступила к игре. Найла удивило ее мастерство: девочка куплет за куплетом выводила веселый наигрыш. Мелодия звучала все быстрее и быстрее, и участники в такт перекидывали палочку друг другу. Иногда Дона неожиданно замолкала. Тогда зала разражалась громким хохотом: держащему палочку участнику полагалось поцеловать своего соседа. Постепенно в рядах возникали прогалины: участники один за одним выбывали из игры. Нередко складывалось так, что мальчику приходилось целоваться с мальчиком, а девочке с девочкой. В таких случаях неминуемо раздавались смешливые возгласы, лица смущенно вспыхивали. Найл веселился наравне со всеми. Через несколько минут в игре остался лишь десяток участников, и Айрек велел им собраться в круг. Теперь палочка просто мелькала по кругу; Дона специально медлила с паузами, нагнетая азарт. Всякий раз, когда палочка оказывалась у Мерлью, Найл втайне заклинал, чтобы музыка остановилась. И надо же, через несколько минут, когда она протянула руку в его сторону, музыка действительно оборвалась. Чтобы как-то скрыть распирающее грудь волнение, Найл широко улыбался. Мерлью без тени смущения охватила голову юноши руками и, приблизившись к его лицу, уверенно приложила к губам. Стоящие вокруг одобрительно рассмеялись. На какой-то миг их взоры встретились: в глазах Мерлью была холодная насмешка. Секунду спустя девчушка встала и присоединилась к остальным. Когда шел следующий круг, Найлу выпало целовать сидящую рядом девчушку. Та, подняв личико навстречу, не отрывалась от его губ несколько дольше положенного. «О-о-о!» – со смешливым одобрением затаили зрители. Покидая круг, Найл заметил, что девчушка залилась краской.

Утренние часы пронеслись единым мигом. Внезапно Найл с недоуменным восторгом понял, что вызывает живой интерес – особенно у девчонок, – а ребята настроены не заносчиво, а очень даже дружески. Когда заводила велел девочкам выбирать себе напарника для бега в «три ноги», Найла пригласили одновременно сразу трое. Победила ширококостная темноволосая девица по имени Найрис. Они прибежали первыми, чуть опередив Мерлью и ее напарника. После этого ребята помладше сели отдыхать, а Айрек объявил, что последней игрой на сегодня

будет состязание по борьбе для тех, кому уже есть тринадцать. Найл удивился, но вовсе не расстроился, узнав, что к состязанию допускаются и девочки. Пол застелили мягкими, набитыми травой тюфяками. Выбор снова был за девочками, и опять получилось так, что Найл оказался в паре с Найрис.

Поединок всякий раз начинался с того, что соперники, усевшись друг к другу лицом, вплотную сводили предплечья и сцеплялись пальцами. Затем, сомкнувшись по команде ногами, соперники пытались накренить друг друга назад. Когда один отодвигался настолько, что предплечья трудно было уже удерживать вместе, другой набрасывался и, обхватив руками и ногами, силился соперника опрокинуть. И, уже лежа, борцы барахтались до тех пор, пока одному не удавалось взобраться на поверженного и прижать обе его руки к тюфяку. Судьи – ребята помладше – давали очки, бдительно следя за каждым моментом поединка.

Найрис, будучи поплотнее своего соперника, без труда выиграла первый тур состязания. Однако когда дело дошло до самой борьбы, масса тела уже не могла служить выручкой, и вскоре Найл уже сидел наверху, притиснув руки соперницы к полу. Поднимаясь, он с радостью заметил, что Мерлью одолела своего противника, широкоплечего, но не совсем расторопного юнца, которого сумела прижать, навалившись всем телом. Было ясно, что силы в ней куда больше, чем казалось на первый взгляд.

Следующие двое соперников Найла были мужского пола, причем оба превосходили его и ростом и весом. Но как и Найрис, им недоставало ловкости, так что он одолел их без особого труда.

И вот надежда сбылась. Они с Мерлью остались единственными единоборцами. Оба изрядно запыхались, так что, прежде чем дать сигнал к началу поединка, Айрек дал им отдышаться. Затем они сели друг к другу лицом и сдвинули предплечья. Волосы у Мерлью разметались, к повлажневшему лбу пристала одна прядка – просто загляденье!

Айрек дал команду начинать. Мерлью, проявив неожиданную прыть, бросилась на Найла, с силой его толкнув. Он подался назад под одобрительный гул зрителей. Девушка, моментально оседлав соперника, пыталась свалить его, пока не успел опомниться. Но подловить Найла второй раз было невозможно. Их руки сомкнулись, ноги тесно переплелись – кто кого. Мерлью притиснулась щекой к щеке Найла, жарко дыша ему в самое ухо. Ощущение оказалось настолько приятным, что Найл даже ослабил натиск и, вместо того чтобы одолевать соперницу, просто наслаждался тем, что чувствовал ее тело в своих объятиях. Мерлью пошла на хитрость: приослабила натиск, а затем навалилась вновь, но Найл реагировал быстрее и опередил ее.

В этот миг он мимолетом заметил, что к числу зрителей прибавились еще двое. Из прилегающего к зале внутреннего покоя вышел Каззак, а следом показалась Ингельд. Найл, на секунду замешкавшись (не прогневаются ли венценосец, увидев дочь в объятиях гостя), чуть ослабил хватку. Мерлью, отчаянно крутнувшись, вывернулась из-под соперника и повалила его на тюфяк. Несколько минут они, пытаясь, возились, пока у Мерлью наконец не получилось прижать одну его руку к полу. Тут Найл пошел на ту же хитрость, что только что использовала соперница: неожиданно расслабив тело, якобы пошел на попятную. Мерлью тоже чуть расслабилась. Тут, резко и мощно вскинувшись бедрами, Найл отбросил соперницу в сторону, притиснул ее руки к полу, а сам очутился сверху, улегшись поперек распростертого тела.

– Так нечестно! – выдавила она.

Но Найл прижал ее к земле своим весом. Осмотрительно сместившись, он улегся еще надежнее – вдоль, – припирая голову девушки своей. Теперь оставалось совладать с ее руками. Ухо Найла обдавало тепло ее дыхания. Судя по всему, они находились в положении, когда шансы у обоих примерно равны. Сейчас соперницу можно было вполне одолеть грубой силой, но Найлу было как-то неловко от того, что это будет торжество всего лишь мускулов, а не умения.

И тут ощутил влажное прикосновение ее губ возле уха, словно девушка собиралась что-то прошептать. Вот – он явственно почувствовал – губы приоткрылись, и мочки уха игриво коснулись зубки. Ощущение ошеломляло острой чувственностью. Прежде чем Найл осознал, что именно произошло, красотка вырвалась из-под него и резким движением высвободила руки. Спустя миг она уже цепко держала его за запястья, силясь закрутить ему руки за спину.

– Ну плутовка! – рассмеялся Найл.

– Как ты, так и я, – отозвалась она шепотом. Слабая от смеха, он позволил Мерлью прижать свои ладони к тюфяку. Делая триумф еще более наглядным, девушка взобралась на поверженного соперника и уселась ему на живот. Зала огласилась громким радостным гомоном. Было заметно, что рот Ингельд кривит насмешливая улыбка. Каззак, выйдя вперед, ласково потрепал дочь по волосам. Мерлью легко вскочила на ноги, на Найла даже не взглянув.

– Теперь видишь, почему я доверил ей заправлять всем хозяйством?

Ингельд усмехнулась двусмысленно:

– Просто замечательная юная госпожа, – и легонько ткнула Найла под ребра босой ногой. – Давай поднимайся, мальчонка, – этак приветливо, просто как старшая.

Когда позже Найл и Дона возвращались по коридору, девочка заметила:

– Зря ты ей поддался.

– А что я мог сделать?

– Я видела, как она словчила. Укусила тебя за ухо. – Потянувшись, она коснулась мочки его уха. – Больно было?

– Да нет, что ты, – ответил он негромко.

– Она хитрофанка, каких поискать, – сказала Дона знающе.

Найл отчего-то почувствовал себя виноватым.

– Я, вероятно, тоже.

– Ты? Скажешь тоже!

Девочка обхватила Найла за руку и склонила ему голову на плечо.

В тот вечер, когда укладывались спать, отец сказал:

– Завтра отправляемся домой.

– Завтра?! – В голосе Найла слышались удивление и разочарование.

– Ты что, не хочешь домой?

– Почему, хочу. – Голос Найла звучал без особой уверенности. – А может, все же можно задержаться еще на денек-другой?

Ульф положил ладонь на голову сыну.

– Думаешь, тогда ты будешь готов отправиться?

– Д-да, – опять же неуверенно выдавил Найл.

Отец, насупив брови, посмотрел на сына, покачал головой.

– Ты хотел бы остаться здесь?

– А то нет! – с готовностью воскликнул Найл. – Если бы все наши перешли сюда вместе с нами.

Ульф покачал головой.

– Это невозможно.

– Но почему, отец? Тебе здесь что, так уж худо?

– Почему же. Просто я не думаю, что смог бы здесь прижиться.

– Почему?

– Не так просто это объяснить. – Отец со вздохом улегся на постель и закутался в одеяло. –

Но если хочешь, оставайся, я пойду один.

– Ну зачем уж так! – воскликнул сын пристыженно.

– А что? Обратную дорогу я знаю. Хамна вызвался меня проводить до дальнего конца плато. А там до дома уж рукой подать.

– А я что, останусь здесь?

– Тебя можно будет забрать позднее. Стефна говорит, что очень была бы рада, если бы ты погостил.

Соблазн был велик. Остаться в доме, где живет очаровашка Дона – почти сестренка, каждый день видеть Мерлью...

– А что венценосец?

– Как раз он это и предложил.

– А что ты об этом думаешь?

– Я б хотел, чтобы у сына была своя голова на плечах...

Через несколько минут дыхание Улфа стало ровным и глубоким: заснул. А у Найла всякое желание спать пропало. Через прикрывающую дверной проем занавеску цедился свет единственного светильника, словно живые, разгуливали по потолку тени. Откуда-то со стороны коридора доносились приглушенные голоса, звук шагов; мимо проходили по своим делам люди. До полуночи оставалось еще часа два, а в целом дворец Каззака, похоже, вообще не утихал до самого рассвета. При отсутствии дневного освещения чувство времени как-то смещается, а с ним и часы, отведенные для сна.

Остаться-то как хочется! В пещере он, по сути дела, и не нужен. С той поры как Вайг выдрессировал муравьев и осу, охота стала скорее развлечением, чем необходимостью. В нескольких милях от пещеры изобилие пищи. Сам Найл, как сказал Улф, может возвратиться сразу, как захочет. Почему бы не задержаться здесь на несколько недель или месяцев... а то и дольше?

Очень хотелось найти какую-нибудь достаточно вескую причину. Но не давала покоя мысль, что семья без него осиротеет. Тогда Найл задумался над тем, что именно его здесь держит. Первый довод, совершенно неоспоримый: Мерлью. Вспомнилось жаркое прикосновение ее губ и то, как покусывают ухо беленькие зубки. Представилась тесная близость стройных ног, и сердце зашло от неумного, беспричинно-радостного чувства.

Позволил себе помечтать о том, как, может, возьмет Мерлью в жены, а то еще и усядется со временем на трон Каззака. И вот тут-то в груди шевельнулось вдруг сомнение. Вспомнились слова Айрека: «А здесь, кроме еды, и заняться толком нечем...» И Найл не на шутку задумался: а каково это – год за годом сидеть под землей? Дома он, по крайней мере, волен покидать жилище и приходить когда вздумается. Там наверху ждал постижения целый мир. Мир чудес наподобие той страны муравьев или исполинской крепости на плато. Здесь же только тем и живут, что трусливо прячутся от смертоносцев.

Картина вырисовывалась совершенно ясная. Живи он в этом городе, дни протекали бы в сытости и благополучии. Родившийся здесь ребенок мог вырасти, состариться и умереть, ни разу в жизни не испытав бердящего чувства постижения нового. Отчего Дона так набрасывалась на него с расспросами о жизни в пустыне, путешествии в страну муравьев? Потому что для нее все это олицетворяет мир, исполненный и опасности, и одновременно с тем захватывающих возможностей. Для детей подземного города каждый день жизни здесь – лишь нудное, неизменное повторение предыдущего, привычка.

Вот в чем дело, внезапно уяснил Найл. Вот оно что: привычка. Привычка – тяжелое теплое одеяло, грозящее удушьем. Убаюкивает ум, нагнетая неизбежное чувство смутного недовольства. Сдаться во власть привычки – значит застыть на месте, утратить способность к изменению, развитию...

Донесшийся из-за стены приглушенный смех отвлек от раздумий: по коридору гонялись друг за другом двое ребяташек. Снова вспомнилось об играх в большой зале, О Мерлью. Окрепшая было решимость мгновенно улетучилась. О какой скуке может идти речь, если он каждый день будет видеть Мерлью?

Найл лежал с открытыми глазами вот уж больше часа, а сон все не шел. Пошли мысли о Каззаке. Почему венценосец предложил отцу, чтобы он, Найл, остался? А вдруг его об этом попросила Мерлью? Эх, если б можно было с кем-нибудь обо всем этом поговорить, а не валяться здесь, когда голова разбухает от неразрешенных загадок!.. Может, Стефна еще не спит?

Осторожно, чтобы не разбудить отца, он выскользнул из-под одеяла и на цыпочках прокрался к двери. Соседняя комната оказалась пустой. Пробравшись через нее, Найл остановился возле занавески, ведущей в комнату Стефны и Доны, и прислушался. Спят: дыхание ровное, глубокое. Найл подошел к выходу в коридор и выглянул наружу. Надо же: навстречу шел Корвиг, младший брат Хамны, в обнимку с девушкой.

– Здравствуй, Найл. Что подельываешь? – спросил тот.

– Так, сон что-то не берет.

– Сон? Какой сон, времени всего ничего! Мы вот идем домой к Найрис поиграть во что-нибудь. Хочешь, пойдем с нами?

– Наверное, ни к чему, – виновато потупив голову, рассудил Найл. – Мы с отцом, должно быть, утром отправимся обратно, так что надо хорошенько покемарить.

Жаль, что Корвиг не один, можно было бы спросить у него совета. Корвиг просунул Найлу руку под локоть:

– Да ладно тебе, храпануть всегда успеешь. Давай ходим.

Девушка – глаза большие, выразительные – спросила:

– А почему ты так скоро отсюда сматываешься?

– Отец говорит, пора обратно. Если б уговорить его задержаться на несколько дней... –

Он повернулся к Корвигу. – Ты не мог бы попросить своего отца, чтобы переговорил с моим?

Они вышли в главный проход, ведущий в большую залу.

– Он сейчас там, – кивком указал Корвиг, – почему б тебе самому его не попросить?

Венценосец прохаживался в одиночестве, вчитываясь в пергаментный свиток, который держал возле самого носа. Встречные почтительно пригибали на ходу головы, хотя владыка едва ли кого замечал. Корвиг, приблизившись к отцу, склонил голову и негромко произнес:

– Властитель... – Каззак вскинул голову, раздраженно сверкнув глазами, но, заметив Найла, милостиво улыбнулся.

– Прошу прощения, властитель, но Найл хотел бы тебя кое о чем спросить, – сказал Корвиг.

– Да-да, я весь внимание. – Каззак взял Найла за руку. – О чем ты хочешь спросить меня, мой мальчик?

– Я насчет нашего завтрашнего отхода, властитель...

По лицу Каззака пробежала тень.

– Завтра? Так скоро? Почему бы тебе не задержаться?

– Именно об этом я и хотел тебя просить. Не мог бы ты уговорить моего отца?

Каззак с рассерженным недоумением пожал плечами.

– Об этом у нас с ним уже был разговор. Твой отец сказал, что переживает об оставленной семье. Но оговорился, что это не повод к тому, чтобы и ты уходил вместе с ним.

– Я как раз хотел остаться.

– Неужто? Прекрасно!

Приветственно кивнув, напротив венценосца выжидательно остановился стражник.

– Знаешь, – сказал Каззак, – я сейчас занят, а ты, думаю, мог бы сходить и поговорить с Мерлью. Она сейчас, видимо, одна.

– Благодарю тебя, властитель.

Покои венценосца занимали два этажа, соединяемые короткой лестницей. Стоящий внизу стражник посторонился, уступая дорогу. Найл оказался в обширной сводчатой зале, где

потолок подпирали каменные колонны, а стены были завешены богатыми зелеными занавесами. От доброй дюжины светильников было светло как днем.

В зале, судя по всему, никого не было. Найл прошел к занавешенному дверному проему в противоположной ее части, заглянул. Большая опрятная комната: деревянная резная мебель, на полу циновка; здесь также щедро горят светильники. И опять же никого.

Справа от входа в залу вверх уходила еще одна лестница. Подойдя и остановившись возле, Найл вслушался. Откуда-то сверху, похоже, доносились голоса. Юношей овладела нерешительность. Что о нем подумают, если он будет вот так бесцеремонно разгуливать здесь? Впрочем, у него же есть разрешение венценосца. Бесшумно ступая босыми ногами, он поднялся по каменным ступеням. Показался хорошо освещенный коридор с невысоким потолком, по обе стороны тянулись занавешенные дверные проемы. Со стороны одной из комнат доносились женские голоса. Найл, нерешительно приблизившись, хотел было спросить: «Здесь есть кто-нибудь?» В этот момент одна из женщин неожиданно рассмеялась. Голос он распознал тотчас же: Ингельд. В уме бдительно шевельнулось – отойти, не лезть. Но, уже повернувшись, юноша уловил, что речь, собственно, идет о нем самом. Пока прикидывал, как поступить, Ингельд продолжала:

– ...сам он здесь ни при чем. Во всем виноваты отец его и брат.

Голос Мерлью:

– Как это случилось?

– Не знаю. Они не рассказывали. Оттого-то я и подозреваю, что дело нечисто. Разве расскажут они женщине, как погибли ее муж и сын!

– Может, они просто щадили твои чувства?

– Они-то! – воскликнула Ингельд презрительно. – Можно подумать, им есть до этого дело! Я вот что скажу. Они чуть не бросили меня на произвол судьбы в той крепости на плато.

– Да вы что? Как можно!

– Я не переносу высоты, а как глянула со склона на все те ступени, у меня просто ноги подкосились. Они же просто повернулись ко мне спиной и полезли спокойнехонько вниз.

– Ужас какой! И что же ты?

– А что? Зажмурилась и отправилась следом. Провожатых моих уж и видно не было, а я как вспомнила обо всех тех страшилищах-пауках...

В голосе Мерлью звучал неподдельный гнев:

– Это же надо, так обойтись с женщиной!

Ингельд презрительно фыркнула:

– Да что им женщины? Дикари же...

Нависла гнетущая тишина. Уходить надо, решил Найл. Ему было совестно за это невольное подслушивание. Но не успел он сдвинуться с места, как Ингельд вдруг спросила:

– Тебе, похоже, нравится этот парнишка?

– С чего ты это взяла?

– Как вы с ним нынче катались по полу...

– Не понимаю, о чем ты, – холодно заметила Мерлью, – состязания по борьбе – один из наших обычаев.

– Венценосец рассудил, что он тебе приглянулся.

– Приглянулся? Этот щедушный? Шутишь!

– А остальным он, похоже, нравится.

– Ну и что. Это потому, что он здесь новенький, вот всем и любопытно. Но это ненадолго. Скоро к нему привыкнут и перестанут замечать.

Найл, стараясь ступать как можно тише, с пылающим лицом тронулся прочь. Грудь давила изнутри непривычная, каменная тяжесть – примерно так же, как тогда, когда услышал весть о смерти Торга и Хролфа. Кровь гулко стучала в висках. Унижен. В проходе стоял

стражник. Найлу было неловко даже проходить мимо; казалось, все чувства проступают на лице яснее ясного. Но тот лишь дружелюбно кивнул. Возвращаясь по главному коридору, Найл жался к стенам, боясь выходить из тени, – хоть бы никто не попался навстречу, не заговорил с ним! А в голове звенело гулким эхом: «Приглянулся? Этот тщедушный? Шутишь!» Да уж... Теперь все ясно. Разумеется, дочери венценосца он кажется не более чем заморышем. От такой мысли плечи никли от стыда за себя.

Вместе с тем, воссоздав в памяти картину сегодняшнего утра, Найл рассудил, что Мерлью определенно с ним заигрывала. Зачем, скажем, прикусила ухо? Или улыбнулась – скрытно так, – когда прошались? Неужто попросту играла с ним? Народясь и окрепнув, горький гнев вытеснил робкую беспомощность. «Ненавижу», – решил Найл. Все лучше, чем изнывать от безысходной сосущей тоски, от которой, того и гляди, из глаз брызнут слезы.

– Где был? – голосом отца спросила темнота, когда Найл возвратился в спальню.

– Не спалось, решил сходить погулять.

Поворочавшись, юноша устроился на травяной постели, одеяло натянув до подбородка. Помолчав, сказал:

– Я подумал насчет завтра. Я с тобой.

Ульф кашлянул.

– Давай-ка спи. Выходить предстоит спозаранку.

А у самого в голосе плохо скрытая радость. Уж кто, а Найл хорошо знал своего отца.

Город оставили за час до рассвета, выйдя вместе с муравьиными пастухами. Путников сопровождали Хамна и Корвиг, получившие на то особое распоряжение венценосца. Сам Каззак проводил гостей до самого выхода, там, обняв, расцеловал обоих в лоб и щеки. К счастью, венценосец не стал допытываться, отчего юноша передумал оставаться. Галереи подземного города в этот час были пусты. У Найла к горлу подкатил комок непрощенных слез: все это он, судя по всему, видит в последний раз.

– Помни, – еще раз повторил Каззак Улфу. – Ты получил от меня приглашение вернуться сюда со своей семьей. – И добавил задумчиво: – Сайрис в последний раз я видел, когда она была еще совсем девочкой.

Ульф почтительно кивнул.

– Мы все с ней обговорим, властитель.

(Найл знал наперед: никакого разговора не будет.)

– Уж ты постарайся, – сказал напоследок Каззак и заспешил обратно внутрь. Предрасветный ветер для него, видно, был чересчур прохладен.

Полоска неба на востоке чуть посветлела, а над головой все еще стояла непо потревоженная мгла. Впереди свет звезд отражался на недвижной глади озера. Зрелище так зачаровывало, что даже горькие мысли о Мерлью на время забылись. Но вскоре в памяти снова всплыли слова об «этом тщедушном», и настроение опять пошло на спад. Так что следующие полчаса или около того юноша тешился тем, что рисовал в уме картины, где гордичка Мерлью платит за причиненную ему обиду. Вот ее ловят и тащат к себе в город пауки-смертоносцы. У нее остается одна надежда – на Найла...

– Мы решили, что через плато вообще не стоит идти, – вклинился Ульф. – Каззак сказал, быстрее будет, если пойдем через горы на северо-западе...

– Я здесь ничего советовать не могу, – скромно заявил Хамна. – Никогда не забирался в такую даль. Но мне говорили, по ту сторону гор земля лучше. Там последний десяток лет исправно шли дожди.

Все вместе они добрались до берега озера и двинулись напрямик на запад. Поклажа была тяжелее, чем неделю назад, когда выходили из пещеры (Каззак не поспешил на харчи), но в целом нести было не очень обременительно: путников снабдили заплечными кузовами, которые приторачивались к поясу специальными лямками.

Когда небо высветлилось, Найл обернулся через плечо и неожиданно увидел паучьи шары, отражающие лучи восходящего солнца. Шаров было два, оба плыли на порядочной высоте в сторону соленого озера. Найл поспешил предупредить остальных, и все путники укрылись под кривыми сучьями боярышника. Пауки вряд ли могли их заметить: день едва занимался, да и шары проплывали на высоте не меньше ста метров. Хамна и Корвиг, заметил он, не то что не всполошились, даже не обеспокоились. Они повынимали из кузовов фрукты и стали жевать с таким беспечно-рассеянным видом, будто находились где-нибудь на увеселительной прогулке.

Выждав, когда шары скроются за горизонтом, путники выбрались из укрытия и пошли берегом озера. Найл уточнил:

- Я смотрю, не очень-то вы с паучками осторожничаете.
- Как-то научились с ними обходиться, – откликнулся, пожав плечами, Хамна.
- Но... – Поймав упреждающий взгляд отца, Найл осекся.

С рассветом поднялся ветер. Его направление менялось несколько раз, в конце концов возобладал северо-западный. По мере того как утро разгоралось, он окреп, сделался сухим и жарким. И вот уже пахло раскаленным дыханием пустыни. Вскоре это уже и ветром нельзя было назвать; походило скорее на бурю, несущую косматые сонмы пыли и колкого песка, от которого из глаз неудержимо струились слезы. Хамна и Корвиг сникали на глазах, было видно, что увеселительная прогулка все больше превращается для них в испытание на выносливость. Свои накидки они обернули вокруг лица, оставив лишь узкую щель для глаз, и так шли, с силой преодолевая порывы встречного ветра. Примерно через полчаса Ульф предложил им повернуть назад. Те вначале отнекивались, считая делом чести сопровождать путников хотя бы первый день пути. Ульф заметил, что главная ценность совместного пути – словесное общение – при такой погоде явно теряется. Больше уговаривать не пришлось. Они обнялись, пообещали друг другу непременно встретиться вновь и расстались. Хамна с Корвигом повернулись к ветру спиной с явным облегчением.

Теперь Ульф озабоченно прикидывал, разумно ли будет отправиться через горы. Это легче, чем через плато, зато дольше, хотя в секущем этом ветре, от которого растрескивались губы, разница скрадывалась. Согнувшись в три погибели и шурясь сквозь напряженно подрагивающую щель в намотанной на голову материи, путники упорно двигались вперед, проделывая в час около пяти миль. Найл с вожделием поглядывал на подернутые крупной рябью воды соленого озера, но знал, что купание на пользу не пойдет. Если, искупавшись, не смыть соленую воду в ручье, ощущения будут еще хуже.

К той поре, когда солнце достигло зенита, оба выбились из сил. Привал и обед договорились устроить в ближайшей же рощице или кустарнике, как только те подвернутся. Но вот еще две мили позади, а вокруг ни деревца, ни кустика. Через полчаса путники определили, что находятся на западной оконечности озера и дорога теперь лежит через пустыню к изрезанным горным отрогам и пересохшим руслам рек.

В этом месте Найл неожиданно для себя различил в паре сотен метров справа предмет, напоминающий большой валун. Тронув отца за плечо, он молча указал головой в сторону камня. Ульф кивнул, и они заспешили туда. Прошли с полсотни метров, и стало ясно, что это не камень, а остатки строения. Основная его часть была погребена под слоем песка, к небу всходили лишь изломанные контуры стен.

С западной стороны строения надуло целую песчаную дюну. Взобравшись туда, где полуразрушенная стена была ниже, отец с сыном увидели запорошенный толстым слоем песка внутренний дворик. В глубине, на противоположной стороне двора, виднелись ступени, изрядно выщербленные ветром. Ступени всходили на вершину башни, теперь уже укороченной вдвое по сравнению с прежними размерами. В целом строение напоминало ту самую крепость на плато, только более мелкую и обветшалую. Какое-никакое, а пристанище от ветра.

Спрыгнув на мягкий песок внутри стен, путники испытали несказанное облегчение: все же оазис покоя.

Оба так вымотались, что следующие полчаса просто сидели, опершись спиной о стену и радуя покоем натруженные ноги. Ветер, казалось, взывал от отчаяния, досадуя, что не может добраться до них. Сидя так с закрытыми глазами, Найл слушал, как постепенно унимается сердце и уютные волны спокойствия накатывают, освобождая от всякого волнения.

Ульф коснулся руки сына; Найл, оказывается, ненадолго задремал. Юноша поднял голову посмотреть на положение солнца и удивленно обнаружил, что в небе просвета не видно из-за туч. Ветер неистовствовал, и, хотя защита стен казалась надежной, песок на дальнем конце двора вихрился смерчем. Небо угрожающе потемнело, и вскоре опустилась мутная мгла, смешанная с песчаной взвесью. Ветер обрел такую мощь, что Найл начал уже опасаться, как бы он не свалил стену, давшую им прибежище.

Путники достали из кузова шелковые полотнища и завернулись в них. Впечатление было такое, будто ветер задувает со всех сторон сразу, пытаясь добраться до двух бродяг, а туча песка тяжело перекатывалась через стену, как вода через мол. Подумалось о Хамне и Корвиге: хорошо, если успели добраться домой до начала бури. Казалось, сама судьба навела их в момент крайней нужды на эту спасительную крепость. Если понадобится, можно будет остаться здесь хоть на всю ночь.

Внезапно буря стала ослабевать, а небо проясняться, насыщаясь светом, напоминающим рождение зари. Вскоре ветер утих совершенно, и в одно мгновение прорезался пронзительный солнечный свет, что показался вначале просто ослепительным. Солнце стояло по-прежнему высоко – судя по всему, было около двух часов пополудни. Оказалось, отца с сыном занесло песком по самую шею. На противоположной стороне двора песок образовал насыпь возле стены. Найл нетвердо поднялся (ноги, оказывается, затекли) и потянулся. Хотел посмотреть через стену, но роста чуть не хватило. Найл прошел через двор, увязая ногами в зыбучем песке, и влез по насыпи на стену.

У Найла перехватило дыхание. Внизу открывался вид на руины незнакомого города. Обнаженные бурей останки строений находились по меньшей мере на десяток метров ниже стены. Прямо напротив стояло здание с высокими колоннами – не грузными и квадратными, как в крепости на плато, а стройными и круглыми; некоторые все еще подпирали то, что осталось от оконных перемычек и стен. А как раз по центру, между колоннами, находилось нечто, отстреливающее под солнцем слепящие блики.

– Отец, скорее сюда, глянь-ка! – крикнул Найл.

Ульф уже через секунду стоял рядом.

– Вот как. Мне, сдается, доводилось кое-что слышать об этом, – задумчиво произнес отец. – Город, которым правил Бейрак, отец Каззака.

– Они жили над землей?

– Пока их не выжили смертоносцы.

– И основал город тоже Бейрак?

– Нет. Он стоит здесь с незапамятных времен. Говорят, его построил какой-то древний народ. А звались они латины.

– А вот там что, не знаешь? – Найл указал на сверкающее нечто.

– Не знаю. Во всяком случае, видно, что сделано из металла.

Около десяти минут, пядь за пядью одолевая шершавые стены, они спустились вниз, на песок. С наружной стороны было заметно, что крепость представляет собой квадратное строение, сложенное из обтесанных блоков, скрепленных меж собой цементом. Окна – высокие и узкие. Высоким и узким был дверной проем, а вверху на стене выдолблены непонятные символы. Проход весь как есть завален разрушенной каменной кладкой, забит песком. В город от него вела двойная колоннада – впрочем, от нее остались лишь обрубки, а обломки камня

валялись на дороге. На некоторых колоннах сохранились капители с изображением виноградных гроздьев и листьев.

От большинства строений остались лишь полуразрушенные стены. Впрочем, были среди них и такие, что сохранили верхние этажи. Все строения – из обожженной глины и кирпича. Помещения в них были совсем крохотными, иные не больше нескольких метров.

Пока Ульф осматривал развалины дома, Найл расхаживал по зданию с колоннами, куда вела с улицы мощеная дорожка. Под ногами лежали каменные глыбы, покрытые чем-то вроде цемента. В пространстве между колоннами выстроились в ряд как бы внушительные короба, но только высеченные из камня. Расслабившись, а затем сосредоточась, Найл безошибочно определил, что у этих штук есть какая-то странная связь с телами мертвых.

Мощеная дорожка заканчивалась пролетом лестницы – ступени шириной метров пять каждая, – ведущей к остаткам массивных ворот. От храма, в который входили некогда через эти ворота, не осталось, по сути, ничего, кроме расположенных вкруговую колонн, каждая на квадратном гранитном постаменте, сверху – уцелевшая оконная перемычка. Найл самозабвенно разглядывал цветастые квадратики напольной мозаики, изображающей птиц и зверей. А в самом центре выложенной мозаикой площадки стояло загадочное нечто, околдовывающее своим блеском. Приблизившись, юноша с удивлением узнал на изогнутой металлической поверхности свое отражение. Правда, внешность в ней безобразно искажалась, а если подойти ближе, то и вообще коверкалась до неузнаваемости. Нечто напоминало жука на металлических лапах-подпорках, с прозрачными выпученными глазами впереди. Хотя одного взгляда на эти согнутые в суставах лапищи было достаточно, чтобы понять: для ходьбы такие не годятся.

Внутренне расслабившись, Найл попробовал выведать что-нибудь о предназначении стоящего перед ним непонятного устройства – надеялся вызвать какие-нибудь образы или хотя бы ощущения. Картина, к удивлению, получилась ужасно размытая и невнятная, можно сказать, вообще никакая. С таким же успехом можно было гадать о значении непонятных знаков над дверным проемом крепости. Походило, что неизвестный творец сверкающего чудища совершенно не похож на людей, которых знал он, Найл. Тем не менее имелось в этом чудище что-то, указывающее на создание его именно людьми. Но с какой целью? Не для того ли, чтоб на спине своей и складных лапах перевозить людей через пустыню?

Сразу за выпученными глазами в округлом боку располагалась, судя по всему, дверь. Найл почуял это сразу, будто память какая-то, древняя-преддревняя, незаметно ожила в сознании (дверей он отродясь не видел). Осторожно притронулся; металл под лучами солнца нагрелся, но не сильно, вопреки ожиданию. Наружу неброско выдавалась изогнутая металлическая ручка. Найл, ухватившись, принялся крутить ее во все стороны, затем, потеряв терпение, поддал ей ребром ладони. Он смутно догадывался, что именно благодаря этому выступу можно проникнуть в чрево причудливого насекомого. Вот Найл, распалившись, хлопнул со всей силой – и тут под пальцами что-то подалось (от неожиданности он даже вздрогнул). Часть бока плавно отъехала в сторону. Юноша тотчас отскочил: дверь вела себя так, будто ею двигает кто-то невидимый. Однако внутри никого вроде и не было. Осторожно заглянув в открывшийся проем, Найл потихоньку забрался внутрь. Только там он обнаружил, что «глаза» у насекомого сделаны из чего-то прозрачного – вроде оплавленного огнем белого песка, который пропускает свет.

Найл находился в тесном помещеньице, где места хватало лишь на небольшие – кстати, обтянутые кожей – сиденья. Все здесь было так необычно, что впору рот раскрыть от изумления, и вместе с тем сбивало с толку. Понятное дело, где ж Найл мог увидеть (а тем более с чем-то сравнивать) усеянный тумблерами и кнопками пульт управления и рулевую колонку?

Увиденное и словами-то было трудно описать. Найла объял трепетный ужас. Перед ним, вне всякого сомнения, какая-то святыня, никак иначе.

Парень осмотрительно опустил на теплое от солнца сиденье и, заведя над пультом руку, чуть дыша коснулся растопыренной пятерней стекловидного с пупырышками его покрытия. Ничего особенного: чудище оставалось таким же смирным, никак не реагируя на его любопытство. А вот повыше пупырчатого покрытия была соблазнительно откинута крышка, и в углублении виднелись необычные предметы, которые Найл один за другим дотошно рассмотрел и ощупал. Когда невзначай надавил на масленку, в лицо тоненькой струйкой брызнуло машинное масло (Найл от неожиданности даже подпрыгнул). Попробовал на язык – пакость: отер лицо рукой. Набор отверток и гаечных ключей вызвал недоумение: зачем все это? Никогда еще в голове у юноши не возникало столько вопросов без ответов. Полная неясность. Найла очаровала короткая, длиной в полруки и сантиметр в обхвате, металлическая трубка вроде жезла. Вот так вес! Тяжелее заматерелого гранита. Найл, не колеблясь, решил, что эта вещь должна принадлежать ему; не уступит он ее ни брату, ни отцу, ни самому Каззаку – и не просите. Он увесисто шлепнул штуковиной себе по ладони и с удовлетворением отметил, что такой можно одним ударом пристукнуть муравья или оглушить жука, какой бы крепкий панцирь у того ни был. Имея подобное в руках, можно потягаться и с кратерными тварями.

Он взгляделся в предмет пристальнее. Концы трубки опоясывали концентрические ободки, а на одном имелся еще и кружок, который можно вдавливать, – с тонкой насечкой, диаметром около сантиметра. Найл зачем-то решил попробовать трубку на зуб, сунул ее в рот и прикусил. Вот те раз! Трубка сама собой начала удлиняться, выдвигаясь изо рта, словно некая складная сигара. Конец ее случайно чиркнул по пульта управления. Внезапно послышалось высокого тона гудение, а сиденье внизу начало слегка вибрировать. Миг – и Найл был уже снаружи. Сидя на земле, он оторопело тарасился на неожиданно ожившее, с готовностью помаргивающее глазками чудище.

На шум примчался отец. Найл спохватился: там внутри осталось новое оружие. Решимость пересилила. Юноша дерзнул сунуться внутрь и обратно появился с раздвижной трубкой-жезлом, в которой длины теперь было около трех метров.

– Это еще что такое? – растерянно пробормотал Улф.

– Сам не знаю.

На пульте управления мелькнул зеленый огонек, и гудение смолкло.

Отец с сыном обошли вокруг диковинного устройства, тщетно попытались сдвинуть его с места, пробрались внизу и в конце концов решили: ну его. Улфу захотелось взглянуть на трубку, и Найл неохотно уступил. Отец с хмурой сосредоточенностью ощупал вещь, со свистом рубанул ею воздух и, к облегчению Найла, протянул обратно.

Принимая трубку от отца, Найл взялся за нижний конец, что пошире. Тут раздался звонкий щелчок, и жезл быстро сократился, вновь приобретя форму продолговатого цилиндра.

Еще раз внимательно осмотрев предмет, Найл догадался, что секрет здесь в кружке с насечкой с торца. Стоило его утопить, как цилиндр вырастал в длинный заостренный прут. Благоговейно и вместе с тем несколько недоуменно оглядывая предмет, Найл кончиками пальцев ощутил исходящее от него тоненькое игольное покалывание. Минут пять он только то и делал, что сдвигал-раздвигал, пока наконец не расстался с надеждой понять назначение этой штуковины. Кстати, возникающее при удлинении трубки покалывание почему-то казалось смутно знакомым.

Время шло, уже изрядно перевалило за полдень, пора было и собираться в дорогу. Возвратясь к стенам крепости, они по куче нанесенного песка взобрались наверх, там Улф спрыгнул во внутренний двор и стал оттуда подавать сыну поклажу. Когда Найл нагнулся за вторым кузовом, первый – видно, поставленный неровно – накренился и принялся, повалившись, сползать по склону. Догонять его Найл не стал: у кузова сверху застежка, так что ничего наружу не вывалится. Пособляя отцу взобраться назад на стену, Найл случайно глянул на уехавшую

поклажу, и ему вдруг показалось, что внизу, у подножия откоса, что-то вроде шевельнулось. Насторожившись, Найл вгляделся пристально, с напряжением.

Очевидно, кузов был увлечен вниз собственной тяжестью. Найл медленно двинулся вниз по откосу, не отрывая взгляда от кузова. И опять показалось, что кузов чуть шевельнулся. Осторожно потянувшись вперед, Найл взялся за ляжку. Приподнимая, обратил внимание, как песок внизу осыпается медленными струями... О ужас! Совершенно неожиданно наружу выпросталась мохнатая членистая лапа, за ней другая. Секунду спустя Найл глаза в глаза стоял со здоровенным пауком, хлопотливо карабкающимся из песка наружу. Среагировал парень моментально, не задумываясь. Взмахнув увесистой трубкой, он что было силы хватил по мохнатой, совершенно бесстрашной (даже представить трудно насколько) физиономии. Паук засипел от боли. И тут Найл отскочил будто ошпаренный: всем телом он ощутил, как ядовитым жалом ожег его удар чужой воли. Он прекрасно понимал: стоит сейчас восьмилапому выбраться из песка, и тот мигом сгребет его в охапку, распластает, навалясь мохнатой тушей, пригвоздит передними лапами к земле и вгонит клыки. Оружие снова взметнулось у Найла над головой. Посыпались частые, исступленные удары – по пасти, глазам, не защищенному панцирем мыску на затылке. Властными ударами своей воли тварь словно хлестала Найла по рукам, пытаясь ослабить удары, но наталкивалась на его подхлестываемое ужасом сопротивление. И тут зловещий гнет как-то разом сник, словно выдохшись.

Отец стоял на откосе, онемев от беспомощности, и как замороженный наблюдал за происходящим. Увидев, что все кончено, он скатился вниз к Найлу.

Туловище паука вылезло из песка наполовину, и можно было различить, что размером он, безусловно, крупнее тех серых, с которыми им довелось столкнуться в крепости на плато. Этот размером был примерно с тарантула-затворника, заваленного осой-пепсис. Судя по двухсегментным клыкам с канавками для яда, этот был сродни тарантулам. Но мохнатое туловище тарантула обычно бывает бурого цвета, иногда с желтыми подпалинами, а этот черный как смоль. И глаза не в два ряда, а в один, причем как-то странно, ободом вокруг головы.

Оба невольно содрогнулись от страшной догадки. Это не какая-то безмозглая восьмилапая тварь, хоронящаяся в залах заброшенной крепости. Они убили паука-смертоносца.

Тут Найл вспомнил о двух паучьих шарах, проплывших в вышине до того еще, как изменился ветер. Орудя складным жезлом как багром, он выволок неподвижную черную тушу из песка. Под ней обнаружилось шелковое полотнище шара.

Ульф затравленно обернулся через плечо.

– Второй, наверное, где-то поблизости. Пойдем-ка подобру-поздорову.

– А как с этим быть? Если второй вдруг его отыщет, все раскроется.

Вспомнился внезапно дедов рассказ о мучениях тех двадцати несчастных, что прикончили смертоносца, – медленная, жестокая, жуткая пытка, длившаяся без перерыва много дней. Найла передернуло.

– Конечно. Надо его зарыть.

За считанные минуты забросали паука песком, а чтобы не разметало ветром, еще и надвинули несколько плоских камней. Когда уходили, Найл оглянулся. Уже с десяти метров совершенно незаметно. Когда дошли до берега озера, паренек, счистив следы крови и какой-то липкой белой пакости пучком травы, омыл трубку в соленой воде. Потом сложил ее и сунул на дно кузова. Отец с сыном спешили туда, где всходили на горизонте горы. На душе было сумрачно от тяжелого предчувствия. Словно чей-то недобрый взор неотрывно смотрел в спину, провожая через пространство пустыни.

Каззак знал, что советовать. На дальней стороне гор осадки оживили унылую пустыню, превратив ее в подобие оазиса. Местность была чем-то похожа на дом. Пусть на переход пришлось пожертвовать еще один день, зато идти куда легче, чем на плато. Ульф бывал в этих местах лет десять назад, но ничего не видел, кроме голого камня. А теперь вот благодаря

какому-то капризу климата участок превратился в отградную с виду местность. Разумеется, опасностей здесь прибавилось – от жуков-скакунов до скорпионов и других хищников, как правило, ночных. Поэтому отец с сыном, несмотря на жару, шли в дневное время, а на ночлег пристраивались где придется.

Истекали третьи сутки пути. Проснувшись утром в укрытии, сооруженном из камней и кустов терновника, Найл учуял странный запах. Как от шкуры гусеницы, когда ее выкладывают сушиться на солнце. Ветер дул с северо-запада. Откуда запах? Отвечая сыну, Ульф пожал плечами и сказал: «Не знаю. Это запах Дельты». Запах преющей растительности, перемешанный с тошнотворно-сладким запахом гления. От Найла не укрылось, что, пока ветер не изменил направления, вид у отца был тревожно-растерянный.

На следующее утро с Улфом случилась история, которая могла бы плохо кончиться. Распожившись на привал в тени дерева – переждать жаркие послеполуденные часы, – оба заметили движение в кустах, где-то в полусотне шагов. Там стоял куцехвостый зверек, вытянувшись на задних лапах, и силился дотянуться до веточки с лакомыми ягодами. Так как люди сидели не двигаясь, присутствия их животное не замечало. Ульф, подхватив копьё, осторожно выбрался из поля зрения зверька, а затем стал незаметно подбираться за кустами креозота. Найл аккуратным движением извлек свою трубку, утопил кнопку. Внезапно Ульф резко вскрикнул. Животное, испуганно встrepенувшись, мгновенно исчезло.

Ульф стоял на одном колене. Правая ступня и голень угодили, похоже, в какую-то дыру. Найл сначала подумал, что отец просто споткнулся и поймался в обыкновенную трещину на сухой земле. Но оказалось, отец выволакивает ногу с заметным усилием. Следом за ступней наружу выволочилось темное, поросшее волосом создание, напоминающее гусеницу. Найл не мешкая бросился на помощь и всадил острый конец трубки-жезла в извивающееся туловище. Но тварь и не думала отцепляться. Резко и мощно сократившись, она чуть не утянула ногу Ульфа обратно в дыру. В конце концов отцу удалось-таки высвободиться – правда, уже без сандалии и с сочащейся из щиколотки кровью. Найл орудовал до тех пор, пока нечисть не затихла.

– Что это такое?

Ульф сел, внимательно осматривая стопу.

– Личинка львиного жука. В норах прячутся, как тарантулы-затворники.

С час ушло на то, чтобы обработать раны – несколько глубоких продольных царапин, след не то зубов, не то челюстей. У Ульфа имелась с собой мазь, сделанная из чертова корня. Разодрав на полоски кусок ткани, он смочил их и перевязал себе ступню и голень. Жаль было переводить на это добротную ткань – подарок Сайрис от Стефны, – но куда деваться. Ульф переобулся в сандалии, подаренные Хамной, и снова двинулся в путь, но уже хромая, причем все заметнее. К вечеру добрались уже и до знакомых мест, милях в двадцати от пещеры. Спали опять на голой земле, наспех соорудив укрытие из камней и кустов. А к утру ступня у Ульфа безобразно распухла и начала синеть. Найл взял отцовский кузов и взвалил себе на свободное плечо, так и шагал, неуклюже согнувшись, а Ульф ковылял сзади, опираясь на древесный сук как на костыль. Оба сознавали, что надо во что бы то ни стало добраться к пещере до темноты: на следующее утро, не исключено, яд расплзется настолько, что Улфу уж идти станет невозможно. Так что мучились, но шли и протопали под палящим зноем не меньше десятка миль. Затем устроили короткий привал в тени большого камня. Перекусили, Ульф ненадолго вздремнул. Нога у него к этому времени так раздулась, что на нее уже невозможно было опереться. Если бы не костыль, он бы уже и идти не смог. Часто приходилось останавливаться и отдыхать, по нескольку раз на одну милю. Когда солнце начало понемногу клониться к горизонту, у Ульфа прорезалось второе дыхание. Шел равномерными тяжелыми шагами, не допуская остановок. Вот справа открылся вид на красные столбы и завиднелась вдали кактусовая поросль. К этому времени отец и сын уже так выбились из сил, что представляли собой легкую добычу для скорпиона или жука-скакуна, не говоря уже о тарантуле-затворнике. Найл опирался на складную

трубку-жест как на посох, так и брел, пошатываясь под тяжестью двух кузовов, мотающихся туда-сюда за спиной.

И вдруг глядь (надо же, и откуда?) – навстречу через песок уже спешат Вайг и Сайрис, а сзади усердно хлопочет ножонками Руна. Плечи Найла освободили от кузовов. Стало до смешного легко; дунь сейчас ветер – понесет, помчит его вперед. Сайрис, бережно обняв мужа за пояс, помогла ему одолеть последние полсотни метров до жилища. Уступая дорогу при входе, Найл бросил взор туда, где, отделенное простором пустыни, синело на горизонте плато, и невольно изумился. Как-то даже и не верилось, что его могло занести в такую даль. Та же Мерлю: а была ли она на самом деле?

Радость встречи все же была омрачена. Дедушка Джомар так сдал, что у него не хватало сил хотя бы подняться с постели и обнять возвратившихся. Пещера ярко осветилась масляными светильниками – в честь события запалили все шесть. Было ясно, что старику недолго осталось. За те две недели, что не виделись, Джомар совсем одряхлел: щеки ввалились, глаза запали, тронулись слезой. Сайрис сказала, что он только что оправился после лихорадки. Причиной же этого было, безусловно, одно: изнуренность жизнью. Все вроде бы повидал, все испытал, так что и жить больше незачем: умаялся, неинтересно. Не стало Торга с Хролфом, ушла Ингельд, и ходить уже, считай, не вмоготу... Джомару разонравилось ощущать в себе теплоту жизни.

Он, казалось, с интересом прислушивался к рассказу о подземном городе Каззака, но когда следом спросил: «А там все так же водятся крысы среди развалин?» – стало ясно, что рассудок уже изменяет старику.

Сонное это равнодушие было Найлу вполне понятно. После дворца Каззака жизнь в пещере казалась невероятно скучной. Хотя в Дире он прожил лишь пару дней, те дни выявили в нем привязанность к людскому окружению, общению со сверстниками, совместным с ними мыслям и переживаниям. Вспоминая теперь об этом, он представлял тамошнюю жизнь в розовом свете. Все в том городе казалось удивительным, очаровательным. Он завидовал Ингельд: удалось же остаться, да еще навсегда! Нередко с теплым чувством вспоминал Дону, и грусть охватывала при мысли, что ведь он с ней даже не попрощался: когда уходили, девочка спала. Только мысли о Мерлю заставляли болезненно морщиться.

Без Торга, Хролфа и Ингельд пещера сделалась удивительно пустой. А теперь, когда было видно, что дни Джомара сочтены, в груди возникало горькое, безотрадное чувство утраты – нечто близится к концу. Старика переместили в глубь пещеры, чтобы не нарушать его сон. По утрам ему помогали выбраться на свет солнца. Там он сидел, поклевывая носом под жужжание мух, пока не сгущался зной. Время от времени в безветренную погоду Джомара относили под тень юфорбии. Найл садился рядом и караулил, держа возле себя копье на случай, если объявится вдруг какой-нибудь хищник. Втихомолку дивился: когда старик начинал проситься обратно в пещеру, руки у него были так холодны на ощупь, будто он только что выбрался из нее наружу.

Единственной отрадой Джомару была в те последние дни малышка Мара, не дававшая старику угаснуть окончательно. Девочке исполнился год, и ее стало не узнать. Сок ортиса превратил ее из нервного, капризного младенца в любопытного живчика, лезущего всюду. Она часами не слезала у деда с колен, вымогая, чтобы он что-нибудь рассказывал. Если тот медлил, она принималась барабанить кулачком в грудь, дескать: «Ну же, ну!» Дедушка рассказывал о том, как сам был маленьким, пересказывал легенды о великих охотниках прежних времен. А Найл сидел в углу, обхватив колени, и старался уяснить все, что рассказывает старик. Он и раньше был внимательным слушателем, а как побывал в Дире и наслушался историй о прошлом, так вообще увлекся не на шутку.

Однажды, когда Мару на коленях у Джомара сморил сон, Найл стал спрашивать деда о заброшенном городе. Джомар рос неподалеку от тех мест, в предгорье, и среди загадочных

руин проходили его детские игры. В тех местах водились птицы и мелкие грызуны, мальчишкой Джомар часто ставил на них силки.

Найл поинтересовался, что там за здание с высокими стройными колоннами. По словам Джомара, там было когда-то святилище. А вот на вопрос о странных коробах, высеченных из цельного камня, Джомар ответил откровенно, что ничего подобного не помнит. Из его описания напрашивалось, что заброшенный город в ту пору был на десяток метров погребен под песком. Это объясняло, почему Джомар никогда не видел каменных коробов, равно как и металлического чудища посреди святилища.

– А сколько ты уже прожил, когда смертоносцы забрали тебя в свой город? – спросил Найл.

Старик молчал. Найл истолковал, что он не желает об этом распространяться. Однако после длинной паузы Джомар произнес:

– Это было, пожалуй... Я отживал тогда свое восемнадцатое лето, примерно так... То был черный день для людей Диры.

– Что тогда произошло?

– Они нагрянули на рассвете. Целые полчища понаползли. Я понял – ОНИ, едва проснулся.

– Как именно?

– Не смог пошевелинуться у себя на постели. Сесть решил, а на груди словно громадный камень какой. Хочу двинуть ногой, а не могу – отлежал будто.

– А почему так?

– Они нас будто пригвоздили. Мы все оказались в одинаковом положении.

– Но чем пригвоздили? Как?

– Волей своей.

У Найла мурашки побежали по спине. В голове мелькнула мысль о городе Каззака.

– И что потом?

– А ничего. Искали, покуда не нашли.

– Покуда не нашли? Вас? – Найл даже растерялся слегка. – Они что, не знали, где вы находитесь?

– Точно не знали, но чуяли, что где-то рядом.

– Должны ж они были знать, где вы находитесь, коли пригвоздили!

– Нет. Сначала именно пригвоздили, а потом стали отыскивать.

– А дальше что?

Джомар осторожно снял Мару с колена и переложил на постель, словно опасаясь, как бы темные воспоминания не просочились в душу ребенка.

– Они убили всех, кто пытался сопротивляться. Моего отца и вождя нашего Халлада.

– Они пытались отбиться от смертоносцев?

– Нет, оружие здесь ни при чем. Они пытались воспротивиться силой своей воли. Паукам это не понравилось. Халлад был стойкого духа человек.

Джомар рассказал, как смертоносцы держали их весь день под землей как узников. Пауки не любили жару, им сподручнее передвигаться ночью. В течение дня твари пожирали тела убитых. В отличие от человеческих челюстей паучья хелицеры движутся горизонтально. Джомару невыносимо было видеть, как четверо смертоносцев расправляются с трупом его отца; отвернувшись, он до боли зажмурил глаза. И все равно слышен был отвратительный звук чавканья и разрывания плоти. Если есть время, пауки предпочитают размягчать свою добычу ядом и поглощать, когда та уже пролежала несколько дней. На этот раз времени у них не хватало, надо было возвращаться в свое городище. И в тот вечер с заходом солнца смертоносцы отправились в долгий обратный путь. Кое-кто из них, воспользовавшись переменной ветра, отчалил на шарах – эти прихватили с собой детей. Взрослые для шаров не годились – крупноваты, потому

отправились пешком. Шли долго, несколько недель, приходилось огибать морской залив. А смертоносцы не спешили, они твердо были настроены доставить всех пленников живыми.

Но почему, допытывался Найл, пауки так пеклись о том, чтобы сохранить своим пленникам жизнь? Втайне так хотелось, чтобы пауки оказались хоть чуточку «человечнее», тогда бы меньше мучил страх. Ответ Джомара, однако, успокоения не принес:

– Они нужны были для расплода, особенно женщины. – Дышал Джомар хрипло, такой долгий монолог явно его утомлял. – До мужчин им особого дела нет, один может наплодить целый выводок. А вот с роженицами у них постоянная нехватка.

Неожиданно Мара тихонько захныкала во сне. Найл моментально смекнул, что это его вина: страх и неприязнь через него передавались ребенку. Джомар положил руку на лоб девочки, та вздрогнула и затихла.

– С роженицами постоянная нехватка.

– Как тебе удалось бежать, дедушка?

– На шаре. Мы завладели шарами. – Найл ждал. Наконец старик снова открыл рот: – Двое моих сообщников служили жукам-бомбардирам. Это была их затея. Они-то смысленные, не то что недоумки из паучьего городища. Смертоносцы извели всех, кто хоть мало-мальски выделялся умом. Им надо, чтоб мы толстые были да глупые. А вот жукам все равно. Им главное, чтобы грохотало...

– Грохотало?

– Им нравятся громкие выстрелы, чем громче, тем лучше. Потому и люди нужны, которые разбираются во взрывчатых веществах. Эти двое и решили убежать, Джебил и Тиг. Они выведали, как делается газ для заполнения шаров – водород называется. Меня попросили помочь. Как раз накануне мне стало известно, что пауки собираются от меня отделаться. Так что терять мне было нечего. Я показал ребятам, где женщины изготавливают шары...

– Их делают женщины?

– Да, под надзором пауков. Мы просто вошли и взяли. Стража и не думала нас останавливать. Они, вероятно, рассудили, что нам велели отнести шары – что им еще могло прийти на ум? Прежде никто не пытался убежать таким образом, мы первые. Вот они посторонились и пропустили нас. – Джомар рассмеялся.

Даже по смеху было видно, насколько он устал. Прошло минут пять, и Найл уже начал подумывать, что дед заснул. А тот неожиданно снова заговорил:

– Спутники мои оба погибли. Один канул в море, другой снизился в Дельте. С шарами, видать, не все было в порядке. А мой ничего, донес меня до гор, что возле озера. Опустился я в полусотне миль от того места, где нас похватали.

– Они потом ударились в розыски?

Дед сухо осклабился.

– С той вот самой поры и ищут.

Мара опять начала похныкивать.

– Тихо, – сказал Джомар и положил ладонь на лобик ребенку. Через несколько минут ровное дыхание старика показывало, что он и сам заснул.

Через два дня Джомар умер. Рано утром, когда старшие еще спали, их разбудила Руна.

– Дедушка не разговаривает.

И все сейчас же поняли, что он мертв; внезапное осознание этого дошло разом до всех. Джомар лежал на полу вниз лицом, вытянув руки вперед, словно рухнул с большой высоты. Лицо его, когда перевернули, было безмятежно. Стало ясно, что последние его минуты не были омрачены кошмарным видением пауков-людоедов.

Весь тот день Улф, Вайг и Найл копали возле юфорбии могилу; копали глубоко, чтобы до тела не добрались хищники. Но, посмотрев на место захоронения через несколько дней,

Найл по ряду характерных признаков определил, что туда добрался жук-скарабей. В пустыне никакая пища не залеживается.

В тот вечер, когда не стало Джомара, Сайрис попыталась установить связь со своей сестрой в Дире. Для этого она перешла глубже в пещеру – в загородку, где скончался Джомар, – а остальные в глубоком молчании сидели в соседнем помещении, вслушиваясь в дыхание женщины; как только оно станет реже и глубже, так, значит, непременно вышла на связь. Сидели, дожидались с полчаса. В конце концов послышался досадливый вздох, и Сайрис появилась из-за загородки.

– Ну что ты волнуешься! – не выдержал наконец Улф. – В городе Каззака только муравьиным пастухам известно, когда светает. Остальные вообще не разбирают, что там – день наверху или ночь.

Сайрис кивнула, но не сказала ничего.

Вторую попытку она предприняла утром, перед рассветом, думая застигнуть Стефну во время сна, и опять безрезультатно. Прислушиваясь к дыханию матери, Найл примерно понимал, что она сейчас ощущает. Попытка выйти на мысленную связь начинается с того, что пытаешься как можно явственней представить облик собеседника, с которым надо сообщить, и мысленно окликаешь его. Лучше всего, если попытку делают оба собеседника одновременно. Однако это необязательно. Если двое связаны чем-то общим, искренним, приятным, то внимание собеседника, даже если он ни о чем не подозревает, все равно можно привлечь. Тот вдруг начинает испытывать бередящее, неуютное чувство. А когда наступает слияние, оба собеседника ощущают присутствие друг друга так же отчетливо, будто и впрямь общаются напрямую.

Если связи достичь не удастся, то возникает некая блеклая, отягощенная особой неподвижной тишиной сфера, куда иной раз проникает разрозненное эхо чужих голосов. Обычно это означает, что собеседник сейчас занят – может статься, самозабвенно трудится. Бывает так, что вот уже зовущий притомился, а до собеседника едва доходит, что до него пытались дозваться. Такое порой случалось между двумя сестрами, поэтому обе в подобных случаях старались держать ум «приоткрытым» по возможности дольше, на случай, если зов повторится.

Вот почему Сайрис забеспокоилась. Вглядываясь в блеклое пустое пространство, населенное сонмами далеких приглушенных голосов, она вынашивала под сердцем темное предчувствие: что-то случилось. И по мере того как, нанизываясь один на другой, проходили дни, предчувствие крепло, перерастая в уверенность.

Предчувствие томило и самого Найла. Ни он, ни отец не обмолвились, что прикончили смертоносца, но память о том цепко угнездилась в обоих. Памятен был и рассказ Джомара: какой жуткой казни предали горстку жителей пустыни, поднявших на паука руку. И о том, как в день песчаной бури проплыли по небу два паучьих шара. Недавний поединок – с того момента, как мохнолапый впился в Найла глазами, и вплоть до секунды, когда тот в последний раз дернул своими членистыми конечностями, – длился не больше полуминуты. Однако агонизирующему существу хватило бы времени подать сигнал тревоги своим.

Каззак считал свой город неприступным, но, понятное дело, он лишь выдавал желаемое за действительное. Смертоносец и лапой не коснется, а взглядом прошпилит так, что не пошевелишься. Найл сам это недавно на себе испытал. Еще и Джомар рассказывал, как их всех замели в плен, что лишь подтверждало, какую внутреннюю силу имеют пауки.

Спустя неделю после кончины Джомара наихудшие опасения подтвердились. Все случилось тем самым утром, когда Найл наклонился над чашей уару утолить жажду и случайно перехватил взглядом плывущий по небу шар. И в тот день, когда паучья армада заполонила небо и жилище сотрясало от жалящих ударов насылаемого страха, юноша никак не мог освободиться от тяжелой мысли, что в нагрянувших бедах виновен именно он, Найл. Утешал он себя

единственно тем, что уж коли пауки развернули такие поиски, то им действительно неизвестно, где прячутся мятежники люди.

А когда вчера засыпал, мозг вдруг захолонул от страшной мысли: а ну как Ингельд, угодив смертоносцам в лапы, выдаст, где они скрываются?

Улф, видимо, мучился той же мыслью. Наутро за едой он сказал:

– Будем уходить. Возвращаемся на прежнее место, у подножия плато.

– Когда? – только и спросила Сайрис (взор опустелый, притихший – видно, что не спит ночами).

– Сегодня, ближе к сумеркам. Задерживаться глупо. Они будут здесь роиться, пока нас не отыщут.

Найл взглянул украдкой на ногу отца: опухоль все еще не сошла.

– Ты думаешь, тебе легко будет дойти?

– Рассуждать не приходится.

– Сейчас бы сюда листья герета, – произнес Вайг.

Куст этого растения рос примерно там, где начинается пустыня. Его листья обладают мощными целебными свойствами. Истолчешь их в кашу, приложишь, и любая опухоль сойдет на нет в считанные часы.

– Я видел один такой, когда мы шли обратно из Диры.

– Где?

– Недалеко, часа два ходьбы.

– Я пойду с тобой.

Улф качнул головой.

– Ты, Вайг, понадобишься здесь. Отправляться будем сегодня, поэтому предстоит много работы. Найл у нас уже взрослый парень, может сходить один.

И Найл, закончив еду, сразу же отправился. С собой он прихватил сплетенную из травы сумку для листьев, фляжку с водой и металлическую трубку-жест. Раздвинутая на всю длину, она могла служить как посох. Ее тяжесть в правой руке придавала уверенности. С такой любой хищник не страшен.

До полудня оставалось по меньшей мере часов пять. Если ничего непредвиденного на пути не произойдет, к этой поре можно уже вернуться домой.

Одoleвая свой десяток миль, Найл не забывал зорко поглядывать по сторонам. Не ускользнул бы от него ни чуть заметный бугорок – признак обиталища тарангула-затворника, ни скользящий по небу паучий шар. Обходил он загодя и большие камни: именно под ними имеют привычку укрываться скорпионы. Временами Найл настороженно сосредотачивался, выявляя умом потаенные признаки возможной опасности. Обостряющимся в такие моменты чутьем он ощущал всякое трепетание враждебной воли. Но сейчас никакой опасности поблизости не чувствовалось. Был, правда, здоровенный паук-верблюд, остановившийся достаточно близко – рассмотреть, что там такое движется: грызун, ящерица или еще какое-нибудь съестное. Убедившись – нет того, что нужно, – насекомое заспешило своей дорогой. Найл так и не мог взять в толк, почему пауки-верблюды не интересуются людьми.

На расстоянии мили от поросли, где они как-то наткнулись на гигантского сверчка-сагу, Найл и отыскал тот самый куст герета, что заметил ранее. Высоты в нем было метра два, на концах широких глянцевитых листьев виднелись красненькие отростки, из которых впоследствии должны появиться остроконечные цветы. Растение, к удивлению Найла, оказалось целиком покрыто шелковистой паутиной, отчего куст имел вид шатра. Заглянув сквозь хитросплетение прозрачных волокон, он разглядел десятки малышей-паучат, каждый не больше сантиметра в диаметре. Стоило легонько коснуться паутины кончиком жезла-копья, как из потайного места сразу же показывалась мать-паучиха – посмотреть, что происходит. Она была буроватой масти. Большое округленное туловище опиралось на длиннющие передние лапы,

покрытые мелкой шиловидной щетиной. Паучиха была около полуметра в поперечнике. Ее крохотные глазки взирали на Найла с какой-то даже осмысленностью.

Паука-шатровика Найл видел впервые, поэтому понятия не имел, ядовитый он или нет. Чтоб добраться до листьев, придется сечь паутину ножом. Паучиха, безусловно, вступится за своих малышей. Надо будет драться.

Несколько минут они не отрываясь смотрели друг на друга, затем паучиха потеряла интерес и отступила назад под прикрытие широких листьев. Найл устроился так, чтобы различались выступающие из листвы кончики лап, и сосредоточился, очистив ум от посторонних мыслей. Через считанные секунды освободившаяся голова утратила чувство времени, что очень важно для такого рода контакта. Едва это произошло, как в мозгах словно все перевернулось: показалось, что на паучиху Найл смотрит с огромной высоты. Еще миг, и он уже сам не отличает себя от этой твари.

Удивительно. Пытаясь в свое время вклиниться в умы серых пауков-пустынников, он явственно ощущал, какая бездна между его и их мозгом. Они как бы воздвигали некую преграду, противясь постороннему вторжению. Судя по всему, шатровику такое свойство не было присуще. Впечатление такое, будто паучиха не сознавала различия между Найлом и собой. Их сущности произвольно слились воедино. С серыми пустынниками слияния не получалось, как невозможно было бы смешать воду и нефть. То же самое и в незабвенной стычке со смертоносцем – но с разницей, что там паук сам пытался вживиться в человеческий ум.

Получается (поразительно!), на ум шатровика можно влиять едва не так же, как смертоносец воздействует на человека.

Раздалось нудное жужжание, в паутину врезалась мелькнувшая сейчас возле уха мухаросянка. Соблазняясь запахом красненьких цветков, она упустила из виду тонкие полупрозрачные волокна паутины. Паучиха тотчас пришла в движение, и стало понятно, что она голодна. Несколько насекомых, случайно угодивших сегодня в сеть, без труда вырывались, будучи слишком крупными и сильными. А блестящая черненькая росянка – не больше пяти сантиметров длиной – увязла лапками в клейких тенетах. Паучиха в два витка очутилась возле мухи и, всадив клыки, впрыснула быстродействующий паралитический яд. Прошло несколько секунд, и муха сделалась квелой. Вытянув через паутину длинные передние лапы, охотница подтащила добычу к себе. О Найле к этой поре она совершенно забыла. Она не могла охватить его своим маленьким умишком, человеческое сознание было для нее непостижимо огромных размеров. Челюсти насекомого с хрустом вгрызлись в мягкую брюшину росянки, все еще живой, но не способной пошевелиться.

Находиться в уме у насекомого в момент, когда оно с голодной жадностью выедало живую плоть, было делом не из приятных. Найла затошнило. Одновременно с тем четкость ощущений изумляла. Круговая панорама зрения насекомого, удовольствие от насыщения этой первой на дню пищей. Найл недоуменно поглядел на собственные руки – убедиться, что у него не длинные лапы, покрытые шипастой щетиной. Чувствовалась даже владетельная нежность к паучатам, карабкающимся среди листвы и высматривающим места, откуда можно поглазеть на залитый солнцем ослепительный мир снаружи.

Он сознавал и определенную неловкость (на уровне инстинкта), которую ощущала сейчас паучиха. Она бы и рада полностью переключиться на охоту, да мешает необходимость присматривать за потомством. (Найл определил, что бесхитростное насекомое добывает пищу, даже подстерегая и накидываясь на пролетающую мимо добычу, не особо надеясь, что та сама попадет в тенета.) Она же, будучи матерью, знала и то, что дети у нее голодны, им бы надо оставить часть трапезы. Однако собственный голод пересиливал заботу о потомстве. Выбора у паучихи не было, ею всецело руководил инстинкт.

Найл мысленно «устроил», чтобы насекомое перестало есть. Затем добился, чтобы паучиха сбросила остатки росянки паучатам, которые мгновенно сгрудились вокруг пищи,

покусывая друг друга от нетерпения скорей добраться до еды. Почувствовав неутоленный голод бедной твари, Найл усовестился, что сыграл с ней такую каверзную шутку.

Ощущение было поистине самое ошеломляющее (что необычное, уж и говорить не приходится) из всех, какие он когда-либо испытывал: править волей чужого существа. Найл ловил себя на том, что относится с явной симпатией к насекомому, которое, по сути, стало частью его самого. Оказывается, в этом волнующем ощущении имелось некоторое сходство с чувством, что он испытывал к Мерлью: желание слиться с ней, овладеть ее волей. Вот почему, понял он, в нем проснулось такое волнение, когда та поцеловала, а затем куснула его за ухо, словно давая тем понять, что вверяется ему вся. Вот почему так растерян и подавлен он был, когда услышал вдруг уничижительное «тщедушный». Найл понял, что Мерлью действовала обманом с тем лишь, чтобы подчинить его волю себе...

От разгулявшихся эмоций Найла паучиха пришла в беспокойство. Ревность была ей незнакома, и это ощущение она нашла неуютным и пугающим. Несмотря на ядовитость и привычку питаться живыми существами, она, в сущности, была безвинным и легкоранимым созданием. Как странно: парень едва ли не чувствовал дружеское расположение к твари, пожирающей добычу заживо.

Найл бережно раздвинул нити паутины возле верхушки куста и начал аккуратно обдирать листья. Самое лучшее снадобье получается из тех, что помельче и потолще. Он был так поглощен наблюдением за паучихой, с удивленным вниманием прислушивающейся, что там делается с ее сетью, что почти упустил из виду пятнышко тени, проплывающее в десятке метров. Внимание остановилось лишь на следующей, будто отброшенной легким облачком, даром что небо было ясным. Именно из-за этого паучьи шары плыли так медленно и так низко над землей...

Как и в прошлый раз, отрешенность позволила подавить импульс страха прежде, чем тот успел оформиться. Шары шли так низко, что сомнения не было: еще минута – и Найла непременно обнаружат. Он отнесся к этому со спокойствием человека, понимающего, что выхода все равно нет. Он был как на ладони, на совершенно открытом месте. Стоял без движения, уставя глаза на куст и стремясь слиться разумом с паучихой. Они догадываются о его присутствии, в этом нет сомнения. Они угадывают укромное свечение всякой жизни. Минут через пять Найл поднял взор. На его глазах из поля зрения уплывал последний шар. Отчетливо различался силуэт смертоносца, сидящего, свесив лапы, под шаром в полупрозрачном пузыре. Медленно опустившись на землю, он, не отрываясь, смотрел им вслед. В отдалении на северо-западе маячили красные столбы. Пещера от них находится прямо к югу. Пауки держали курс именно туда. Не было никакого сомнения, что к ней они сейчас и направляются.

Саднящая мука пронзила сердце. Очевидность предстоящего исхода ошеломила, сломила Найла. Он же, по сути, был все еще ребенком, его жизнь проходила под родительским глазом и опекой. И вот совершенно внезапно его мир сокрушился вдребезги. Первое, что нахлынуло, это детски безудержный страх одиночества, сознание беспомощности и жалости к себе, от которых тянет зарыдать в голос. Но следом рождалось и крепло уже иное чувство: ты уже не ребенок, ты взрослый человек. Это придало твердости. В то же время Найлу подумалось, что есть еще возможность оповестить семью. Скрестив под собой ноги и склонив голову, Найл стал настойчиво выходить на связь с матерью. После нескольких минут мучительной сосредоточенности наступило изнеможение. Найл попробовал еще раз, принуждая ум к спокойствию, но уже само ощущение, что послание требует срочности, сводило на нет все усилия. У него никак не получалось расслабиться, погрузившись в отрешенное, лишенное чувства времени созерцание, из которого только и можно установить контакт.

Прошло немало времени, прежде чем Найл сумел побороть слабость, от уныния лишь возрастающую. Зной все усиливался – что высиживать тут? Отправившись в обратный путь к пещере, Найл почувствовал себя определенно лучше. Было даже какое-то мрачное злорадство

от того, что жар ему нипочем. Начиная одолевать усталость, струился ручейками пот, но Найл взирал на все это как бы со стороны, словно бы мучился не он, а кто-то другой.

Завидев растопыренный кактус-цереус, Найл ощутил тепло смутной надежды. Внешне все как будто не вызывало тревоги. Но уже в трехстах шагах от жилища Найл заметил нечто, заставившее насторожиться. Большой камень и терновый куст, обычно закрывающие вход, были откинута в сторону, растение валялось чуть поодаль. Неутешное чувство бесприютности сделалось таким невыносимо острым, что казалось, вот-вот не выдержит и разорвется грудь. Сорвавшись на бег, юноша кричал сквозь слезы. Собственный голос, будто пощечина, заставил опомниться. Найл пришел в себя.

Поперек входа лежало распростертое человеческое тело. По обнаженной груди заметно: мужчина. На секунду Найл испытал облегчение: землистое распухшее лицо было незнакомым. И тут взгляд упал на браслет, охватывающий бицепс. Перед Найлом лежало тело отца. Паучий яд вкупе со зноем сделали свое дело, труп начал уже разлагаться.

В пещере горели три масляных светильника. Семья напоследок решила, видимо, позволить себе роскошь. Корзины с провизией и запасом воды аккуратным рядом ждали возле стены. Скатана в рулон принесенная Найлом из Диры ткань. Следов борьбы нигде не было. Копья стояли где им положено, у входа. На постели Руны лежала чашка с недоеденной муравьиной кашей. Если б не жуткий труп у порога, можно было бы подумать, что семья просто ненадолго отлучилась. Подхватив один светильник, Найл обошел всю пещеру. Никого. Муравьи и те пропали.

Найл сидел на постели с жестким, окаменевшим сердцем. Бремя свалившегося горя сокрушило все чувства. Даже труп отца уже не вызывал эмоций.

Юноша сидел, уставясь перед собой пустым неподвижным взором, не зная, как остаться с внезапным своим одиночеством, сомкнувшимся глухой стеной вокруг. Взор переключался на чашку каши, и в голову проникла мысль, что Руна и Мара, может, еще и живы. Это сразу же положило конец безразличию. Выйдя наружу, Найл взгляделся в глинисто-песчаную корку пустыни. Сухой и жесткой была она, но пытливого глазу охотника несколько невнятных отметин дали безошибочно понять, в каком направлении удалились пауки. Они ушли на северо-запад, к морю.

Возвратясь к пещере, Найл собрался с духом и тащил, ухватив за одежду, труп до самой отцовской постели. Раздувшееся лицо мертвеца имело вид жутковатого изваяния, между раскрывшимися черными губами виднелись желтые зубы. Найл отвернулся, не в силах смотреть. Тело Улфа он накрыл тканью, принесенной из Диры, – не из уважения, а скорее из неприязни к мертвому лицу. Затем переложил в одну из заплечных сумок кое-что из еды. Не забыл и раздвижную трубку-жест.

Как и что делать, он до этой секунды совершенно не задумывался. Во время обратного пути к пещере главное для него было забыться хотя бы на время ходьбой, чтобы не остаться наедине со своей беспомощностью. Не будь в пещере смердящего трупа, отравляющего воздух, еще и неизвестно, двинулся бы Найл куда-нибудь вообще.

Уходя, он завалил вход камнем, затем с полчаса подсовывал в щели камушки помельче. Солнце было теперь над самой головой, но Найла это не очень-то и заботило. Главное – удостовериться, что в пещеру не проникнут хищники. Место, десяток лет бессменно служившее семье жилищем, теперь превратилось в усыпальницу Улфа. Сыну хотелось, чтобы прах отца покоился в неприкосновенности, пока дети, возвратясь, не погребут его как воина.

Часть вторая. Башня

Найлу повезло, что днем не попались навстречу хищники. Сквозь злую и горькую обиду на судьбу он не замечал ничего вокруг себя. Похоже, он подошел к опасной грани: в душе остыло, опустело. Появись сейчас на дороге скорпион или жук-скакун, юноша лишь скользнул бы по нему скучным, презрительным взглядом, словно упрекая, что поздновато явились. Страх не было вообще (приятное, но какое-то диковатое ощущение).

Шел он быстро, двигаясь вдоль отметин на песке. Пауки ступали так невесомо, что следов за ними почти не оставалось; невозможно определить, сколько их было. Отпечатки ног Вайга и Сайрис виделись совершенно четко. Судя по глубине следа на мягком песке, шли они не налегке – возможно, несли Руну и Мару. Найл то и дело цепко всматривался в сторону горизонта, но тот был чист.

Путь лежал через западную оконечность каменистой пустынной земли, ориентировочно между пещерой и страной муравьев. Среди растительности чаще всего встречались терновник и тамариск, песок был равномерно усеян черными вулканическими камнями-голышами. Вдали рельеф постепенно загибался в горный хребет, на востоке чернели конусы потухших вулканов. Местность была неприглядной и угрюмой. Задувающий с запада ветер, перемахнув через голые раскаленные камни, иссушал пот сразу же, едва тот выступал из пор. Найлу доставляло удовольствие ощущать мрачное равнодушие ко всем этим неудобствам. Память о вздувшемся трупe Улфа приводила к мысли: телесные страдания – пустяк.

Он напрочь утратил чувство времени и был слегка удивлен, обнаружив, что солнце, оказывается, совсем уже коснулось левого окоема. Тянулась под ногами рыжеватая земля. Вдаль уходили красные скалы, некоторые из них – узкие обелиски высотой более пятидесяти метров. Пора было подумать о ночлеге. Эта местность была одинаково ровной и голой во всех местах. В конце концов Найл набрел на плоский рыжий камень, вросший в землю под углом. Вдобавок там еще пристроился терновый куст. Полчаса у Найла ушло на то, чтобы выдрать растение из земли и утрамбовать место, откуда оно торчало. Затем Найл поужинал сушеным мясом и плодом кактуса. Вкус горьковатой воды из родной пещеры вызывал шквал щемящих сердце воспоминаний. Захотелось вдруг мучительно разреветься. Стиснув зубы, он переборол себя и пошел собирать камни, чтобы сделать укрытие недоступным для ночных хищников. С чего бы, казалось, возводить укрытие среди ровной и совершенно голой равнины? Найлу просто хотелось забыться трудом. Сквозь скорлупу онемения не так донимает неизбывное горе.

Осторожность, однако, себя оправдала. В этом пришлось убедиться в глухой предрасветный час. Найл пробудился, почувствовав, как за терновым кустом что-то грузно возится. Свет луны уже тускнел, и в молочном сумраке смутно различались очертания какого-то крупного существа, быть может скорпиона. Тварь обнаружила присутствие Найла – должно быть, он случайно дернулся или вскрикнул во сне. Вытянув руку, юноша сжал металлическую трубку. Было слышно, как тварь сухо скребется панцирем о камни. Вот шевельнулся терновый куст. Найл, схватившись за него обеими руками, попытался удержать. Сообразив, что ему сопротивляются, существо начало огибать куст, выискивая, куда можно сунуться. Найл резко, волчком сел, прижавшись затылком к камню. Тварь, почуяв движение, взялась за работу с удвоенной силой. В фасеточном глазу мелькнула раздробленная луна. Тварь пыталась проделать брешь между нагромождением камней и верхушкой тернового куста, используя защищенные панцирем плечи как таран. Найл почувствовал, что ступню щекотнул щупик. Подавшись вперед, он с силой утопил кончик трубки. Та, шелкнув, раздвинулась на пару шагов. Обмирая от ожидания, что его вот-вот кромсанут челюсти, Найл опять с размаху двинул копьём в темноту и, судя по всему, угодил куда надо: оружие вошло во что-то мягкое. Существо не мешкая развернулось и пустилось наутек, свет луны отливал на чешуйчатой спине. Уж кем бы эта тварь ни была, но

решила, что добыча с таким опасным жалом ей не по зубам. Найл же подтянул куст на прежнее место и снова улегся, положив оружие возле себя. Глаза открыл уже с рассветом. Подрагивая от утренней прохлады, он лежал и наблюдал, как восходит солнце. Пожевав сушеного мяса и запив водой, он продолжил путь в сторону гористой возвышенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.